

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 18 (3) 2021

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2021

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
18(3) 2021
Ноябрь 2021**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 20.11.2021 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 16,41

Тираж 500 экз.

Заказ № 43303

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
18(3) 2021
November 2021**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on November 20, 2021
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 16,41
Issues – 500
Order # 43303

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**October 6, 2020 the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

№ 18(3)

Тропы метода

Сайто К.

Экологические тетради Карла Маркса10

Васечко В.Ю.

«Эзо-» или «экзо-»?

К проблеме выбора ученым формата дискурса
в науке политарного общества31**Рой О.М.**Логический анализ государственных программ
как инструмент повышения их эффективности48

Дискурс политики памяти

Мошкин С.В.

Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г.64

Голоскоков В.А., Русакова О.Ф.«Победные» фразы-клише как нарративный компонент
политики памяти о Великой Отечественной войне.....76

Парадигмы и процессы

Веселова Д.Н.Климатическая политика Российской Федерации:
законодательные и институциональные аспекты.....96**Наронская А.Г.**Особенности институционализации
региональной элиты Свердловской области в 1990-е гг.112**Мухаметов Р.С., Буянов Н.А.**Политические практики «вращающихся дверей» в России:
региональный аспект.....128**Павлюк К.А.**

Молдавская идентичность: два проекта, два пути развития страны142

Грушевская В.Ю.

Дискурсивные особенности молодежных видеоблогов
в российском сегменте YouTube160

Рецензии и рефераты

Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г.

Интернет-технологии в политической коммуникации:
вызовы и возможности.....176

Тумакова В.М.

Обзор статьи М. Флигеля и З. Криза «Мягкая сила по-пекински:
концептуализация, отличная от американской»186

18(3)

Tropes of Method

- Saito, K.**
Marx's Ecological Notebooks10
- Vasechko, V.Yu.**
"Eso-" or "Exo-"
The Problem of Choosing the Discourse Format
in the Politar Society Science31
- Roy, O.M.**
Logical Analysis of State Programs
as a Tool for Increasing Their Efficiency48

Memory Policy Discourse

- Moshkin, S.V.**
The 1917 October Revolution Memory Politics.....64
- Goloskokov, V.A., Rusakova, O.F.**
"Victorious" Cliché Phrases as a Narrative Component
of the Great Patriotic War Memory Politics.....76

Paradigms and Processes

- Veselova, D.N.**
Climate Policy of the Russian Federation:
Legislative and Institutional Aspects.....96
- Naronskaya, A.G.**
Institutionalization Specific
of the Sverdlovsk Region Elite in the 1990-s..... 112
- Mukhametov, R.S., Buyanov, N.A.**
"Revolving Doors" Practices in Russia:
The Regional Aspect..... 128
- Pavliuc, C.A.**
Moldovan Identity: Two Projects, Two Ways of State Development 142

Grushevskaya, V.Yu.

Discursive Features of Youth Video Blogs
in the Russian Segment of YouTube..... 160

Reviews and Abstracts

Rusakova, O.F., Gribovod, E.G.

Internet Technologies in Political Communication:
Challenges and Opportunities 176

Tumakova, V.M.

Review of the Article by M. Fliegel and Z. Kříž "Beijing-Style Soft Power:
A Different Conceptualisation to the American Coinage" 186

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ КАРЛА МАРКСА***Кохей Сайто,**Городской университет Осаки,
Осака, Япония,
saito@econ.osaka-cu.ac.jp

Статья поступила в редакцию 12.04.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Сайто К. Экологические тетради Карла Маркса // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 10–30. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_10

Аннотация

В статье анализируются естественно-научные (экологические) рукописи Карла Маркса (1864–1872), среди которых наиболее важное место занимают тетради, относящиеся к 1868 г. Эти рукописи представляют собой в основном выписки из работ разных авторов, но также они содержат и оригинальные идеи самого Маркса, позволяют увидеть его интересы до и после публикации первого тома «Капитала» в 1867 г. и направления, в которых он мог бы развиваться благодаря своим интенсивным исследованиям в таких дисциплинах, как биология, химия, геология и минералогия, основную часть которых он не смог полностью интегрировать в «Капитал». Автор статьи доказывает, что расхожее представление о Марксе как стороннике экологического «прометеизма» (крайней формы приверженности индустриализму, независимому от естественных пределов) не соответствует действительности. Экологические тетради показывают, что Маркс критиковал капиталистический способ производства, при котором неизбежно происходит нарушение метаболического

* Первоначальный вариант статьи опубликован в журнале Monthly Review. См.: Saito, K. (2016). Marx's ecological notebooks. Monthly Review, 67(9), 25–42. https://doi.org/10.14452/mr-067-09-2016-02_3. Редакцией журнала «Дискурс-Пи» получено разрешение на опубликование статьи на русском языке. Переводчик – П.Н. Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

© Сайто К., 2021

взаимодействия (нем. *stoffwechsel*) между человечеством и природой, а сельское хозяйство как «грабительская система» приводит к истощению почв, обезлесению и, соответственно, ухудшению естественных условий производительности труда. Маркс считал нарушение метаболического взаимодействия одним из фундаментальных противоречий капитализма, называя его метаболическим разломом. Он полагал, что преодоление этого разлома и восстановление гармоничного метаболического взаимодействия между человеком и природой будет, помимо всего прочего, важнейшим шагом к социализму и коммунизму. Автор статьи приходит к заключению, что экологическая теория Маркса несколько не устарела (как и его экономическое учение), она остается полностью открытой для новых возможностей интеграции естественно-научных знаний с критикой современного капитализма.

Ключевые слова:

метаболическое взаимодействие, природа, метаболический разлом, прометеизм, грабительская система, обезлесение, закон замещения.

UDC 101+574

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_10

MARX'S ECOLOGICAL NOTEBOOKS

Kohei Saito,

Osaka City University,
Osaka, Japan,
saito@econ.osaka-cu.ac.jp

Article received on April 12, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Saito, K. (2021). Marx's Ecological Notebooks. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 10–30. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_10

Abstract

The article investigates Marx's natural-scientific (ecological) manuscripts (1864–1872), among which the most important are notebooks of 1868. These manuscripts are mainly excerpts from works of various authors, but they also contain Marx's own original ideas and allow us to see his interests before and after the publication of the first volume of *Capital* in 1867, and the directions he might have taken through his intensive research into disciplines such as biology, chemistry, geology, and mineralogy, much of which he was not able fully to integrate into *Capital*. The author of the article argues that the common view of Marx as a supporter of the ecological "Prometheanism" (an extreme commitment to industrialism, irrespective of natural limits) does not correspond to reality. The ecological notebooks show that Marx criticized the capitalist mode of production which inevitably leads to the disturbance of the metabolic interaction (German: *stoffwechsel*)

between humanity and nature, when modern agriculture as a “robbery system” causes soil exhaustion, deforestation and therefore diminishes natural conditions of labor productivity. Marx considered metabolic disturbance to be one of the fundamental capitalism’s contradictions, calling it the metabolic rift. He believed that its overcoming and restoring a harmonious metabolic interaction between human and nature would be, among other things, the most important step towards socialism and communism. The author of the article comes to the conclusion that Marx’s ecological theory is not outdated at all (as well as his economic doctrine), it remains fully open to new possibilities for integrating natural scientific knowledge with the critique of contemporary capitalism.

Keywords:

metabolic interaction, nature, metabolic rift, Prometheanism, robbery system, deforestation, law of replacement.

Введение

Карла Маркса давно критикуют за его так называемый экологический «прометеизм» – крайнюю приверженность индустриализму, независимому от естественных пределов. Эту точку зрения, поддержанную даже рядом марксистов, таких как Тед Бентон (Ted Benton) и Михаэль Леви (Michael Löwy), становится все труднее принять после серии кропотливых и дающих пищу для размышления исследований экологических аспектов мысли Маркса, подробно изложенных в журнале *Monthly Review* и других изданиях. Дискуссия о прометеизме – это не просто филологический, а сугубо практический вопрос, поскольку капитализм сталкивается с экологическими кризисами глобального масштаба, не имея конкретных решений. Любые подобные решения, вероятно, будут исходить от различных экологических движений, возникающих во всем мире, некоторые из них явно ставят под сомнение капиталистический способ производства. Поэтому сейчас как никогда переоткрытие *марксовой экологии*¹ имеет огромное значение для развития новых форм левой стратегии и борьбы против глобального капитализма.

Тем не менее среди левых вряд ли существует единство мнений относительно того, в какой степени критика Маркса может обеспечить теоретическую основу для этой новой экологической борьбы. «Экосоциалисты первой стадии» в классификации Джона Беллами Фостера (John Bellamy Foster), такие как Андре Горц (André Gorz), Джеймс О’Коннор (James O’Connor) и Ален Липиц (Alain Lipietz), в некоторой степени признают вклад Маркса в разработку экологических вопросов, но в то же время утверждают, что его анализ, сделанный в XIX столетии, слишком неполный и устаревший, чтобы иметь реальную актуальность сегодня. Напротив, «экосоциалисты второй стадии», такие как сам Фостер и Пол Баркетт (Paul Burkett), подчеркивают современное методологическое значение

¹ Слово сочетание *Marxian ecology* мы переводим как марксова экология (экология Маркса, нем. marxische Ökologie), а *Marxist ecology* – как марксистская экология (нем. marxistische Ökologie).

экологической критики капитализма Марксом, основанной на его теориях ценности и овещнения (Burkett, 2014).

В данной статье будет использован другой подход, на основе которого мы рассмотрим естественно-научные рукописи Маркса, особенно его записные книжки 1868 г., которые будут впервые опубликованы в новом издании *Marx-Engels-Gesamtausgabe* (MEGA)². Как справедливо подчеркивают Фостер и Баркетт, записные книжки Маркса позволяют нам ясно увидеть его интересы и заботы до и после публикации первого тома «Капитала» в 1867 г., а также направления, в которых он мог бы развиваться благодаря своим интенсивным исследованиям в таких дисциплинах, как биология, химия, геология и минералогия, большую часть которых он не смог полностью интегрировать в «Капитал» (Foster, Burkett, 2008).

Хотя грандиозный проект «Капитала» так и остался незавершенным, в последние пятнадцать лет своей жизни Маркс заполнил огромное количество блокнотов фрагментами и выписками. Фактически к этому периоду относится треть его записных книжек, и почти половина из них посвящена естественным наукам. Интенсивность и размах научных исследований Маркса поражают. Таким образом, просто неверно заключать, как это делают некоторые критики, что мощные экологические аргументы Маркса в «Капитале» и других трудах были лишь второстепенными, игнорируя массу противоположных свидетельств, которые можно найти в его поздних естественнонаучных исследованиях.

Взглянув на записные книжки после 1868 г., можно сразу заметить быстрое расширение экологических интересов Маркса. Я буду утверждать, что марксова критика политической экономии, если бы она была завершена, сделала бы гораздо более сильный акцент на нарушении «метаболического взаимодействия» (нем. *stoffwechsel*) между человечеством и природой как фундаментальном противоречии внутри капитализма. Кроме того, углубление экологических интересов Маркса усложняет критику Либихом современной «грабительской системы», которую я рассмотрю далее. Центральное место экологии в поздних трудах Маркса долгое время оставалось трудноразличимым, потому что он так и не смог завершить свой *tagnum opus*. Недавно опубликованные тетради обещают помочь нам понять эти скрытые, но витально важные аспекты жизненного проекта Маркса.

Маркс и Либих в разных изданиях «Капитала»

К настоящему времени хорошо известно, что критика Марксом иррациональности современного сельского хозяйства в «Капитале» глубоко обоснована «Агрехимией» Юстуса фон Либиха (Justus von Liebig) и «Записками о Северной Америке» Джеймса Ф. У. Джонстона (James F. W. Johnston), в которых утверждается, что пренебрежение естественными законами почв неизбежно приводит к их истощению (Foster, 2000; Saito, 2014). После тщательного изучения этих книг

² На данный момент рукописи опубликованы: Marx, K. (2019). Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872. In *Marx-Engels-Gesamtausgabe* (MEGA). Band 18. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung.

в 1865–1866 гг. Маркс включил основные идеи Либиха в первый том «Капитала». В разделе «Современная промышленность и сельское хозяйство» Маркс писал, что «капиталистическое производство, постоянно увеличивая перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым, с одной стороны, историческую силу движения общества вперед, а с другой стороны, препятствует обмену веществ между человеком и землей, т. е. возвращению почве ее составных частей, использованных человеком в форме средств питания и одежды, т. е. нарушает вечное естественное условие постоянного плодородия почвы. Тем самым оно разрушает одновременно физическое здоровье городских рабочих и духовную жизнь сельских рабочих»³.

Этот известный отрывок стал краеугольным камнем недавних исследований «метаболического разлома»/«метаболического разрыва» (Foster et al., 2010). В примечании к этому разделу Маркс открыто признает свой долг перед седьмым изданием «Агрехимии» Либиха, опубликованным в 1862 г.: «Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет собой одну из бессмертных заслуг Либиха»⁴. Такие замечания являются причиной того, что подход, занимающийся исследованием метаболического разлома, сосредоточился на критике Либихом современного сельского хозяйства как интеллектуальном источнике экологической критики капитализма Марксом.

Однако вряд ли известно, что в первом немецком издании «Капитала» 1867 г., которое, к сожалению, недоступно на английском языке, Маркс заявил, что «краткие комментарии Либиха по истории сельского хозяйства, хотя и не лишены грубых ошибок, но содержат больше проблесков озарения, чем все работы современных политэкономов вместе взятые [mehr Lichtblicke als die Schriften sämtlicher modernen politischen Oekonomen zusammengenommen]»⁵. Внимательный читатель может сразу заметить разницу между данной версией и более поздними изданиями, хотя на это только недавно указал немецкий редактор MEGA Карл-Эрих Вольграф (Carl-Erich Vollgraf)⁶. Маркс изменил это предложение во втором издании «Капитала», опубликованном в 1872–1873 гг. Следовательно, мы обычно читаем только: «Его краткие комментарии... хотя и не лишены грубых ошибок, содержат проблески озарения» (Marx, 1976, p. 638). Маркс удалил утверждение, что Либих был более проницательным, «чем все современные политэкономы вместе взятые». Почему же Маркс смягчил свое одобрение вклада Либиха в классическую политическую экономию?

Можно было бы возразить, что это исключение является лишь тривиальным изменением, призванным прояснить первоначальный вклад Либиха в агрохи-

³ Перевод цит. по: Маркс, К. (1960). Капитал. В *Сочинения* (Т. 23, с. 514). М.: Политиздат.

⁴ Там же. С. 515

⁵ Здесь и далее по тексту ссылки на Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA) мы будем делать в соответствии с исходным вариантом статьи в сокращенном виде – раздел, том, страница: MEGA II, vol. 5, 410.

⁶ Vollgraf, C.-E. Introduction to MEGA II, vol. 4.3, 461. Однако важно отметить, что Маркс сообщил то же самое в письме Энгельсу 13 февраля 1866 г.: «Мне пришлось разобраться с новой агрохимией в Германии, в частности с Либихом и Шёнбейном, что в этом вопросе важнее, чем все экономисты вместе взятые» (Marx, 1987, p. 227).

мию и отделить его от политической экономии, где великий химик допустил некоторые «грубые ошибки». Кроме того, Маркс, как показывают эти страницы, с большим энтузиазмом относился к пониманию проблемы почвы одним конкретным политэкономом, а именно *Джеймсом Андерсоном* (James Anderson), который, в отличие от других классических политэкономов, рассматривал проблемы разрушения почвы. Это было признание Либихом «деструктивной стороны современного сельского хозяйства», которое Маркс охарактеризовал как «одну из бессмертных заслуг Либиха». Следовательно, в связи с исследованиями Дж. Андерсона Маркс мог подумать, что его высказывание в первом издании «Капитала» было несколько преувеличенным.

Тем не менее, следует также отметить, что агрохимия Либиха активно обсуждалась рядом политэкономов в то время именно из-за его предполагаемого вклада в политическую экономию, особенно теорию земельной ренты и теорию народонаселения⁷. Например, немецкий экономист Вильгельм Рошер (Wilhelm Roscher) признал актуальность теории минералов Либиха для политической экономии еще до Маркса и добавил некоторые отрывки и примечания, посвященные Либиху, в его четвертом издании книги «Национальная экономика сельского хозяйства и смежные отрасли естественного производства [Nationalökonomie des Ackerbaues und der verwandten Urproductionen]» (1865), чтобы интегрировать новые сельскохозяйственные открытия Либиха в свою собственную систему политической экономии. Примечательно, что Рошер хвалит Либиха аналогичными словами: «Даже если многие исторические утверждения Либиха весьма спорны... даже если он упускает некоторые важные факты национальной экономики, имя этого великого естествоиспытателя всегда будет занимать почетное место, сравнимое с именем Александра Гумбольдта в истории народного хозяйства» (Roscher, 1865, p. 66). На самом деле весьма вероятно, что книга Рошера побудила Маркса перечитать «Агрохимию» Либиха в 1865–1866 гг. Схожие замечания обоих авторов отражают широко распространенное в то время мнение об агрохимии Либиха.

Более того, разумно предположить, что Маркс в первом издании «Капитала» намеренно сравнивал Либиха с политическими экономистами, которые постулировали трансисторическое и линейное развитие сельского хозяйства, будь то от более продуктивных к менее продуктивным почвам (Мальтус, Рикардо и Дж.С. Милль) или от менее продуктивных к более продуктивным (Кэри, а затем Дюринг). Критика Либихом «грабительской системы» возделывания вместо этого осуждает как раз современную форму сельского хозяйства и его снижающуюся продуктивность в результате нерационального и разрушительного использования почвы. Другими словами, историзация современного сельского хозяйства Либихом дает Марксу полезную естественнонаучную основу для отказа от абстрактных и линейных трактовок сельскохозяйственного развития.

Однако, как мы видели ранее, Маркс несколько релятивизирует вклад Либиха в политическую экономию между 1867 и 1872–1873 гг. Может быть, Маркс сомневался в химии Либиха так же, как и в его экономической теории?

⁷ Введение Либиха включает раздел под названием «Национальная экономика и сельское хозяйство»; Маркс начинает свои отрывки с этого раздела, затем возвращается к началу введения.

В этом контексте внимательное изучение писем и записных книжек Маркса помогает нам понять более широкие цели и методы его исследований после 1868 г.

Дебаты по агрохимии Либиха

Глядя на письма и записные книжки того периода, кажется более вероятным, что изменение, касающееся вклада Либиха, во втором издании «Капитала» представляло собой нечто большее, чем простое исправление. Маркс был хорошо осведомлен о жарких спорах вокруг «Агрохимии» Либиха, поэтому после публикации первого тома «Капитала» он счел необходимым проверить обоснованность его теории. В письме Энгельсу от 3 января 1868 г. Маркс попросил его посоветоваться с давним другом и химиком Карлом Шорлеммером (Carl Schorlemmer): «Я хотел бы узнать у Шорлеммера, какая самая последняя и лучшая книга (на немецком языке) по агрохимии. Кроме того, каково нынешнее состояние спора между людьми, использующими минеральные удобрения, и людьми, использующими азотные удобрения? (С тех пор, как я в последний раз изучал эту тему, в Германии появилось много нового). Знает ли он что-нибудь о последних немцах, которые писали против теории истощения почвы Либиха? Знает ли он об аллювиальной теории мюнхенского агронома Фрааса (профессора Мюнхенского университета)? Для главы о земельной ренте я должен быть осведомлен о последнем состоянии вопроса, по крайней мере в некоторой степени» (Marx, 1987, p. 507–508).

Замечания Маркса в этом письме ясно указывают на его намерение в начале 1868 г. изучать книги по сельскому хозяйству. Он не просто ищет новейшую литературу по сельскому хозяйству в целом, но уделяет особое внимание дискуссиям и критике сельскохозяйственной химии Либиха. Важно отметить, что в рукописи третьего тома «Капитала» Маркс нехарактерно указывает на важность анализа Либиха, в то же время подчеркивая, что он должен быть дополнен в будущем. То есть это было частью дискуссии, которую он продолжал исследовать – и в таких базовых областях, как «снижение продуктивности почвы», связанных с обсуждением падающей нормы прибыли.

Либих, которого часто называют «отцом органической химии», убедительно доказал, что для здорового роста растений необходимы как органические, так и неорганические вещества, такие как азот, фосфорная кислота и калий. Он утверждал, вопреки господствующим теориям, основанным на гумусе (органическом компоненте почвы, состоящем из разложившихся растительных и животных веществ) или азоте, что все необходимые вещества должны быть обеспечены в большем объеме, чем «минимальное количество», – положение, известное как «закон минимума» Либиха (Brock, 1997). Хотя понимание Либихом роли неорганических веществ остается актуальным и сегодня, два вытекающих из него тезиса – теории минерального удобрения и истощения почвы – немедленно вызвали полемику.

По словам Либиха, количество неорганических веществ в почвах остается ограниченным без постоянного пополнения. Поэтому необходимо регулярно возвращать в почву те неорганические вещества, которые впитали растения, если мы хотим выращивать устойчивые культуры. (Они могут быть возвращены либо в неорганических, либо в органических формах, которые преобразованы (ми-

нерализованы) в неорганические формы). Либих называет эту необходимость «законом замещения» и считает, что полное замещение неорганических веществ является основополагающим принципом устойчивого сельского хозяйства. Поскольку природа сама по себе не могла обеспечить достаточное количество неорганического материала при ежегодном удалении такого большого количества питательных веществ, Либих выступал за использование химических минеральных удобрений. Он утверждал, что не только теория гумуса из «Принципов практического ведения сельского хозяйства» Альбрехта Даниэля Тэера (Albrecht Daniel Thaer), но и азотная теория Джона Беннета Лоуса (John Bennett Lawes) и Джозефа Генри Гилберта (Joseph Henry Gilber) имеют серьезные недостатки, поскольку они не обращают внимания на ограниченное количество доступных неорганических веществ в почве.

Основываясь на своей теории, Либих предупредил, что нарушение закона замещения и последующее истощение почвы *угрожают всей европейской цивилизации*. Согласно Либиху, современная индустриализация создала новое разделение труда между городом и деревней, так что продукты, потребляемые рабочим классом в больших городах, больше не возвращаются и не восстанавливают первоначальные почвы, а вместо этого вытекают в реку через водные туалеты без какого-либо дальнейшего использования. Кроме того, за счет коммодификации (коммерциализации) сельскохозяйственной продукции и удобрений (костей и соломы) цель сельского хозяйства расходуется с устойчивостью и становится просто максимизацией прибыли, выжимая питательные вещества из почвы в сельскохозяйственные культуры в кратчайшие сроки. Обеспокоенный этими фактами, Либих осудил современное сельское хозяйство как «грабительскую систему» и предупредил, что нарушение естественного метаболического взаимодействия в конечном итоге приведет к упадку цивилизации. Отойдя от своей довольно оптимистичной веры начала и середины 1850-х гг. в химические удобрения как панацею, Либих в издании «Агрохимии» 1862 г., особенно в его новом введении, гораздо ярче подчеркнул деструктивные аспекты современного сельского хозяйства.

Когда в 1862 г. Либих усилил свою критику этой грабительской системы и скорректировал свой прежний оптимизм, Маркс, по понятным причинам, почувствовал необходимость пересмотреть дебаты о плодородии почвы с новой точки зрения. В то же время критика Либихом грабительской системы и истощения почвы вызвала ряд новых споров среди ученых и агрономов. Письмо Маркса Энгельсу ясно дает понять, что даже после публикации первого тома «Капитала» он попытался проверить обоснованность теории Либиха с более критической точки зрения.

Примечательно, что к этим дебатам присоединились и другие политэкономы, помимо Маркса и Рошера. По словам Фостера, Генри Чарльз Кэри (Henry Charles Carey) уже упоминал о расточительном сельскохозяйственном производстве в Соединенных Штатах и утверждал, что безответственный «грабеж с земли» представляет собой серьезное «преступление» против будущих поколений (Foster, 2000, p. 153). Либих также интересовался Кэри и много цитировал его работы, но Маркс, возможно, не совсем ясно понимал их отношения, когда читал «Агрохимию» в 1865–1866 гг. Маркс переписывался с Кэри, который прислал ему свою книгу о рабстве, где содержались некоторые его рассуждения об истощении

почвы, также Маркс изучал экономические труды Кэри (Perelman, 2002). Однако роль Кэри в общей дискуссии о почве, вероятно, стала более очевидной, когда Маркс столкнулся с работой Евгения Дюринга (Eugen Dühring). Маркс начал изучать книги Дюринга в январе 1868 г., после того как Луи Кугельманн (Louis Kugelmann) прислал ему дюринговскую рецензию на «Капитал» – первую рецензию на книгу, опубликованную в декабре 1867 г.

Дюринг, преподаватель Берлинского университета, был ярким сторонником экономической системы Кэри. Он также интегрировал теорию Либиха в свой экономический анализ в качестве дальнейшего подтверждения предложения Кэри о создании автаркических городов-общин, в которых производители и потребители живут в гармонии, не тратя впустую питательные вещества растений и, следовательно, не истощая почвы. Дюринг считал, что теория истощения почвы Либиха «опирается на систему Кэрри» и утверждал, что «истощение почвы, которое, например, уже стало весьма опасным для Северной Америки, будет... остановлено в долгосрочной перспективе только благодаря коммерческой политике, основанной на защите и воспитании домашнего труда. Гармоничное развитие различных возможностей одной нации... способствует естественной циркуляции материи (нем. *kreislauf der stoffe*) и делает возможным возвращение питательных веществ растений в почву, из которой они были взяты» (Dühring, 1865, p. xiii).

В рукописи третьего тома «Капитала» Маркс представлял будущее общество за пределами антагонизма между городом и деревней, в котором «связанные производители рационально регулируют свой метаболический обмен с природой». Он, должно быть, был удивлен, узнав, что Дюринг аналогичным образом требовал в качестве «единственной контрмеры» против расточительного производства «сознательное регулирование материального распределения» путем преодоления разделения между городом и деревней (Dühring, 1866, p. 230). Иными словами, утверждение Маркса наряду с размышлениями Дюринга отражает популярную в то время тенденцию «школы Либиха».

В последующие годы взгляд Маркса на Дюринга стал более критическим, поскольку Дюринг начал продвигать свою собственную систему как единственно верную основу социал-демократии. Это, вероятно, усилило подозрения Маркса в отношении дюринговской интерпретации истощения почвы и ее сторонников, даже если он продолжал признавать полезность теории Либиха. Во всяком случае, в начале 1868 г. дискурсивная констелляция⁸ уже побудила Маркса изучать книги «против теории истощения почвы Либиха».

Мальтузианство Либиха?

Маркс был особенно обеспокоен тем, что предостережения Либиха об истощении почвы содержали намек на мальтузианство. Они реабилитировали, если воспользоваться выражением Дюринга, «призрак Мальтуса», поскольку Либих, казалось, представил новую «научную» версию старых мальтузианских тем

⁸ Дискурсивная констелляция (discursive constellation) – система отношений дискурса с иными знаковыми системами, дискурсивными формациями, семантическими полями. Понятие введено М. Фуко в работе «Археология знания».

о нехватке продуктов питания и перенаселении (Dühring, 1865, p. 67; Arnd, 1864). Как отмечалось выше, общий тон аргументации Либиха сместился с оптимизма 1840-х – середины 1850-х гг. на довольно пессимистический в конце 1850-х и 1860-е гг. Резко критикуя британское промышленное сельское хозяйство, он предсказал европейскому обществу темное будущее, полное войн и голода, если «закон замещения» и дальше будет игнорироваться: «Через несколько лет запасы гуано будут исчерпаны, и тогда не нужно будет ни научных, ни, так сказать, теоретических споров, чтобы доказать закон природы, требующий от человека заботы о сохранении условий жизни... Для своего самосохранения народы будут вынуждены убивать и уничтожать друг друга в бесконечных войнах, чтобы восстановить равновесие, и, не дай Бог, если два года голода, такие как в 1816–1817 гг., снова сменят друг друга, те, кто выживет, увидят сотни тысяч погибших на улицах» (Liebig, 1862, p. 125).

Новый пессимизм Либиха совершенно отчетливо проявляется в этом отрывке. Хотя его взгляд на современное сельское хозяйство как на «грабительскую систему» демонстрирует его превосходство над широко распространенным неисторическим «законом убывающей отдачи» Мальтуса и Рикардо, его вывод оставляет его отношение к мальтузианским идеям неоднозначным. Действительно, Маркса особенно беспокоили ссылки Либиха на теорию Рикардо. Фактически Либих лично знал Джона Стюарта Милля (John Stuart Mill) и, возможно, находился под непосредственным влиянием последнего. Однако по иронии судьбы, как указывает Маркс, теория ренты Рикардо возникла не у Рикардо и даже не у Мальтуса, и уж точно не у Джона Стюарта Милля, как ошибочно полагает Либих, а у Джеймса Андерсона, который дал ей историческую основу в феномене деградации почвы. Что беспокоило Маркса, так это частая связь в его дни Либиха с Мальтусом и Рикардо, представляющая логику, противоположную собственному анализу Маркса, и которая, в отличие от Мальтуса и Рикардо, подчеркивала *исторический* характер почвенной проблемы (см.: Foster, 2000, pp. 142–147).

Вопрос о мальтузианстве Либиха может показаться загадочной деталью в более широкой дискуссии об истощении почвы, но это одна из основных причин, почему его «Агрохимия» стала такой популярной в 1862 г.⁹ Для Дюринга это мальтузианство не было такой проблемой, потому что он считал, что экономическая система Кэри уже развеяла «призрак Мальтуса», показывая, что развитие общества сделало возможным культивировать более качественные почвы (Dühring, 1865, p. 67). Конечно, Маркс вряд ли мог принять это наивное предположение, поскольку он писал Энгельсу в ноябре 1869 г.: «Кэри игнорирует даже самые известные факты» (Marx, 1988, p. 384).

Итак, в 1868 г. Маркс начал читать работы авторов, которые более критически относились к «Агрохимии» Либиха. Он уже был знаком с аргументами, подобными аргументам Рошера, согласно которым грабительская система должна подвергаться критике с точки зрения «естествознания», но может быть оправдана с «экономической» точки зрения, поскольку она более прибыльна (Roscher,

⁹ Либих намеренно писал в провокационных выражениях в надежде восстановить свою профессиональную славу, и в этом смысле седьмое издание было вполне успешным (см.: Finlay, 1991).

1865, р. 65). По словам Рошера, нужно было остановить грабеж только тогда, когда восстанавливать первоначальное плодородие почвы стало бы слишком дорого, но об этом позаботятся рыночные цены. Принимая аргументы Рошера, немецкий философ Фридрих Альберт Ланге (Friedrich Albert Lange) выступил против восприятия Дюрингом Либиха и Кэри в его «Взглядах на социальный вопрос Дж. С. Милля [J. St. Mills Ansichten über die soziale Frage]», опубликованных в 1866 г. Маркс прочитал книгу Ланге в начале 1868 г., и не случайно его тетрадь посвящена четвертой главе, где Ланге обсуждает проблемы теории ренты и истощения почвы. В частности, Маркс отметил¹⁰ замечание Ланге о том, что Кэри и Дюринг осуждали «торговлю» с Англией как причину всех зол и рассматривали «протекционистский тариф» как окончательную «панацею», не признавая при этом, что «промышленность» обладает «тенденцией централизации», которая создает не только разделение города и деревни, но и экономическое неравенство (Lange, 1866, р. 197). Как и Рошер, Ланге утверждал, что «несмотря на естественнонаучную правильность теории Либиха», культивирование грабежа может быть оправдано с «национально-экономической» точки зрения (Lange, 1866, р. 203).

Схожие идеи можно найти в работах немецкого экономиста Юлиуса Ау (Julius Au). У Маркса был экземпляр работы Ау «Вспомогательные удобрения и их значение для национальной и частной экономики [Hilfsdüngermittel in ihrer volks- und privatwirtschaftlichen Bedeutung]» (1869), где на полях он оставил примечания и комментарии (Marx, 1999, р. 42). Признавая научную ценность теории минералов Либиха, Ау сомневался, что теорию истощения почвы можно рассматривать как «абсолютный» закон природы. Напротив, как утверждал Ау, это была «относительная» теория, не имеющая большого значения для экономики России, Польши или Малой Азии, поскольку в этих областях сельское хозяйство могло поддерживаться предположительно за счет экстенсивного развития, без соблюдения «закона замещения» (Au, 1869, р. 179). Однако Ау, похоже, забыл, что главной заботой Либиха были страны Западной Европы. Более того, он в конечном итоге некритически воспринял механизмы регулирования цен на рынке, которые он, как и Рошер, ожидал, должны препятствовать чрезмерной эксплуатации почвенной энергии, поскольку она просто перестала бы быть прибыльной. Что осталось от теории Либиха для Ланге и Ау, так это простой факт, что почву нельзя улучшать бесконечно. В конце концов, они были неомальтузианскими сторонниками теории перенаселения и закона убывающей отдачи.

Реагируя на все это, Маркс пишет комментарий: «Идиот! [Asinus!]». И ставит много недоверчивых вопросительных знаков в своем экземпляре книги Ау (Marx, 1999, р. 42). Его оценка книг Ланге столь же враждебна, поскольку он иронично комментирует мальтузианское объяснение истории Ланге в своем письме Кугельманну от 27 июля 1870 г. (Marx, 1988, р. 527). Кроме того, можно с уверенностью предположить, что Маркса не привлекала идея реализовать

¹⁰ Marx-Engels Archive (MEA), International Institute of Social History (Amsterdam), Sign. B 107, 31–32. Здесь и далее по тексту ссылки на архив К. Маркса и Ф. Энгельса в Международном институте социальной истории (Амстердам) мы будем делать в соответствии с исходным вариантом статьи в сокращенном виде: MEA, Sign. B 107, 31–32.

устойчивое сельское хозяйство за счет колебаний рыночных цен. Поскольку Маркс также не мог поддержать Кэри и Дюринга, он принялся более интенсивно изучать проблему истощения почвы, чтобы сформулировать изощренную критику современной грабительской системы.

Итак, резюмируем. Маркс сначала думал, что описание Либихом разрушительных последствий современного сельского хозяйства может быть использовано в качестве мощного аргумента против абстрактного закона убывающей отдачи Рикардо и Мальтуса, но начал подвергать сомнению теорию Либиха после 1868 г., когда дебаты об истощении почвы все больше принимали мальтузианский тон. Поэтому Маркс отступил от своего несколько некритичного и преувеличенного утверждения, что анализ Либиха «содержит больше проблесков озарения, чем все работы современных политэкономов вместе взятые», в рамках подготовки к более обширному исследованию проблемы, которое он явно намеревался провести для второго и третьего томов «Капитала».

Теория метаболического взаимодействия Маркса и Фрааса

Если мальтузианские тенденции Либиха составляли отрицательную причину изменения Марксом предложения о Либихе во втором издании «Капитала», то была и более положительная причина: Маркс столкнулся с рядом авторов, которые стали столь же важными, как Либих, в его экологической критике политической экономии. Карл Фраас (Carl Fraas) был одним из них. В одном из писем в январе 1868 г. Маркс спрашивает Шорлеммера о Фраасе, немецком агрономе и профессоре Мюнхенского университета. Хотя Шорлеммер не смог предоставить никакой конкретной информации об «аллювиальной теории» Фрааса, Маркс тем не менее начал читать несколько его книг в последующие месяцы.

Имя Фрааса впервые появляется в записной книжке Маркса в период с декабря 1867 г. по январь 1868 г., когда он отмечает название его книги 1866 г. «Аграрные кризисы и их решения [Die Ackerbaukrisen und ihre Heilmittel]», полемики против теории истощения почвы Либиха¹¹. Когда Маркс писал Энгельсу в январе 1868 г., что «с тех пор, как я в последний раз изучал эту тему, в Германии появилось много нового», он, вероятно, имел в виду работу Фрааса.

Как только книга Фрааса была опубликована, его отношения с Либихом стали очень напряженными, после того как Либих раскритиковал научное невежество сельскохозяйственных педагогов и практических фермеров в Мюнхене, где Фраас преподавал в качестве профессора в течение многих лет. В ответ Фраас защищал аграрную практику в Мюнхене и утверждал, что теория Либиха была переоценена и представляла собой отступление в мальтузианскую теорию, игнорирующую различные исторические формы сельского хозяйства, которые поддерживали и даже увеличивали производительность, не вызывая истощения почвы. Согласно Фраасу, пессимизм Либиха проистекал из его молчаливого предположения, что люди должны иметь возможность возвращать неорганические вещества, и поэтому почва требовала – если разделение между городом и деревней не будет устранено – введения искусственных удобрений, что, однако,

¹¹ MEA, Sign. B 107, 13.

оказалось бы слишком дорогостоящим. Фраас, напротив, предлагает более доступный метод поддержания плодородия почвы, используя силу самой природы, как это представлено в его «аллювиальной теории» (Fraas, 1866, p. 151).

По определению Чарльза Лайелля (Charles Lyell), аллювий (намыв, отложение) – это «земля, песок, гравий, камни и другие переносимые вещества, которые были смыты и выброшены реками, наводнениями или другими причинами на землю, которая не была постоянно погружена в воды озер или морей» (Lyell, 1832, p. 61). Аллювиальные (намывные) материалы содержат большое количество минеральных веществ, жизненно важных для роста растений. Следовательно, почвы, образовавшиеся в результате регулярного осаждения таких материалов, обычно вблизи рек в долинах, год за годом дают богатые урожаи без удобрений, как на песчаных отмелях Дуная, в дельтах Нила или По, или на языках суши Миссисипи. Омолаживающие отложения в паводковых водах образуются в результате эрозии выше по водоразделу. Стало быть, богатство аллювиальных почв является результатом обеднения почв верхнего течения реки, скорее всего, со склонов холмов и гор. Вдохновившись этими примерами в природе, Фраас предлагает создать «искусственный аллювий», регулируя речную воду посредством строительства временных плотин над сельскохозяйственными полями, дешево и почти вечно обеспечивая их необходимыми минералами. Записная книжка Маркса¹² подтверждает, что он тщательно изучал аргументы Фрааса о практических достоинствах аллювия в сельском хозяйстве (Fraas, 1857, p. 17).

Однако больше всего Маркса в Фраасе интересовала, вероятно, не аллювиальная теория. С энтузиазмом прочитав Фрааса, зафиксировав различные отрывки в своих записных книжках, Маркс пишет 25 марта 1868 г. письмо Энгельсу, где восхваляет книгу Фрааса «Климат и растительный мир во времени [Klima und Pflanzenwelt in der Zeit, eine Geschichte beider]»: «Очень интересна книга Фрааса (1847)... как доказательство того, что климат и флора меняются в исторические времена... Он утверждает, что при возделывании – в зависимости от его степени – теряется столь любимая крестьянами «влага», (следовательно, растения также мигрируют с юга на север) и в итоге происходит формирование степей. Первый эффект возделывания полезен, но в конечном итоге разрушителен из-за вырубки лесов и т.д... Вывод состоит в том, что земледелие – когда оно развивается естественным путем и не контролируется сознательно (как буржуа он, естественно, не достигает этой точки) – оставляет за собой пустыни, Персия, Месопотамия и т.д., Греция. Итак, снова бессознательная социалистическая тенденция!» (Marx, 1987, p. 559).

Может показаться удивительным, что Маркс даже обнаружил «бессознательную социалистическую тенденцию» в книге Фрааса, несмотря на резкую критику последнего в адрес Либиха. В книге «Климат и растительный мир во времени» подробно рассказывается, как древние цивилизации, особенно Древняя Греция – Фраас семь лет проработал инспектором придворного сада и профессором ботаники в Афинском университете – рухнули после того, как нерегулируемая вырубка лесов вызвала неприемлемые изменения в окружающей среде. Поскольку местные растения больше не могли адаптироваться к новой среде, началось формирование степей или, в худшем случае, опустынивание. (Хотя

¹² MEA, Sign. B 107, 94.

интерпретация Фрааса имела большое значение, некоторые сегодня утверждают, что произошло не «опустынивание» как таковое, а скорее рост числа растений, которым требовалось меньше влаги, потому что большая часть осадков терялась в виде стока, а не просачивалась в почву).

В нашем контексте, прежде всего, интересно отметить, что Фраас подчеркивал значение «естественного климата» для роста растений из-за его большого влияния на процесс выветривания почв. Недостаточно просто проанализировать химический состав почвы, потому что механические и химические реакции в почве, которые имеют важное значение для процесса выветривания, сильно зависят от климатических факторов, таких как температура, влажность, атмосферные осадки. Вот почему Фраас охарактеризовал свою область и метод исследований как «сельскохозяйственную физику» (Fraas, 1857, p. 357), что резко контрастировало с «Агрехимией» Либиха. По словам Фрааса, в некоторых районах, где климатические условия более благоприятны и почвы прилегают к рекам и регулярно затопляются водой, содержащей осадочные породы, можно производить большое количество сельскохозяйственных культур, не опасаясь истощения почвы, т.к. природа автоматически выполняет «закон замещения» через аллювиальные отложения. Это, конечно, применимо только к некоторым почвам в конкретных странах.

После прочтения книг Фрааса Маркс больше заинтересовался такой «сельскохозяйственной физикой», как он сказал Энгельсу: «Необходимо основательно изучить всю новую и новейшую литературу о земледелии. Физическая школа противостоит химической» (Marx, 1987, p. 559). Здесь можно увидеть явный сдвиг в интересах Маркса. В январе 1868 г. он в основном следил за дискуссиями в «химической школе» относительно того, какие удобрения более эффективны, минеральные или азотные. Поскольку он уже изучал этот вопрос в 1861 г., считал необходимым изучить «в некоторой степени» последние события. Однако после двух с половиной месяцев интенсивного изучения работ Фрааса Маркс объединил Либиха и Лоуса в одну «химическую школу» и рассматривал теорию Фрааса как самостоятельную «физическую» школу. Примечательно, что эта классификация отражает собственное суждение Фрааса, поскольку он жаловался, что и Либих, и Лоус выдвигали абстрактные, односторонние аргументы об истощении почвы, уделяя слишком много внимания химическому компоненту роста растений (Fraas, 1866, p. 141). В результате Маркс пришел к убеждению, что он «должен» гораздо тщательнее изучать новейшие достижения в области сельского хозяйства.

Уникальность Фрааса также проявляется в его внимании к человеческому влиянию на процесс исторического изменения климата. Действительно, книга Фрааса предлагает одно из самых ранних исследований по этой теме, позднее получившее высокую оценку Джорджа Перкинса Марша (George Perkins Marsh) в книге 1864 г. «Человек и природа» (Marsh, 2003, p. 14). Опираясь на древнегреческие тексты, Фраас показал, как виды растений перемещались с юга на север или с равнин в горы по мере того, как местный климат постепенно становился жарче и суше. По словам Фрааса, это изменение климата является результатом чрезмерной вырубке лесов, которую требовали древние цивилизации. Подобные истории о распаде древних обществ имеют очевидное отношение и к нашей современной ситуации.

Фраас также предостерегал от чрезмерного использования древесины современной промышленностью, процесс, уже начавшийся в его время и оказавший огромное влияние на европейскую цивилизацию. Прочтение Марксом Фрааса познакомило его с проблемой исчезающих лесов Европы, о чем свидетельствует его записная книжка¹³: «Франция имеет теперь не более одной двенадцатой своей прежней лесной площади, Англия только 4 больших леса среди 69 лесов; в Италии и на Пиренейском полуострове древостоя, который был распространен в прошлом и на равнине, больше не может быть найдено даже в горах» (Fraas, 1847, p. 7). Фраас посетовал на то, что дальнейшее технологическое развитие позволит рубить деревья на возвышенностях и только ускорит обезлесение.

Читая книгу Фрааса, Маркс пришел к выводу, что между экологической устойчивостью и постоянно растущим спросом на древесину для питания капиталистического производства существует огромное противоречие. Понимание Марксом нарушения «метаболического взаимодействия» между человеком и природой в капитализме выходит за рамки проблемы истощения почвы в понимании Либиха и распространяется на проблему обезлесения. Конечно, как показывает второе издание «Капитала», это не означает, что Маркс отказался от теории Либиха. Напротив, он по-прежнему высоко ценил вклад Либиха в критику современного сельского хозяйства. Тем не менее, когда Маркс писал о «бессознательной социалистической тенденции» в творчестве Фрааса, стало ясно, что теперь Маркс рассматривал восстановление метаболизма между человеком и природой как центральный проект социализма, имеющий гораздо больший масштаб, чем в первом издании первого тома «Капитала».

Интерес Маркса к вырубке лесов не ограничивался чтением Фрааса. В начале 1868 г. он также прочитал «Историю прошлого и настоящего состояния трудящегося населения» Джона Д. Таккетта (John D. Tuckett), отметив количество важных страниц. На одной из тех немногих страниц, которые записал Маркс¹⁴, Таккетт утверждает: «Леность наших предков, по-видимому, является предметом сожаления, поскольку они пренебрегают выращиванием деревьев, а также во многих случаях вызывают разрушение лесов, не заменяя их в достаточной степени молодыми растениями. Эти общие отходы, по-видимому, были самыми большими незадолго до того, как было обнаружено использование морского угля (для выплавки железа), когда потребление для использования ковочного железа было настолько большим, что казалось, что оно сметет всю древесину и леса в стране... Однако в наши дни плантации деревьев не только добавляют полезности, но и служат украшением страны, создают защитные экраны от быстрых порывов ветров... Огромное преимущество посадки большого массива дерева на голой местности сначала не ощущается. Из-за того, что нет ничего, что могло бы противостоять холодным ветрам, скот, кормящийся на них, отстает в росте, и растительность часто выглядит как опаленная огнем или побитая палкой. Кроме того, половина корма будет удовлетворять скот при обеспечении тепла и комфорта» (Tuckett, 1846, p. 402).

Леса играют важную экономическую роль в сельском хозяйстве и животноводстве, и это, несомненно, интересовало Маркса в 1868 г.

¹³ MEA, Sign. B 112, 45.

¹⁴ MEA, Sign. B 111, 1.

Хотя Маркс прямо не упоминает работы Фрааса или Такетта после 1868 г., влияние их идей ясно видно во второй рукописи второго тома «Капитала», написанной между 1868 и 1870 гг. Маркс уже отмечал в рукописи к третьему тому, что обезлесение не будет устойчивым при системе частной собственности, даже если оно может быть более или менее устойчивым при государственной собственности. После 1868 г. Маркс уделял больше внимания проблеме современной грабительской системы, которую он теперь расширил от растениеводства до вырубки лесов. В этом ключе Маркс цитирует «Руководство по ведению сельскохозяйственного бизнеса [Handbuch der landwirthschaftlichen Betriebslehre]» Фридриха Кирхгофа (Friedrich Kirchhof) в поддержку несовместимости между логикой капитала и материальными характеристиками лесонасаждений (Kirchhof, 1852). Он указывает, что длительное время, необходимое для лесоразведения, накладывает естественный предел, вынуждая капитал стараться максимально сократить цикл обезлесения и возобновления роста. В рукописи ко второму тому «Капитала» Маркс комментирует отрывок из книги Кирхгофа: «Развитие культуры и промышленности вообще проявилось в таком энергичном уничтожении лесов, что все, что делается им для их сохранения и восстановления, кажется бесконечно малым» (Marx, 2008, p. 203). Маркс, безусловно, осознает опасность того, что это обезлесение вызовет не только нехватку древесины, но и изменение климата, что связано с более серьезным кризисом человеческой цивилизации.

Сравнение с сочинениями молодого Маркса иллюстрирует это драматическое развитие его экологической мысли. В Манифесте Коммунистической партии Маркс и Энгельс пишут об исторических изменениях, вызванных властью капитала: «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароморское, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения»¹⁵.

Михаэль Леви подверг критике этот отрывок как проявление наивного отношения Маркса и Энгельса к модернизации и игнорирования экологического разрушения в условиях капиталистического развития: «Отдавая дань уважения буржуазии за ее беспрецедентную способность развивать производительные силы, – пишет он, – Маркс и Энгельс безоговорочно прославляли «подчинение сил природы человеку» и «очистку целых континентов для возделывания» современным буржуазным производством» (Löwy, 1998, p. 20).

Может показаться, что здесь трудно опровергнуть трактовку Леви предполагаемого «прометеизма» Маркса, хотя Фостер предлагает другую точку зрения (Foster, 2009, pp. 213–232). Однако критика Леви, даже если его интерпретация точно отражает мышление Маркса *того времени*, вряд ли может быть экстраполирована на *весь творческий путь* Маркса, поскольку его критика капитализма с каждым годом становилась все более экологически

¹⁵ Перевод цит. по: Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии. В *Сочинения* (Т. 4, с. 429). М.: Политиздат.

ориентированной. Как показано выше, эволюция его мысли после первого тома «Капитала» демонстрирует, что в последние годы жизни он всерьез заинтересовался проблемой обезлесения, и весьма сомнительно, что покойный Маркс восхвалял массовую вырубку лесов во имя прогресса, не считаясь с сознательным и устойчивым регулированием метаболического взаимодействия между человечеством и природой.

Дальнейшие возможности экологической критики Маркса

Экологические интересы Маркса в этот период распространялись и на животноводство. В 1865–1866 гг. он уже читал «Сельскую экономику Англии, Шотландии и Ирландии» Леонса де Лаверня (Léonce de Lavergne), в которой французский экономист-аграрник доказывал превосходство английского сельского хозяйства. Лавернь привел в качестве примера английский селекционный процесс, разработанный Робертом Бейквеллом (Robert Bakewell), с его «системой отбора», позволяющей овцам расти быстрее и давать больше мяса, имея только костную массу, необходимую для выживания (Lavergne, 1855, pp. 19–20, 37–39). Реакция Маркса в записной книжке на это «улучшение» наводит на размышления: «Характеризуется скороспелостью, болезненностью в полном объеме, недостатком костей, большим количеством жира и мяса и т. д. Всё это искусственные продукты. Отвратительно!»¹⁶. Подобные замечания опровергают образ Маркса как некритичного сторонника современных технологических достижений.

С начала XIX в. в Ирландию были завезены «новые лестерские» овцы Бейквелла, где их скрещивали с местными овцами, чтобы получить новую породу роскоммон, предназначенную для повышения производительности сельского хозяйства Ирландии (Dohner, 2001, p. 121). Маркс полностью осознал эту искусственную модификацию региональных экосистем с целью накопления капитала и отвергал ее, несмотря на очевидное «улучшение» продуктивности: здоровье и благополучие животных были подчинены полезности капитала. Таким образом, Маркс ясно дал понять в 1865 г., что такого рода «прогресс» на самом деле вовсе не был прогрессом, потому что он мог быть достигнут только путем уничтожения устойчивого метаболического взаимодействия между человеком и природой.

Когда Маркс вернулся к теме капиталистического животноводства во второй рукописи второго тома «Капитала», он нашел его неприемлемым по той же причине, что и капиталистическое лесоразведение: время производства часто просто слишком велико для капитала. Здесь Маркс ссылается¹⁷ на работу Уильяма Уолтера Гуда (William Walter Good) «Заблуждения в области политики, сельского хозяйства и торговли» (1866): «По этой же причине, помня, что в сельском хозяйстве действуют законы политической экономии, телята, которые прежде из округов, ведущих молочное хозяйство, отправлялись на юг для откармливания, теперь в массовом количестве, часто в возрасте 8–10 дней, забиваются на бойнях Бирмингема, Манчестера, Ливерпуля и других соседних

¹⁶ MEA, Sign. B 106, 209.

¹⁷ MEGA II, vol. 11, 188.

больших городов... Теперь же, когда этим мелким хозяйчикам рекомендуют выкармливать телят, они отвечают: мы очень хорошо знаем, что выкармливание молоком окупилось бы, но для этого мы сначала должны были бы затратить наличные деньги, а этого мы не можем сделать, и затем нам пришлось бы долго ждать, пока мы снова выручим эти деньги, тогда как при молочном хозяйстве мы получаем их немедленно» (Good, 1866, pp. 11–12).

Независимо от того, насколько быстро растет скот благодаря Бейквеллу и другим животноводам, это только сокращает время преждевременного убоя в пользу более короткого оборота капитала. Согласно Марксу, это тоже не считается «развитием» производительных сил именно потому, что оно может происходить только при принесении в жертву устойчивости ради краткосрочной выгоды.

Это лишь примеры, найденные в записных книжках 1868 г. Маркс в то время был также заинтригован работой Уильяма Стэнли Джевонса (William Stanley Jevons) «Угольный вопрос» (1865), чье предупреждение о грядущем истощении запасов угля в Англии вызвало интенсивную дискуссию в парламенте¹⁸. Без сомнения, Маркс изучал упомянутые выше книги, готовя рукописи «Капитала», и продолжал это делать в 1870–1880-е годы. Таким образом, вполне разумно заключить, что Маркс планировал использовать эти новые эмпирические материалы для разработки таких вопросов, как оборот капитала, теория ренты и норма прибыли. В одном отрывке Маркс фактически пишет, что преждевременный убой в конечном итоге нанесет «большой ущерб» сельскохозяйственному производству (Marx, 2008, p. 187). Или, как говорит Маркс в другом разделе рукописи 1867–1868 гг., истощение почв или месторождений может также достигнуть такой степени, что «уменьшающееся естественное состояние производительности» в сельском хозяйстве и добывающей промышленности уже не может быть уравновешено увеличением производительности труда¹⁹.

Неудивительно, что расчеты нормы прибыли Маркса в рукописи включают те случаи, когда норма прибыли падает из-за роста цен в «плавающих» частях постоянного капитала, предполагая, что закон падения нормы прибыли не следует рассматривать как простую математическую формулу. Его реальная динамика тесно связана с материальными составляющими капитала и не может рассматриваться независимо от них (Heinrich, 2012). Другими словами, валоризация и накопление капитала – это не абстрактное движение стоимости; капитал обязательно воплощается в материальных компонентах, неизбежно принимая «органический состав» (термин, взятый из сельскохозяйственной химии Либиха), ограниченный конкретными материальными элементами трудового процесса. Несмотря на свою эластичность, эта органическая структура капитала не может быть произвольно изменена или отклонена слишком далеко от материального характера каждого естественного элемента производства. В конечном итоге капитал не может игнорировать мир природы.

Это не означает, что капитализм однажды неизбежно рухнет. Эксплуатируя в полной мере материальную эластичность, капитал всегда пытается преодолеть

¹⁸ MEA, Sign. B 128, 2.

¹⁹ MEGA II, vol. 4.3, 80.

ограничения посредством научно-технических инноваций. Адаптационный потенциал капитализма настолько велик, что он, вероятно, сможет выжить как доминирующая социальная система до тех пор, пока большая часть земли не станет непригодной для проживания людей (Burkett, 2014, p. 192). Как свидетельствуют записные книжки Маркса по естествознанию, он был особенно заинтересован в понимании разрывов в процессе метаболического взаимодействия между человеком и природой, которые являются результатом бесконечных преобразований материального мира ради эффективной валоризации капитала. Эти метаболические разрывы тем более катастрофичны, что разрушают материальные условия для «устойчивого человеческого развития» (Foster, 2015, p. 9).

Маркс рассматривал метаболические разрывы как проявление фундаментальных противоречий капитализма и считал необходимым тщательно изучить их в рамках построения радикального социалистического движения. Как показано в этой статье, Маркс прекрасно понимал, что экологическая критика капитализма не была завершена теорией Либиха, и пытался развить и расширить ее, опираясь на новые исследования из различных областей экологии, сельского хозяйства и ботаники. Экономическая и экологическая теория Маркса несколько не устарела, она остается полностью открытой для новых возможностей интеграции естественнонаучных знаний с критикой современного капитализма.

References

1. Arnd, K. (1864). *Justus von Liebig's Agrikulturchemie und sein Gespenst der Bodenerschöpfung*. Frankfurt am Main: Brönnner.
2. Au, J. (1869). *Hilfsdüngermittel in ihrer volks- und privatwirtschaftlichen Bedeutung*. Heidelberg: Verlagsbuchhandlung von Fr. Bassermann.
3. Brock, W. H. (1997). *Justus von Liebig: The chemical gatekeeper*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Burkett, P. (2014). *Marx and nature: A red and green perspective*. Chicago: Haymarket.
5. Dohner, J. V. (2001). *The Encyclopedia of historic and endangered livestock and poultry breeds*. New Haven: Yale University Press.
6. Dühring, E. (1865). *Carey's umwälzung der volkswirtschaftslehre und socialwissenschaft*. Munich: Fleischmann.
7. Dühring, E. (1866). *Kritische grundlegung der volkswirtschaftslehre*. Berlin: Eichhoff.
8. Finlay, M. (1991). The rehabilitation of an agricultural chemist: Justus von Liebig and the seventh edition. *Ambix*, 38(3), 155–167. <https://doi.org/10.1179/amb.1991.38.3.155>
9. Foster, J. B. (2000). *Marx's ecology*. New York: Monthly Review Press.
10. Foster, J. B. (2009). *The Ecological revolution*. New York: Monthly Review Press.
11. Foster, J. B. (2015). The great capitalist climacteric: Marxism and “system change not climate change”. *Monthly Review*, 67(6), 1–18. <https://doi.org/10.14452/>

mr-067-06-2015-10_1

12. Foster, J.B., & Burkett, P. (2008). The Podolinsky myth: An obituary introduction to 'Human labour and unity of force', by Sergei Podolinsky. *Historical Materialism*, 16(1), 115–161. <https://doi.org/10.1163/156920608x276323>

13. Foster, J.B., Clark, B., & York, R. (2010). *The ecological rift*. New York: Monthly Review Press.

14. Fraas, C. (1847). *Klima und pflanzenwelt in der zeit: Ein beitrug zur geschichte beider*. Landshut: J.G. Wölfl.

15. Fraas, C. (1857). *Die natur der landwirthschaft*. (Vol. 1). München: Cotta'sche.

16. Fraas, C. (1866). *Die ackerbaukrisen und ihre heilmittel*. Leipzig: Brockhaus.

17. Good, W.W. (1866). *Political, agricultural and commerical fallacies*. London: Edward Stanford.

18. Heinrich, M. (2012). *An introduction to the three volumes of Karl Marx's Capital*. New York: Monthly Review Press.

19. Kirhhof, F. (1852). *Handbuch der landwirthschaftlichen betriebslehre*. Dessau: Moriz Ratz.

20. Lange, A.F. (1866). *J. St. Mill's ansichten über die sociale frage und die angebliche umwälzung der socialwissenschaft durch Carey*. Duisburg: Falk and Lange.

21. Lavergne, L. (1855). *Rural economy of England, Scotland, and Ireland*. Edinburgh: William Blackwood.

22. Liebig, J. (1862). *Einleitung in die naturgesetze des feldbaues*. Braunschweig: Friedrich Vieweg.

23. Löwy, M. (1998). Globalization and internationalism: How up-to-date is the Communist Manifesto? *Monthly Review*, 50(6). https://doi.org/10.14452/mr-050-06-1998-10_2

24. Lyell, C. (1832). *Principles of geology* (Vol. 3). London: John Murray.

25. Marsh, G.P. (2003). *Man and nature*. Seattle: University of Washington Press.

26. Marx, K. (1976). *Capital* (Vol. 1). London: Penguin.

27. Marx, K. (1987). Marx to Engels. 25 March 1868. In *Marx-Engels Collected Works* (Vol. 42). London: Lawrence & Wishart.

28. Marx, K. (1988). Marx to Engels. 26 November 1869. In *Marx-Engels Collected Works* (Vol. 43). London: Lawrence & Wishart.

29. Marx, K. (1999). Die Bibliotheken von Karl Marx und Friedrich Engels. Aufbau – Struktur – Schicksal – Rekonstruktion. In *Marx-Engels-Gesamtausgabe* (MEGA) (IV/32). Berlin: Akademie Verlag.

30. Marx, K. (2008). Das Kapital. Zweites Buch. Manuskript II. In *Marx-Engels-Gesamtausgabe* (MEGA) (IV/11). Berlin: Akademie Verlag.

31. Perelman, M. (2002). The comparative sociology of environmental economics in the works of Henry Carey and Karl Marx. *History of Economics Review*, 36(1), 85–110. <https://doi.org/10.1080/10370196.2002.11733381>

32. Roscher, W. (1865). *System der volkswirthschaft* (Vol. 2). Stuttgart: Cotta.

33. Saito, K. (2014). The emergence of Marx's critique of modern agriculture: Ecological insights from his excerpt notebooks. *Monthly Review*, 66(5), 25–46. https://doi.org/10.14452/mr-066-05-2014-09_2

34. Tuckett, J.D. (1846). *A History of the past and present state of the labouring population* (Vol. 2). London: Longman, Brown, Green and Longmans.

Информация об авторе

Кохей Сайто, доктор философии (PhD), доцент кафедры политической экономики, экономический факультет Городского университета Осаки, Осака, Япония, e-mail: saito@econ.osaka-cu.ac.jp

Information about the author

Kohei Saito, PhD, Associate Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Osaka City University, Osaka, Japan, e-mail: saito@econ.osaka-cu.ac.jp

УДК 001:165.9

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_31

«ЭЗО-» ИЛИ «ЭКЗО-»? К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА УЧЕНЫМ ФОРМАТА ДИСКУРСА В НАУКЕ ПОЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Вячеслав Юрьевич Васечко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vyacheslavpetro@narod.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Васечко В.Ю. «Эзо-» или «экзо-»? К проблеме выбора ученым формата дискурса в науке политарного общества // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 31–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_31

Аннотация

В статье рассматривается специфика эпистемологического дискурса в политарных социумах, под которыми автор понимает в первую очередь цивилизации древнего и средневекового Востока. Целью работы является раскрытие рефлексивных механизмов и внутренней мотивации, определяющих формат, посредством которого академическое сообщество доводит до социума полученные им когнитивные новации. Данная проблема представляется особенно актуальной в свете того, что и в далеких от политаризма социально-культурных организациях, и в иные эпохи, включая современность, ученые осознают, что не всякое их открытие может и должно немедленно становиться известным широкой общественности. В качестве основных методов в статье используются: 1) герменевтическая интерпретация текстов ученых, работавших в политарных обществах; 2) рационально-теоретическая реконструкция жизненных реалий, на фоне которых осуществляется эпистемологический поиск; 3) экстернализм и интернализм как альтернативные и одновременно эффективно дополняющие друг друга философско-научоведческие конструкции.

© Васечко В.Ю., 2021

Результаты исследования дают основание говорить о существовании сложного нравственно-психологического конфликта в сознании активных участников научного дискурса. С одной стороны, ученый призван действовать в интересах всего общества и потому мотивирован на создание экзотерических текстов (педагогического, просветительского, технического и иного характера), предполагающих в качестве адресата самую широкую читающую публику. С другой стороны, запросы сугубо эпистемологического поиска формируют потребность в специально-теоретических изысканиях, результаты которых должны обнародоваться дозированно и осторожно. В этих условиях обращение к эзотерическому формату следует трактовать не как прихоть научного сообщества, а как оптимизирующее средство, необходимое для спокойной и безопасной исследовательской работы. Однако чрезмерная эзотеризация может повлечь за собой ограничение числа активных субъектов дискурса. В тех случаях, когда носители эзотерического знания умирают, не найдя достойных последователей, данное направление исследований обычно обрывается. То же самое происходит в периоды социально-политических катастроф, сопровождающихся тотальным разрушением прежних культурных ценностей.

Ключевые слова:

политарное общество, эпистемологический дискурс, эзотерика, экзотерика, Бируни.

UDC 001:165.9

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_31

“ESO-” OR “EXO-”? THE PROBLEM OF CHOOSING THE DISCOURSE FORMAT IN THE POLITAR SOCIETY SCIENCE

Vyacheslav Yu. Vasechko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vyacheslavpetro@narod.ru

Article received on June 04, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Vasechko, V.Yu. (2021). “Eso-” or “Exo-”? The Problem of Choosing the Discourse Format in the Politar Society Science. *Scientific journal “Discourse-P”*, 18(3), 31–47. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_31

Abstract

The article examines the specificity of epistemological discourse in politar societies, understood by the author as primarily the civilizations of the ancient and medieval East. The research aims at revealing the reflexive mechanisms and internal motivation that determine the format used by the academic community to bring gained cognitive innovations to society. This issue is especially relevant in light of the fact that in other socio-cultural organisms, being far from politarism, and in other epochs, including the present, scientists are aware that not every discovery of them can and should immediately become known to the general public. The main methods used in the article are: 1) hermeneutic interpretation of texts belonging to scientists who worked in politar societies; 2) rational and theoretical reconstruction of life realities against the background of which an epistemological search is carried out; 3) externalism and internalism as alternative and at the same time effectively complementing each other philosophical and scientific constructions. The results of the study give grounds to assert existence of a complex moral and psychological conflict in the minds of those actively involved in the scientific discourse. On the one hand, a scientist is called upon to act in the interests of the whole society and therefore is motivated to create exoteric texts (pedagogical, educational, technical, etc.), which assume the widest reading audience as the addressee. On the other hand, the requests for a purely epistemological search create the need for special theoretical research, the results of which should be disclosed in a dosed and careful manner. In these conditions, the appeal to the esoteric format should be interpreted not as a whim of the scientific community, but as an optimizing tool required for calm and safe research work. However, excessive esoterization might entail a limitation on the number of active discourse participants. In cases when the bearers of esoteric knowledge die without finding worthy successors, this line of research is usually terminated. The same thing happens during periods of socio-political catastrophes, accompanied by the total destruction of former cultural values.

Keywords:

politar society, epistemological discourse, esoteric, exoteric, Biruni.

Ученый: зачем он нужен?

Очевидно, что с социокультурной точки зрения ученый призван работать не только на более или менее отдаленную перспективу, производя такие знания, которые в данный момент не могут быть востребованы обществом в целом, но и на настоящее, на злобу дня, помогая людям решать их разнообразные проблемы здесь и сейчас. И история свидетельствует, что политарное общество¹

¹ Термин «политаризм» («политарное общество») заимствован нами из работ видного отечественного философа Ю.И. Семенова. Проблемы статуса и специфики науки в политарном обществе мы уже рассматривали ранее (Васечко, 2018, 2020а, 2020b и др.). Эпистемологический дискурс, имеющий дело прежде всего с точными науками, получает развитие в таких модусах политаризма, как древние Египет и Вавилон, древние

в данном случае не является исключением. Ученые обеспечивают знаниями не одну свою корпорацию и не только высокопоставленных или просто богатых заказчиков, но и весь социум, принося окружающим вполне осязаемую, долговечную и отнюдь немалую *пользу*. Другое дело, что непросвещенная публика обычно не отличается ни хорошей памятью, ни благодарностью, и потому ученому приходится порой специально акцентировать внимание оппонентов и читателей на вкладе своих соратников по цеху в общенародное дело.

Ученый на службе у власти и социума

Абу Рейхан Бируни, один из наиболее известных ученых мусульманского Средневековья, во введении к своей «Геодезии» не только эмоционально, но и достаточно убедительно обличает тех, кто доходит «до отрицания наук и ненависти к их служителям», кто в своем неистовстве «относит науки к заблуждениям.., клеймит их клеймом ереси, чтобы открыть пред собою врата для уничтожения ученых» (Бируни, 1966, с. 81), демагогически манипулируя при этом аргументом «к пользе»: «Величаемый справедливым грубиян... прислушивается к [наукам] с упорством упряма, возвращаясь затем вспять, к низости [своей] природы. И проявляется «проникновенная мудрость» в его словах: «Какая же в них [науках] польза?»...» (с. 82). Понимая, что на подобных субъектов доводы типа «науку ищут ради сути ее» и что «она сладостна сама по себе» вряд ли подействуют, ученый разворачивает яркую панораму того, как самые различные дисциплины – математика, науки о земле и небе, музыка и поэзии, логика, грамматика, языковедение и др. – оказываются необходимыми для полноценного функционирования общественного организма и удовлетворения жизненных нужд представителей любых социальных слоев, вообще ради привлечения добра и уклонения от зла. Подытоживая свой красочный и масштабный обзор, ученый констатирует: «Таково положение наук. Их породили потребности человека, необходимые для его жизни. Сообразно с ними [эти науки] разветвились. Полезность наук – получение посредством их необходимых вещей, а не стяжаемые с их помощью золото и серебро» (с. 86). Последняя оговорка адресована также тем, для кого «польза» – не просто элементарное материальное благополучие, но еще и погоня за разными извращенными удовольствиями, в число которых автор «Геодезии» включает «алхимию, подделку, воровство, растрату и навлечение ненависти [на других]» (с. 82).

Предполагая, что из пытливых и любознательных простолюдинов в будущем, возможно, вырастут продолжатели его дела, ученый время от времени обращается и к созданию сочинений педагогического, просветительского характера, поскольку учебники, задачки, решебники и прочая литература, адресованная самой широкой аудитории, всегда выполняет двоякую функцию. Она не только формирует навыки и способности, необходимые даже низшему чиновничьему, торговому и инженерно-техническому персоналу, но и знакомит с азами науки тех немногих, кто сделает ее в дальнейшем главной целью своей жизни. Поэтому вряд ли стоит считать случайным совмещение в одном лице

и средневековые Индия и Китай, а также средневековые арабо-мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока.

ученого самой высшей пробы и автора учебных пособий на уровне начальной и средней школы.

Древнекитайские математики честно служат обществу, доказывают ему свою полезность, создавая тексты, предназначенные для чиновников различных ведомств, которые должны уметь распределять и подсчитывать налоги, измерять земельные участки, вести расчеты при строительстве и т. п. Но это не мешает им заниматься фундаментальными теоретическими проблемами, и не просто для того, чтобы лучше играть роль школьных учителей, но и чтобы реализовать себя в качестве субъектов чистого, не зацикленного на утилитарных вещах математического познания (Березкина, 2013, с. 27–33). Другое дело, что в официальных руководствах, предназначенных для обучения будущих чиновников, не полагалось приводить теоретические рассуждения (с. 37), и потому неудивительно, что тексты, содержащие математические доказательства и спекулятивные теоретические выкладки, в силу своей редкости обладали меньшими шансами уцелеть в ходе регулярных социально-политических и военных пертурбаций. Сунь-цзы, Лю Хуэй, Чжан Цю-цзянь, Сяоу Ян (III–V вв.) и многие другие математики, жившие как раньше, так и позже указанного времени, были известны прежде всего как составители использовавшихся для обучения школяров сборников задач, однако из комментариев к этим задачам хорошо видно, что уровень их собственного математического мышления и методологии намного превышал рамки тех правил и алгоритмов, которые были достаточны для решения учебных примеров.

Похожую картину мы наблюдаем и в других политарных социумах. Математические тексты вавилонян, дошедшие до нас в виде клинописных табличек, представляют собой либо вычислительные таблицы, либо сборники задач примерно с теми же практическими и деловыми сюжетами, что и китайская «Математика в девяти книгах» или «Математический трактат пяти ведомств»: вычисление площади засеянного поля, веса снятого урожая, объемов каналов, плотин, насыпей, валов, человеко-дней, необходимых, чтобы выкопать бассейн или возвести какое-либо сооружение, разделение наследства между братьями или вычисление процентов на капитал (Вайман, 1961, с. 85–87, 91–93, 95–99; Нейгебауер, 2010, с. 186–187). Однако для современного исследователя очевидно, что уровень математического мышления авторов и составителей этих задач был неизмеримо выше, чем понятия тех учеников и практиков, которым они непосредственно адресовались. Он таков, что, по мнению А. А. Ваймана, можно говорить о вавилонянах как о создателях теоретической математики как «области знаний, которая разрабатывалась независимо от экономических и технических потребностей общества» (Вайман, 1961, с. 207).

Эту традицию продолжают и ученые арабо-мусульманского мира, которые из всех интеллектуалов политарной эпохи более всего приблизились к европейской науке Возрождения и Нового времени, и вряд ли справедливы суждения тех современных авторов, которые видят в математике Ближнего Востока IX–XV вв. лишь регресс в сравнении с теориями Архимеда, Аполлония и Птолемея. Да, математики (равно как и механики, астрономы, географы и т. д.) того времени не дистанцируются от повседневной жизни, создавая книги, рассчитанные на массовую читательскую аудиторию (к примеру, «не для ученых, а для практиков», подчеркивает С. Ф. Старр, писалась «Алгебра» аль-Хорезми (Старр, 2017,

с. 178)). Но они отнюдь не полагают, что теория и практика – это вещи взаимоисключающие, и потому в своих философских и методологических сочинениях, начиная с аль-Фараби (следующего здесь, в свою очередь, за Аристотелем), подчеркивают, что, собственно, каждая наука включает в себя наряду с теоретическим и практический раздел (Матвиевская, 2012, с. 106, 108). Ибн Сина в «Книге знания» подразделяет вообще все науки на два вида – практические и теоретические, причем к первой группе у него относится довольно обширный (хотя и весьма пестрый) комплекс дисциплин – медицина, физиогномика, исчисление, наука об определении площадей, механика, изготовление гирь, весов и иных градуированных инструментов, оптических приборов, музыкальных инструментов и т. д. Исследователь творчества Ибн Сины констатирует, что в этом перечне «отражаются характерные для мусульманского средневековья дифференциация наук и укрепление их связи с ремесленным производством, торговлей и повседневной жизнью, требовавшими развития опытного знания, а в известных пределах и экспериментальных методов исследования...» (Сагадеев, 1980, с. 74). Из одних названий работ ал-Бузджани (940–998), старшего современника Ибн Сины, хорошо видно, что интерес к абстрактным теоретическим построениям (комментарии к Евклиду, Диофанту и Птоlemeю, «Книга доказательств предложений, которые установил Диофант в своем сочинении», «Книга об определении ребра куба, квадрато-квадрата и того, что состоит из них обоих») не мешал ученому писать пособия для самых обычных людей, знакомя их с азами математических наук: «Книга о том, что нужно знать писцам, дельцам и другим в науке арифметики», «Книга о том, что необходимо ремесленнику из геометрических построений», «Введение в арифметику» (Матвиевская, 2012, с. 85). Наконец, работавший уже на излете мусульманского Ренессанса аль-Каши, сотрудник Улугбека и один из руководителей его Самаркандской обсерватории, находит время, возможность и, вероятно, не в последнюю очередь желание не только для интенсивной деятельности на переднем крае тогдашней науки (именно ему принадлежит, в частности, вычисление значения π с необыкновенной для той поры точностью – до 16-го (!) десятичного знака (см.: Каши, 1954b, с. 350–351; Юшкевич, Розенфельд, 1954b, с. 448), но и для сочинения популярного учебника «Ключ к арифметике». «Большая польза этого не скроется от того, кто обратит на это внимание» (Каши, 1954a, с. 267), – замечает он, комментируя включенные сюда примеры и упражнения, понимая под пользой, как нетрудно догадаться, не одну лишь утилитарную выгоду, но и развитие собственного мышления читателя и выработку им у себя определенных ментальных навыков. И хотя этот труд аль-Каши не содержит доказательств и теоретических рассуждений и есть, по сути, «практическое руководство для вычислителей, торговцев, землемеров, строителей и т. д.» (Юшкевич, Розенфельд, 1954a, с. 429), автор, безусловно, не исключает, что для многих его читателей это первое знакомство с математической наукой будет продолжено и углублено.

Итак, даже если стоять на позициях банального, приземленного прагматизма, деятельность ученого представляет собой одно из главных условий социально-экономического благополучия. Ученые как хранители, трансляторы и производители точной информации об устройстве и функционировании предметов окружающего материального мира, несмотря на их крайнюю малочисленность (пока мы ограничиваемся в своем анализе рамками политарной

эпохи), остаются обязательным компонентом социума, хотя удельный вес их среди населения и степень реальной вовлеченности в общественные дела, разумеется, существенно разнятся от эпохи к эпохе и от одной модели политаризма к другой.

«Интернализм» vs «экстернализм»: конфликт интересов науки и жизни

При всем при том такой односторонний «экстерналистский» взгляд на роль и место этой эксклюзивной профессии не может считаться достаточным и исчерпывающим. Призвание ученого – это не только работа на потребу сегодняшнего дня или решение сиюминутных задачек, предлагаемых влиятельными лицами, но и удовлетворение социальных потребностей более высокого порядка. Настоящий ученый – всегда в той или иной мере «интерналист», т. е. служитель научной и объективной Истины как таковой, для которого приобретение все более фундаментальных знаний о мире и построение все более адекватной его картины остается высшим приоритетом и основной целью жизни.

Очевидно, что последовательное проведение и отстаивание этой жизненной установки не может не входить (по крайней мере, достаточно часто) в противоречие с теми ценностями и стандартами поведения, которые практикует окружающее эту, в сущности, крохотную группу людей невежественное и чуждое высоким интеллектуальным запросам большинство. Независимо от того, каков социальный ранг того или иного враждебного науке индивида, ученый вынужден считаться с его предубеждениями и быть готовым к определенным защитным действиям, чтобы не просто физически сохранить себя и результаты своих исследований, но и постараться, при возможности, поставить на службу Истине даже самые неблагоприятные обстоятельства. Для того чтобы ясно прочертить линию противостояния в этом иногда благодушном, а иногда и весьма жестоким спарринге – «сообщество ученых vs массив неученой публики» – обратимся к тому формату, который выбирает ученый, чтобы донести результаты своей работы до других людей, будь то современники или потомки, а именно к двум полярным, часто вплоть до взаимоисключения, видам дискурса: литература *экзотерическая* (рассчитанная на самую широкую публику) и литература *эзотерическая* (предполагающая весьма узкий круг хорошо подготовленных и надлежаще мотивированных читателей).

Мотивов, по которым индивид или сравнительно небольшая группа людей засекречивают от окружающих свои мысли, планы, мнения, сомнения, догадки, открытия и пр., немало. Писать в стол или только для крайне избранного круга ближайших сподвижников можно по соображениям политического, делового, религиозного, лично-интимного и иного свойства. В данном случае нас интересуют причины, по которым на какое-то время, а порой и навсегда, выпадает из публичного дискурса текст *эпистемологического* содержания, т. е. описание некоторого фрагмента объективной реальности или же методов ее исследования. Для этого необходимо проследить, почему и каким образом происходит в политарном обществе эзотеризация сугубо академических произведений, не имеющих прямого выхода на практику – ни на политико-административную, ни на культурную, ни на военную.

Ничтожное по численности братство ученых, существующее бок о бок с невежественной и далекой от толерантности массой, вынуждено использовать все возможные средства, чтобы сохраниться как коллективный эпистемологический субъект. Дело облегчается там, где мужи науки принадлежат к привилегированному сословию (касте), и где на них по определению распространяются известные права и свободы (среди которых наиболее значима для ученого свобода самостоятельно выбирать сферу занятий и иметь досуг для них), а также необходимые гарантии личной безопасности. И если иногда в нестабильные, кризисные периоды престиж, благополучие и даже само существование этого сословия (жречества в Египте, Вавилоне и Индии, конфуцианских шэньши в Китае и др.) оказываются под угрозой, то принадлежащие к нему ученые страдают здесь не как люди науки, а всего лишь как члены своей социальной страты, разделяя ее трудности и ее судьбу. Но вот проблема выживания данного индивида как ученого – выживания не столько физического, сколько интеллектуального и морального – остается и при спокойной, внешне благоприятной конъюнктуре, ибо даже среди высших и образованных каст количество действительно творческих личностей, готовых и способных делать науку, мизерно.

У Бируни мы находим немало филиппик по адресу толп невежд, среди которых приходится жить и действовать кучке ученых, причем он имеет все основания считать, что такая картина наблюдается среди самых разных народов, независимо от того, «истинной» или «ложной» веры придерживаются люди в данной стране. Своего единомышленника Бируни находит в лице язычника – жившего еще в домусульманскую эру Брахмагупты, утверждавшего, что среди индийцев «необразованных... гораздо больше, чем образованных, а толпа и в наших книгах откровения порицается и осуждается за свое невежество, постоянное сомнение и неблагодарность» (Бируни, 1995, с. 437). Среднестатистический простолюдин в мусульманской стране воображает, что математика «противоречит религии, расходится с шариатом, и что она – дело нечистое и искусство, коего следует избегать вовсе... И кажется ему, что все это похоже на то, к чему приводит заблуждение фанатиков [-сектантов], исповедующих учения их сект только после взятия [с них] клятв и обязательств и после долгого прохождения [испытаний] и выучки. Все это настолько увеличило его отвращение [к математике], что затыкание ушей пальцами стало самой действенной его мерой [спасения], а орание во весь голос – самой сильной защитой» (Бируни, 1987, с. 122). Поэтому выставление на публичное обозрение научных сочинений чревато опасными последствиями как для их авторов, так и для самих книг: абсолютно ничего не понимая в их содержании, благочестивый простолюдин, даже умеющий немного читать-писать-считать, однозначно воспримет эти тексты как сектантские и чернокнижные и будет готов уничтожить их (не исключено, что вместе с их авторами и хранителями), хотя бы и в превентивном порядке, без специальной команды какого-нибудь фанатичного шейха или имама. Вывод специальной научной литературы из экзотерического обращения становится в данном случае не прихотью зазнавшихся умников, а скорее актом элементарного здравого смысла и мерой профессиональной самозащиты.

Для подлинного ученого такое засекречивание всегда остается необходимым лишь постольку, поскольку крупницы уже полученного знания нуждаются в защите от нездорового интереса воинственных дилетантов. Эта операция

не есть самоцель – она предполагает ознакомление с потаенными книгами избранных, достойных персон, которые не только способны уяснить себе их содержание, но и сделать их орудиями в дальнейшем эпистемологическом поиске². Даже в такой закрытой корпорации, как жречество, находятся эксперты, понимающие, что фундаментальное знание должно не только храниться в каких-то тайниках, но и постоянно прирастать, расширяться количественно и углубляться качественно. Вот почему эти хранители готовы поделиться своими тайнами с новыми адептами, разумеется, после тщательной, долгой и всесторонней проверки. Яркий пример тому – зарождение античной науки, основоположники которой черпают свои первоначальные знания из эзотерической мудрости египетских и вавилонских жрецов. Сам факт, что в этих столь скрытных, замкнутых, почти герметичных структурах находились те, кто считал возможным делиться своей информацией не только с подготовленными и мотивированными соотечественниками, но и с чужеземцами типа Фалеса, Пифагора или Демокрита, ясно свидетельствует о том, что на первом месте у этой группы жрецов стояли все-таки не кастовые, не религиозные, не политические ценности, а эпистемологические. Несколькими веками позже, в эпоху эллинизма, этот обмен информацией продолжился и углубился, а некоторые жрецы (такие как халдей Берос или египтянин Манефон) внесли немалый личный вклад в античную науку. Аналогичная история имела место и в Индии, где, например, Бируни так сумел расположить к себе брахманов, что они, поначалу не желавшие вступать с иноземцем-мусульманином ни в какие серьезные отношения, постепенно открыли ему весьма многие из своих тайн, по крайней мере из тех, что касались более всего интересовавших Абу Рейхана астрономии и математики.

Перевод эпистемологического дискурса (во всяком случае, значительных его сегментов) в укрытую от посторонних глаз область совершается параллельно с подчеркнутым вниманием к внешним, рассчитанным как раз на массовую, непрофессиональную публику, поведенческим правилам. Заранее подчиняясь практикуемым в социуме нормам – там, где это не сказывается на характере и качестве исследовательской деятельности, ученый вполне сознательно отделяет одну, главную для себя социальную роль (субъекта, перед которым поставлена цель формирования истинной картины мира и постоянного ее совершенствования) от всех остальных (верный подданный своего монарха, придворный сановник, преподаватель учебного заведения, член определенной общественной или конфессиональной группы). Он не склонен публично позиционировать себя в качестве врага господствующих ценностей, но не потому, что во всем с ними согласен, но лишь для того, чтобы они не мешали его занятиям любимым делом.

Это признает и Бируни, оценивая деятельность индийских астрономов и математиков: приноравливаясь к суевериям простонародья, участвуя в тради-

² Колофоны астрономических текстов из Урука содержат не только проклятия тем профанам, которые попытаются унести табличку для каких-то своих нужд (как, вероятно, средство попытаться оградить профессиональные секреты от любопытства случайных персон), но и обращения к тем, кого потенциально рассматривают в качестве равного партнера по дискурсу: «знающий может показать табличку знающему, но не незнающему» (Нейгебауер, 2003, с. 138).

ционных ритуалах, исправно выполняя заказы на составление астрологических прогнозов и будучи с этой точки зрения вполне лояльными, законопослушными членами общества, ученые мужи между собой и в книгах, рассчитанных на подготовленного читателя, отзываются о своих заказчиках весьма уничижительно. Хотя, как и всякая уступка пороку, такое невольное лицемерие не может обойтись для научного дискурса без известных издержек. Бируни подмечает, что с течением времени два вида астрономических представлений, т. е. эзотерическое, собственно научное, и экзотерическое, рассчитанное на массового потребителя, перемешались, и во многих текстах, излагающих взгляды на устройство Вселенной и движение небесных светил, порой трудно отделить объективную истину от нелепостей и предрассудков. Таковы, например, книги в основном высоко оцениваемого Бируни ученого Варахамири: если в одном месте Абу Рейхан хвалит его за то, что он «благодаря своим отменным познаниям в астрономии... не позволял себе следовать представлению простого народа о *сандхи*³» (Бируни, 1995, с. 322), то в другом уже резко порицает его за то, что он некритически описывает в своих сочинениях нелепые способы предсказания затмений Солнца и Луны с помощью наблюдения за поведением воды и масла в сосуде или же на основании феноменов метеорологического характера. Истинный ученый, по мнению Бируни, не должен опускаться до таких бессмыслиц, особенно зная характер своих соотечественников, «а именно, что они любят смешивать маш с кормовыми бобами и жемчуг с навозом» (с. 438).

В Китае мы также наблюдаем готовность ученых принять существующие в социуме правила игры, чтобы обеспечить себе возможности для когнитивной работы. И это касается прежде всего даосов – как тех, кто выбирает для себя придворную карьеру (обычно соблазняя императоров эликсирами бессмертия), так и тех, кто предпочитает вести тихую отшельническую жизнь, не привлекая к себе нездорового общественного интереса. Ученый-даос, понимая нелепость и бесплодность, мертвящий характер жесткого церемониала, действующего на всех этажах социальной лестницы, старается, тем не менее, не идти на лобовую конфронтацию со своими необразованными ближними. Там, где это оказывается неизбежным, он исполняет положенные обряды и ритуалы, чтобы угодить ушам и глазам толпы и чтобы не подпасть под репрессивные санкции (Рубин, 1999а, с. 60–61). Бывает, конечно, что он укрывает некоторые свои книги (например, среди 20 тыс. рукописей V–X вв. из хранилища в Дуньхуанских пещерах немалую часть составили астрономические, математические и медицинские тексты), но такая секретность далека от политических соображений (Рубин, 1999b). Даже ученые, избравшие роли отшельников, держат себя так, что в целом их образ жизни не вызывает подозрений ни у властей, ни у плебса, и только легисты с их маниакальным желанием подчинить всю физическую и умственную деятельность тотальному государственному контролю квалифицируют такое поведение как вызов правителю и подрыв политических и социальных устоев.

³ *Сандхи* – интервал времени, который совершенно по-разному определяется индийскими астрономами, с одной стороны, и благочестивыми, но малограмотными простолюдинами, чьи представления базируются на сакральной литературе, излагающей различные древние мифы, с другой.

Аллегоризм и символика: симбиоз эзо- и экзотерики

Среди приемов, которые ученое сообщество успешно практикует, чтобы встроиться в экзотерический формат и при этом не раствориться в нем, фигурирует *аллегорическая* или *символическая интерпретация*. Текст, вообще говоря, доступный широкому обозрению и не представляющий тайны для рядовых членов общества (грамотных, во всяком случае), оказывается набором символов и идей, которые в своей полноте и глубине открываются только знающему, компетентному, вдумчивому читателю, владеющему экзотерическими смыслами и умеющему читать между строк. Это относится как к текстам, специально создаваемым ученым и запускаемым им «в массы», так и к уже достаточно долго существующим и общеизвестным книгам типа Корана – настольной книги всякого мусульманина, умеющего читать по-арабски. Благодаря аллегориям, метафорам и тонким намекам мудрец выполняет две взаимосвязанные задачи: 1) воздействует на неразумных людей, невежественных своих земляков, используя тот язык, который им понятен; 2) обеспечивает себе защиту от непосвященных, ненадежных и склонных к подозрительности людей, на придирки которых автор всегда может возразить, что он совсем не то имел в виду, что ему стараются приписать.

Ибн Сина в небольшом произведении «Послание о птицах», обобщая свой жизненный и профессиональный опыт, так обращается к своим единомышленникам – к тем, кого соединило с ним «божественное сродство душ»: «О братья истины, укройтесь масками, как укрывается глазами дикобраз, явите то, что скрыто, скройте то, что явно. Богом клянусь, явное – это то, что скрыто, а скрытое – то, что явно» (Шидфар, 1981, с. 126). Благодаря такому диалектическому взаимопревращению экзотерики и эзотерики ученый муж может в какой-то мере смягчить напряженность в своих отношениях с неученым окружением, усыпить бдительность недоброжелателей, повысить шансы на реализацию своих интеллектуальных проектов. Это шаг вполне оправданный и вынужденный, однако тот, кто служит превыше всего Истине, не должен здесь излишне обольщаться, поскольку эффективность его условна и зависит от множества привходящих обстоятельств. Знания, которые он пытается донести до окружающих в зашифрованной форме, могут остаться втуне – возможно, ввиду самой этой формы. Что, кстати, подтверждает и история лирического героя «Послания о птицах», который в результате лишь возбудил у своих трезвомыслящих слушателей подозрение в том, что он двинулся умом («Мы видим, что ты повредился в разуме или бредишь! Клянусь Аллахом, ты никуда не улетал, а улетел твой рассудок, покинув тебя! Тебя никто не поймал, а твой ум пойман на крючок безумия...»). Герою остаются лишь горькие сетования по поводу растраченных понапрасну усилий и сожаления о неудавшейся коммуникации: «Как много они говорят и как мало от этого проку! Ведь худшие слова – это те, что пропадают, оставленные без внимания. Господь один мне поможет, дай бог быть подальше от людей» (Шидфар, 1981, с. 142). Но эта частная неудача никак не означает, что сама принципиальная установка на социальную мимикрию, на выстраивание буфера между суверенно-когнитивным и общепопулярным, обыденным дискурсом была изначально ошибочной и должна быть пересмотрена.

В своем поиске истины ученый принципиально отличен не только от радетелей показного, формального и зачастую фальшиво-лицемерного ритуализма, но и от эзотерических псевдоавторитетов, которые с корыстной для себя выгодой поощряют суеверия падкой на сенсационность публики. Чуткая интуиция ученого плюс имеющиеся у него обширные познания позволяют быстро распознать, что скрывается под литературой, авторы и распространители которой под большим секретом обещают читателю нечто такое, что даст ему силу и власть над окружающими, здоровье, богатство и вообще все мыслимые блага. Так, Бируни не скрывает презрения к большинству так называемых «книг Гермеса», а также к книгам об алхимии и талисманах, опираясь на которые ловкие шарлатаны пускают людям пыль в глаза. Древность этих сочинений (часто мнимая, сфабрикованная) помогает еще более запутать не владеющих полнотой информации любителей таинственного: «Подражания этим книгам широко распространены у «мудрецов», и прежде всего у самых древних из них в силу затемненности сведений в них благодаря древности. Кое-кто относит содержание этих книг к разгадыванию тайн путем сочетания их слов с символами» (Беруни, 1987, с. 255). Соглашаясь, в принципе, что расшифровывание символики древних текстов, введение их в современный научный оборот – дело необходимое и достойное, ученый хорошо видит, как на этом греет руки множество проходимцев, которых простые люди по внешнему виду часто не могут отличить от настоящих профессионалов, тем более что последние весьма немногочисленны.

Издержки и риски эзотеризации

В политарную эпоху выведение некоторого корпуса текстов из эзотерического обихода имеет одним из негативных следствий то, что эта литература, значительная часть которой может содержать важные и даже фундаментальные в когнитивном отношении сведения, концепции, идеи, в периоды социальных катаклизмов оказывается особенно уязвимой. Если массовая литература в виде книг, растиражированных в сотнях, тысячах и десятках тысяч экземпляров, имеет высокие шансы уцелеть в случаях вражеских нашествий, крестьянских восстаний или падения правящей династии (что редко когда происходило спокойно), то потаенные книги, существующие порой в единственном числе, рискуют при таких обстоятельствах навсегда исчезнуть из арсенала науки. Иногда от них остаются лишь названия, которые, в свою очередь, становятся искушением для некоторых энтузиастов, пытающихся выдать свои подделки за вновь обнаруженные аутентичные тексты (впрочем, не всегда эти затеи оказываются бесполезными для науки).

Проведенное В. Е. Еремеевым капитальное исследование позволило с высокой степенью вероятности предположить существование в Китае на рубеже эпох Инь и Чжоу (примерно в XIII–VII вв. до н. э.) обширного пласта протонаучных текстов, охватывающих самые разные области знания, из которых впоследствии взяли начало отдельные естественно-научные и гуманитарные дисциплины (математика, астрономия, физика, физиология, медицина, психология и др.). Эти тексты, выражавшие принципы единого, глубоко разработанного учения (названного В. Е. Еремеевым «арифмосемиотикой») и группировавшие-

ся вокруг книги «Ицзин» («Канон перемен»), вышли из обращения вскоре после падения в 770 г. до н. э. династии Западного Чжоу и переноса столицы на восток страны, а дошедшая до нас литература конфуцианской и постконфуцианской эпохи, начиная с VI–V вв. до н. э., сохранила лишь следы, отблески, тень той развернутой системы знания, которую сейчас можно попробовать реконструировать лишь с большим трудом: «Если приглядеться, то за теми или иными фиксируемыми в них [в постконфуцианских текстах. – В.В.] символическими комплексами виднеется более мощная развитая знаково-смысловая система, подобно тому как в осколках голографической пластинки просматриваются смутные очертания имевшегося на ней целостного изображения» (Еремеев, 2005, с. 129). Ситуация для нынешних реконструкторов осложняется и тем, что и в последующие времена в Китае имело место массовое засекречивание знания как на уровне официальных государственных структур, так и в различных профессиональных и исследовательских корпорациях, и с каждым новым социально-политическим катаклизмом шансы древних рукописей хотя бы просто уцелеть становились все меньше.

Как справедливо отмечает В. Е. Еремеев, такая картина характерна не для одного Китая: «Древний мир не выработал такой системы передачи знаний, которая гарантировала бы его достаточную сохранность во времени. Всякие ухищрения в этом вопросе так или иначе давали сбой. Это относится как к устной, так и к письменной системам передачи знаний» (Еремеев, 2005, с. 130). После смерти обладателя эзотерических знаний открытые или сохраненные им истины удаляются из эпистемологического дискурса и фактически умирают для науки, ожидая своего возрождения, т. е. переоткрытия следующими поколениями ученых. Что же касается отдельных фрагментов утраченных масштабных доктрин, то они, в принципе, могут продолжить существование в виде отдельных текстов или даже незакрепленной письменной традиции, однако при отсутствии адекватной интерпретации используемых здесь символики и терминологии те смыслы, которые выражались с помощью данных языковых средств, также будут утеряны. На место сознательного сбережения имеющегося знания и дальнейшего поиска на его основе новых фактов и природных закономерностей придет произнесение, повторение и переписывание бессмысленных формул-мантр. От эзотерического знания останется лишь мертвый, застывший суррогат, бессодержательная форма, которая, может быть, и послужит для ее обладателя средством привлечения к себе внимания любителей разного рода секретов, но будет совершенно неспособной к выполнению эпистемологических функций. Научное знание, когда-то в прошлом эмансипировавшееся от магических процедур (по цели, смыслу, методам), вероятнее всего, снова окажется поглощенным магией и сделается орудием колдунов, шарлатанов и ясновидящих.

Для исследователей, например, культуры Древнего Египта не новость, когда в ходе анализа сохранившегося текста выявляются ошибки и описки, свидетельствующие о том, что пишущий работал чисто механически, копируя текст, совершенно ему чуждый с точки зрения семантики. При соединении отдельных частей в большие тексты и при изготовлении копий (иногда и в случае дополнений, вносимых малограмотным переписчиком) исходный текст становился непонятным и малопригодным для нового поколения желающих вступить

в храм науки (Нейгебауер, 2010, с. 142). В обширном «Математическом трактате Сунь-цзы» встречаются такие таблицы, назначение которых невозможно установить даже современными исследовательскими методами (Березкина, 2013, с. 95). Бируни часто сетует, что среди индийских книг по астрономии, математике и другим наукам ему встречаются непонятные места, которые не могут растолковать даже благорасположенные к нему брахманы – явно, в силу ограниченности собственных познаний. Ко всем этим когнитивным трудностям добавляется трансформация языка (как естественного, так и академического), делающая со временем древние тексты практически нечитаемыми даже для самых продвинутых эрудитов. Такова высокая цена за то, чтобы укрыть достигнутое знание от посторонних глаз и ушей, и чем удачнее (как, наверно, думалось иным энтузиастам) это делалось, тем скорее могла такая операция обернуться в будущем невосполнимой потерей для потенциальных продолжателей их работы.

Заключение

Итак, взаимоотношения между эзо- и экзотерически ориентированными компонентами когнитивного дискурса в политарном социуме складываются сложно, неоднозначно, порой даже драматически. Вывод значительной части дискурса (текстов, концепций, дискуссий, методик, инструментария и др.) из поля зрения широкой публики имеет свои плюсы и, при известных обстоятельствах, является вполне оправданным и оптимизирующим средством. Исследование, производимое в узком кругу единомышленников, хорошо понимающих друг друга и имеющих общие цели и задачи, исследование, защищенное от произвольного и грубого вмешательства невежественной толпы (к тому же часто подстрекаемой фанатиками и шарлатанами), имеет сравнительно высокие шансы на успех. Постепенное и взвешенное введение в открытый оборот новых научных данных, разумный, осторожный и дозированный подход к обнародованию получаемых результатов, не исключающий и засекречивания на длительный срок слишком радикальных эпистемологических продуктов, непривычных и непонятных для масс, также имеют под собой веские основания.

Однако всегда сохраняется опасность того, что чрезмерная эзотеризация (превращающаяся у некоторых, не самых способных и дальновидных персон в самоцель) неизбежно повлечет за собой ограничение числа тех активных субъектов дискурса, которые в состоянии продвигать и стимулировать его. Если носители эзотерического знания уходят в иной мир, не успев или не пожелав поделиться этим знанием с последователями, данное направление исследовательский почти всегда обрывается даже в редких случаях спасения обслуживавших его текстов. Это же происходит в периоды социально-политических катастроф, сопровождающихся тотальным разрушением прежних культурных ценностей. Новое поколение исследователей чаще всего не может проникнуть в символически сохранившихся текстов, расшифровать и актуализировать их. Наконец, культ тайны обычно привлекает к себе патологический интерес со стороны непосвященных, создает у многих из них негативное настроение, вызывает стойкую ненависть и антипатию. Все это при отсутствии сдерживающих соци-

альных факторов может привести к точечной физической расправе с адептами эзотерических доктрин и утрате написанной и сохраненной ими литературы.

Список литературы

1. Березкина, Э.И. (2013). *Математика Древнего Китая*. М.: Либроком.
2. Бериуни, А.Р. (1987). Обособление речи о проблемах теней (Гномоника). В *Избранные произведения* (Т. VII, с. 119–255). Ташкент: Фан.
3. Бериуни, А.Р. (1966). Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия]. В *Избранные произведения* (Т. III). Ташкент: Фан.
4. Бериуни, А.Р. (1995). *Индия*. М.: Ладомир.
5. Вайман, А.А. (1961). *Шумеро-вавилонская математика III–I тыс. до н. э.* М.: Восточная литература.
6. Васечко, В.Ю. (2018). «Ученый профан» versus сановный иерократ: к проблеме возможности суверенного эпистемологического дискурса в политарном обществе. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (3–4), 105–115. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.105115>
7. Васечко, В.Ю. (2020а). Наука под патронажем кесаря-политарха. *Антиномии*, 20(1), 69–88. <https://dx.doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10103>
8. Васечко, В.Ю. (2020b). Утилитаризм vs бескорыстие: коллизии эпистемологического дискурса под патронажем кесаря-политарха. *НОМОТНТИКА: Философия. Социология. Право*, 45(4), 614–622. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-614-622>
9. Еремеев, В.Е. (2005). *Символы и числа «Книги перемен»*. М.: Ладомир.
10. Каши (1954а). Ключ к арифметике. В *Историко-математические исследования* (Вып. VII, с. 9–449). М.: Гостехиздат.
11. Каши (1954b). Трактат об окружности. В *Историко-математические исследования* (Вып. VII, с. 327–379). М.: Гостехиздат.
12. Матвиевская, Г.П. (2012). *Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке*. М.: URSS.
13. Нейгебауер, О. (2003). *Точные науки в древности*. М.: УРСС.
14. Нейгебауер, О. (2010). *Лекции по истории античных математических наук: Догреческая математика*. М.: ЛКИ.
15. Рубин, В.А. (1999а). Идеология и культура Древнего Китая (четыре силуэта). В *Личность и власть в Древнем Китае* (с. 8–76). М.: Восточная литература.
16. Рубин, В.А. (1999b). Проблема секретности в древнекитайской мысли. В *Личность и власть в Древнем Китае* (с. 82–87). М.: Восточная литература.
17. Сагадеев, А.В. (1980). *Ибн-Сина (Авиценна)*. М.: Мысль.
18. Старр, С. Ф. (2017). *Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана*. М.: Альпина Паблишер.
19. Шидфар, Б.Я. (1981). *Ибн Сина*. М.: Наука.
20. Юшкевич, А.П., Розенфельд, Б.А. (1954а). Примечания к трактату «Ключ к арифметике». В *Историко-математические исследования* (Вып. VII,

с. 380–439). М.: Гостехиздат.

21. Юшкевич, А.П., Розенфельд, Б.А. (1954b). Примечания к «Трактату об окружности». В *Историко-математические исследования* (Вып. VII, с. 439–449). М.: Гостехиздат.

References

1. Berezkina, E. I. (2013). *Matematika Drevnego Kitaya* [Mathematics of Ancient China]. Moscow: Librokom.
2. Biruni, A. R. (1966). Opredelenie granicz mest dlya utochneniya rasstoyanij mezhdu naseleenny'mi punktami (Geodeziya) [Determining the boundaries of places to clarify the distances between settlements (Geodesy)]. In *Izbranny'e proizvedeniya* (Vol. III). Tashkent: Fan.
3. Biruni, A. R. (1987). Obosoblenie rechi o problemakh tenej (Gnomonika) [Separation of speech about the problems of shadows (Gnomonics)]. In *Izbranny'e proizvedeniya* (Vol. VII, pp. 119–255). Tashkent: Fan.
4. Biruni, A. R. (1995). *Indiya* [India]. Moscow: Ladomir.
5. Eremeev, V. E. (2005). *Simvol'y i chisla "Knigi peremen"* [Symbols and numbers of "The Book of change"]. Moscow: Ladomir.
6. Kashi (1954a). Klyuch k arifmetike [The key to Arithmetic]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 9–449). Moscow: Gostehizdat.
7. Kashi (1954b). Traktat ob okruzhnosti [Treatise on the Circumference]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 327–379). Moscow: Gostehizdat.
8. Matvievskaya, G. P. (2012). *Uchenie o chisle na srednevekovom Blizhnem i Srednem Vostoke* [Teachings on numbers in the Medieval Middle East]. Moscow: URSS.
9. Neugebauer, O. (2003). *Tochny'e nauki v drevnosti* [The exact sciences in Antiquity]. Moscow: URSS.
10. Neugebauer, O. (2010). *Lekcii po istorii antichny'h matematicheskikh nauk: Dogrecheskaya matematika* [Lectures on the history of ancient mathematical sciences: Pre-Greek mathematics]. Moscow: LKI.
11. Rubin, V. A. (1999a). Ideologiya i kul'tura Drevnego Kitaya (chety're silue'ta) [Ideology and culture of Ancient China (four silhouettes)]. In *Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae* (pp. 8–76). Moscow: Vostochnaya literatura.
12. Rubin, V. A. (1999b). Problema sekretnosti v drevnekitajskoj my'sli [The problem of secrecy in Ancient Chinese thought]. In *Lichnost' i vlast' v Drevnem Kitae* (pp. 82–87). Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Sagadeev, A. V. (1980). *Ibn-Sina (Avicenna)* [Ibn Sina (Avicenna)]. Moscow: My'sl'.
14. Shidfar, B. Ya. (1981). *Ibn Sina* [Ibn Sina]. Moscow: Nauka.
15. Starr, S. F. (2017). *Utrachennoe Prosveshhenie: Zolotoj vek Central'noj Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana* [Lost Enlightenment: Central Asia's golden age from the Arab Conquest to Tamerlane]. Moscow: Al'pina Publisher.
16. Vajman, A. A. (1961). *Shumero-vavilonskaya matematika III–I ty's. do n.e'*. [Sumerian-Babylonian mathematics III–I thousand BC]. Moscow:

Vostochnaya literatura.

17. Vasechko, V. Yu. (2018). “Ucheny’j profan” versus sanovny’j ierokrat: k probleme vozmozhnosti suverenogo e’pistemologicheskogo diskursa v politarnom obshhestve [“The scientist layman” versus the stately hierocrat: The problem of possible sovereign epistemological discourse in polity society]. *Nauchny’j zhurnal “Diskurs-Pi”*, (3–4), 105–115. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.33.4.105115>

18. Vasechko, V. Yu. (2020a). Nauka pod patronazhem kesarya-politarha [Science under caesar-politarch’s patronage]. *Antinomii*, 20(1), 69–88. <https://dx.doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10103>

19. Vasechko, V. Yu. (2020b). Utilitarizm vs beskory’stie: kollizii e’pistemologicheskogo diskursa pod patronazhem kesarya-politarxa [Utilitarianism vs unselfishness: Collisions of epistemological discourse under caesar-politarch’s patronage]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 45(4), 614–622. <https://doi.org/10.18413/2712-746x-2020-45-4-614-622>

20. Yushkevich, A. P., & Rosenfeld, B. A. (1954a). Primechaniya k traktatu “Klyuch k arifmetike” [Notes to the treatise “Key to Arithmetic”]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 380–439). Moscow: Gostehizdat.

21. Yushkevich, A. P., & Rosenfeld, B. A. (1954b). Primechaniya k “Traktatu ob okruzhnosti” [Notes to “The treatise on the circumference”]. In *Istoriko-matematicheskie issledovaniya* (Iss. VII, pp. 439–449). Moscow: Gostehizdat.

Информация об авторе

Вячеслав Юрьевич Васечко, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1808-4404>, e-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Information about the author

Vyacheslav Yurievich Vasechko, Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1808-4404>, e-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Олег Михайлович Рой,

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия,
roi_omsk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Рой О.М. Логический анализ государственных программ как инструмент повышения их эффективности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 48–63. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_48

Аннотация

Целью статьи является определение и использование эвристических возможностей логического анализа в повышении эффективности программных документов. Автор обобщен опыт применения логического анализа государственных программ, выявлены основные недостатки в осуществлении программно-целевого управления на территориальном уровне, акцентировано внимание на логической связности и согласованности программных документов. Сформулированы ключевые требования к обеспечению логической связности программных документов, выявлены ее основные критерии, выделены внутренняя и внешняя стороны в исследовании программ. Предложены некоторые методологические инструменты проведения логического анализа государственных программ, его использования в совершенствовании программных продуктов в государственном управлении. Подчеркнуто эвристическое значение использования логических правил в экспертной оценке программ и стратегий. Проведен логический анализ типовой структуры государственной программы, определена роль рисков в ее исполнении и проявляющихся в процессе ее реализации

© Рой О.М., 2021

эффектов, показана связь программ и стратегий социально-экономического развития. Представлены характерные способы логической реконструкции программного продукта, выявлены присущие исполнению государственных программ системные риски. На примере программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», утвержденной Правительством РФ в марте 2019 г., проведен логический анализ документа посредством выделения базовых целей и соответствующих им результатов. Выявлена глубокая внутренняя взаимосвязь между базовыми целями, требующая существенной перестройки логической структуры программы, выделения дополнительных ее параметров с акцентом на усиление внутренней связи между ее основными элементами. Предложен проект логической структуры государственной программы. По результатам проведенного исследования сделан вывод о том, что логический анализ способен усовершенствовать структуру программы, усилить внутреннюю связь между ее основными разделами, сформировать четкие механизмы в последовательной реализации приоритетных целей.

Ключевые слова:

государственные программы, логический анализ, программно-целевое управление, логическая связность, программный менеджмент, программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации».

UDC 303.443.2

DOI 10.17506/18179568_2021_18_3_48

LOGICAL ANALYSIS OF STATE PROGRAMS AS A TOOL FOR INCREASING THEIR EFFICIENCY

Oleg M. Roy,

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia,
roi_omsk@mail.ru

Article received on April 27, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Roy, O.M. (2021). Logical Analysis of State Programs as a Tool for Increasing Their Efficiency. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 48–63. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_48

Abstract

The purpose of the article is to determine and apply the heuristic capabilities of logical analysis in increasing efficiency of program documents. The author summarizes the experience of using logical analysis of state programs, identifies the main shortcomings in the implementation of program-targeted management at the territorial level, focuses on the logical coherence and consistency of program documents. The key requirements for ensuring the logical coherence of program documents are formulated, its main criteria are identified, the internal and external aspects in the study of programs are highlighted. The article proposes some methodological tools for conducting a logical analysis of state programs and its use in improving software products in public administration. The heuristic importance of logical rules in the expert assessment of programs and strategies is emphasized. A logical analysis of the typical structure of the state program is carried out, the role of risks and effects manifesting themselves during its implementation is determined, the connection between programs and strategies of socio-economic development is shown. The typical methods of a software product logical reconstruction are presented, the systemic risks inherent in the execution of state programs are identified. Using the example of the program “Scientific and technological development of the Russian Federation”, approved by the Russian Government in March 2019, a logical analysis of this document is carried out by highlighting the basic goals and corresponding results. A deep internal relationship between the basic goals is revealed, which requires a significant restructuring of the program’s logical structure and identification of its additional parameters with an emphasis on strengthening the internal connection between its main elements. A draft of the logical structure of the state program is proposed. According to the results of the study, it is concluded that logical analysis is able to improve the structure of the program, strengthen the internal connection between its main sections, and form clear mechanisms for the consistent implementation of priority goals.

Keywords:

state programs, logical analysis, program-target management, logical coherence, program management, the program “Scientific and technological development of the Russian Federation”.

Введение

Государственные (муниципальные) программы выступают важнейшим инструментом развития публичного сектора национальной экономики. Благодаря им обеспечивается экономная и прозрачная система расходования бюджетных ресурсов, формируется подотчетность выделяемых под национальные приоритеты мероприятий. Государственной программой является система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности территории. Государственные программы позволяют обеспечить сбалансированное до-

стижение заданных в рамках процедуры целеполагания показателей, обеспечить эффективный контроль за расходованием средств на различных этапах исполнения программы, продемонстрировать открытость и внутреннюю согласованность в достижении непосредственных и конечных целей. Государственные программы выступают составной частью программно-целевого управления – технологии, предполагающей администрирование управляемых процессов в рамках специально структурированных плановых документов.

Начиная с 2014 г. бюджет России и бюджеты субъектов Федерации формируются на основе государственных программ. В федеральном бюджете заложены 42 госпрограммы, на которые приходится 70 % всех расходов – порядка 10 трлн. руб. Каждая государственная программа имеет свой паспорт, в котором обозначены ее цели и задачи, перечень подпрограмм, участники, ключевые индикаторы, сроки и этапы реализации, объемы бюджетных ассигнований и ожидаемые результаты¹. Однако низкая эффективность реализации программных целей не позволяет повысить долю программных расходов бюджета, которая в отдельных регионах не превышает 50 %.

Цель настоящей статьи заключается в определении и использовании эвристических возможностей логического анализа для повышения эффективности программных документов. Плановые документы устанавливают ориентиры для развития сложных социально-экономических систем, определяя для последних своеобразные «экологические ниши», обеспечивающие задаваемые по результатам их конструирования эффекты. Эффективность документов определяется исполнением заложенных в них целей и заявленных результатов, что обеспечивается, в свою очередь, прописанными там же механизмами и контрольными показателями. Однако в процессе реализации программно-целевого управления возникают определенные сбои, способствующие снижению эффективности используемых инструментов.

В работах отечественных авторов (Бреусова, 2016; Клищ, 2008) выделяются наиболее характерные недостатки в реализации программно-целевого управления в России, среди них: содержательные разрывы между целями и ожидаемыми результатами, дублирование целей и индикаторов в подпрограммах, разобщение структурных подразделений ведомств при разработке подпрограмм и др. Определенная часть этих сбоев имеет логический характер, поскольку между предпосылками, закладываемыми в основу программ, и намеченными результатами обнаруживаются очевидные нестыковки и смысловые противоречия.

К наиболее характерным логическим сбоям в реализации программ можно отнести:

- несоответствие располагаемых ресурсов прописанным в документе целям;
- недостаточная разведенность целей в планировочном блоке, вызывающая дублирование в их исполнении или неопределенность в понимании;
- нарушение последовательности в достижении заявленных целей, заключающееся в неопределенности и размытости промежуточных этапов и пр.

¹ Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации: приказ Минэкономразвития России от 16 сентября 2016 г. № 582 (ред. от 15 марта 2017 г.). Взято 4 марта 2021, с <https://docs.cntd.ru/document/420377385>

Методологической основой настоящего исследования выступает структурная реконструкция текстов программных документов, базирующаяся на выявлении лежащих в их основе логических операторов. Эмпирический объект исследования – государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377. На данном примере оценивается логическая связность программы и соответствие между ее основными разделами.

Результаты исследования

Эвристические возможности проведения логического анализа государственных программ. Логический анализ любого текста предусматривает его оценку на соответствие требованиям внутренней согласованности частей, подчинения общей логике изложения, на предмет противоречивости, сбалансированности и увязки результатов с проведенным анализом как составной части такой программы. Объектом логического анализа выступают цели, задачи программы, связи между разделами, характер обоснованности и аргументации в достижении результатов, доказательности отдельных положений.

Логическая сбалансированность (связность) текстового документа основана на соблюдении ряда простых правил, обеспечивающих тесную и устойчивую зависимость между его различными фрагментами, отображающую цельное и полное представление воспринимающего этот документ субъекта. Логическая сбалансированность государственных программ означает внутреннюю связность между заявляемыми целями и ожидаемыми результатами, выстраиваемую с помощью средств административного контроля.

Логическая связность государственной программы имеет горизонтальное и вертикальное измерение. Горизонтальное включает в себя оценку логической зависимости между целями первого порядка, вертикальное – между целями первого и второго порядка, а также между целями и намеченными результатами. В рамках горизонтального измерения возможно выявление причинно-следственной зависимости между базовыми целями программы, тогда как вертикальный срез позволяет определить возможность получения ожидаемых результатов на основе сформулированных целей, задач и контрольных индикаторов. Кроме того, логическая связность программы определяется в зависимости от рассмотрения ее с внутренней или внешней сторон. Внутренняя сторона охватывает требования к внутренней увязке основных разделов документа, его нацеленности на результат; внешняя предусматривает налаживание коммуникаций между различными программами, нейтрализуя избыточные элементы и обеспечивая синергический эффект от их взаимодействия друг с другом.

Оценка недостатков ряда отраслевых программ свидетельствует о том, что плановые показатели госпрограммы должным образом не привязаны к потенциалу реализующих эти программы субъектов. Так, плановые показатели госпрограммы по развитию сельского хозяйства не привязаны к потенциалу сельских территорий (Адуков и др., 2018). Поэтому одной из причин низкой эффективности этой госпрограммы выступает разрыв отраслевых и территориальных механизмов ее реализации. Подмена же территориальных механизмов отраслевыми выступает характерным проявлением нарушения логического

правила тождества понятий, ограничивая возможности повышения качества социально-экономического развития конкретной территории.

Таким образом, одной из причин низкой эффективности исполнения государственных программ является их логическая несбалансированность, в основе которой лежит разрыв между заявленными целями и ожидаемыми результатами. Этот разрыв усугубляется неудачным подбором индикаторов, по которым определяются промежуточные результаты в достижении целей; недооценкой рисков в механизме трансформации целей в результаты, а также игнорированием эффектов, образуемых сложившимися способами достижения запланированных результатов.

Государственная программа как текстовый документ включает в себя определенное содержание, раскрывающее смысл и значение актуальной общественной проблемы, нуждающейся в разрешении. Этот документ содержит различные установки, свойства и признаки, находящиеся друг с другом в определенном соотношении. Государственная программа обладает своей структурой, символические обозначения составных элементов которой представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Логические символы основных разделов государственных программ (составлено автором)

Структурный элемент программы	Символическое обозначение
Базовые цели программы (цели первого порядка)	X1, X2, X3...
Задачи программы (цели второго порядка)	X1.1, X1.2, ... X1.n X2.1 X2.2, ... X2.n X3.1...
Ключевые индикаторы	I1, I2, I3, ... In
Ожидаемые результаты	R1, R2, R3, ... Rn

В отечественной науке уже предпринимались попытки оценить логическую цельность программных документов (Бухтиярова и др., 2018; Ерженин, 2019; Харченко, 2008). В зарубежной литературе также активно используется метод логического анализа в программных теориях (Brousselle & Champagne, 2011; Helitzer et al., 2010; Newcomer et al., 2015).

Логический анализ позволяет разложить объект планирования на составные части, выявить причинно-следственную связь между ними, понять логику закладываемых в программу мероприятий. Проведенный логический анализ предоставляет возможность обосновать тот или иной вариант воздействия на социальные процессы, определить последовательность шагов в достижении заявленных целей.

Цель логического анализа заключается в определении наилучших путей достижения поставленных целей. С его помощью возможны формулировки важных характеристик, эффектов, которые проявляются вследствие вмешательства исследователя в действие объективных процессов, а также выявление критических условий, необходимых для получения этих эффектов. Правильность проведения логического анализа подтверждается тем, как обеспечена трансформация

закладываемых в программные документы целей в ожидаемые от реализации программ результаты и полученные при этом эффекты.

А. Бруссель выделяет два типа логического анализа. Первый – прямой логический анализ – позволяет нам увидеть, спланировано ли вмешательство таким образом, чтобы достичь желаемых результатов. Второй тип предполагает поиск наилучших способов достижения желаемых результатов при помощи определения альтернатив, которые также дадут желаемый эффект, расширяя спектр возможных вмешательств. К тому же это поможет определить критические условия для успешной реализации альтернатив и получения результатов (Brousselle & Champagne, 2011).

Таким образом, в процессе программного целеполагания субъект планирования должен, с одной стороны, так спланировать воздействие на социальные процессы, чтобы преодолеть негативное проявление критических условий; с другой – синхронизировать действия различных участников социальных процессов, определяющих разнонаправленные исходы в их осуществлении. Логический анализ предусматривает мыслительную реконструкцию объекта исследования, его разложение на составные части, рассматриваемые с точки зрения их соотношения в разрезе *if-then* (если-то). В этом смысле логический анализ можно рассматривать как одну из форм выявления причинно-следственной связи между явлениями (событиями), дополненной рядом условий, среди которых ведущую роль играют требования непротиворечивости, тождественности, последовательности и непрерывности процедуры описания исследуемых зависимостей. Закон тождества обеспечивает сохранение позиции субъекта программы и эквивалентность используемых принципов и понятий. Исключение противоречий – разделение целей и исключение дублирования в их исполнении. Правило непрерывности – связность и логическую последовательность действий, предусмотренных программой. А правила декомпозиции (последовательного разложения целей на подцели) – разделение целей по уровням управления и последовательности исполнения, а также дифференцирование подцелей по степени сложности.

Анализ логической структуры государственной программы.

Государственные (муниципальные) программы следует рассматривать в тесном взаимодействии с территориальными стратегиями. Роль последних заключается в том, чтобы выработать приоритеты и составить прогнозы текущих процессов при различных сценарных условиях. Стратегии определяют выбор набора программ, обосновывают степень их взаимосвязи друг с другом и соответствие выработанным в рамках стратегии приоритетам (рисунок 1).

Характерной чертой логического анализа выступает выделение критических условий, оказывающих влияние на несоответствие установленных целей и ожидаемых результатов. Несмотря на то, что риск выступает элементом стратегии, а не программы, он должен быть учтен в содержании программ определенными логическими средствами, которые выступают в виде ограничений в достижении заявленных целей. Эти ограничения могут быть реализованы в виде промежуточных показателей по специально подобранным шкалам интенсивности.

Таким образом, основу логического анализа составляет выделение:

- 1) базовых (стратегических целей) – целей первого порядка;

Рисунок 1 – Логическая структура государственной программы (составлено автором)

- 2) оперативных задач – целей второго порядка;
- 3) перечня критических условий (рисков);
- 4) перечня ожидаемых результатов;
- 5) перечня ожидаемых эффектов.

Представленные элементы логической структуры государственной программы обладают различной степенью структуризации. Так, если элементы 1, 2 и 4 задаются самим процессом целеполагания и служат остовом логической структуры документа, то 3 и 5 призваны придать процессу целеполагания технологический характер, воплощающий в программе его циклическую завершенность.

Перечень критических условий реализации программы выполняется в виде выделения факторов, ограничивающих достижение программных целей, определенных экспертным путем в виде значений показателей, несовместимых с ее исполнением. Всякий фактор риска является свидетельством неисполнения ожидаемого результата при том или ином варианте выбора способа достижения цели.

Программы призваны операционализировать процедуру решения сложных многоуровневых задач на основе тщательно разрабатываемой системы действий, предполагающей строгую последовательность достижения промежуточных целей и эффективную модель контроля для их воплощения.

Логический анализ государственных (муниципальных) программ предусматривает применение специальных формализованных символов, замещающих структурные элементы программ. Главными критериями логической связности программы являются сбалансированность всех ее разделов, полнота и достоверность полученной в ходе анализа информации, последовательность и обоснованность заключений, обеспеченность результатов располагаемой субъектом программирования ресурсной базой.

В основе логического анализа лежит логическая реконструкция текстов государственной программы, основанная на выявлении типовых логических

зависимостей между основными ее фрагментами: конъюнкции (\wedge), дизъюнкции (\vee), эквивалентности (\equiv), свидетельства отрицания, несоответствия (\neg) и импликации (\Rightarrow).

В таблице 2 представлены характерные способы логической реконструкции абстрактного программного продукта, нацеленные на диагностику ее наиболее характерных сбоев.

Таблица 2 – Характерные способы логической реконструкции программного продукта (составлено автором)

Объекты логической реконструкции	Тип логической взаимосвязи между элементами
Соотношение целей друг с другом	$X1 \vee X2 \vee X3 \vee \dots Xn$ $X2 \equiv X13$ $X1 \Rightarrow X2 \Rightarrow X6$ $X5 \Rightarrow X10$ $(X1 \wedge X2 \wedge X3) \vee X8$
Привязка цели к результату	$X1, X2, X3, X4 \rightarrow R1$ $X7, X8, X9, X10 \rightarrow R2$
Корреляция целей через смежные индикаторы	<pre> graph LR X1 --> i1 X1 --> i3 i2 --> X2 i3 --> i2 </pre>
Диагностика конфликтности целей	$X1 \Rightarrow X5 \equiv X8$ $\neg X5 \Rightarrow \neg X8$

Соотношение целей относительно друг друга может быть отображено в соответствии с одной из форм логической связи (оператором) – конъюнкцией, дизъюнкцией, импликацией и эквивалентностью. Конъюнктивная связь выражает рядоположенность и дополнительность целей, их функциональную полноту в реализации миссии программы; дизъюнктивная связь основана на разведении целей друг от друга, обеспечении их операциональной обособленности; импликация делает возможной взаимообусловленность целей, наличие причинно-следственной связи между ними, а эквивалентность – их возможное функциональное тождество. Свидетельство отрицания может применяться для обозначения критических условий, ограничений для реализации цели и служит способом диагностики программных сбоев и логической связности. Использование этих зависимостей в оценке логической связности основных элементов государственных программ позволяет выявить несбалансированность программных механизмов, способных вызвать негативные последствия в реализации программ.

Главной особенностью конъюнктивной зависимости является акцент на дополнительности и многообразии признаков, тогда как дизъюнктивная зависимость основана на соизмеримости признаков, их взаимоисключительности и альтернативности. Учреждение базовых целей осуществляется по принципу дополнительности, охватывая максимально весь горизонт заложенных в программу ориентиров. Между базовыми целями должна проявляться ярко вы-

раженная имплицитная зависимость, отображающая всю полноту жизненного цикла, положенную в процедуру реализации программы. По мере трансформации базовых целей в ожидаемые результаты вариативность действий участников программ расширяется и, следовательно, увеличивается доля дизъюнктивных связей, избыточное количество которых повышает разнообразие в принятии решений, а также вероятность ошибок и неблагоприятных последствий.

В программном формате именно на заключительных этапах реализации программ заложены главные риски их неисполнения. Дизъюнктивный характер положенных в программу ожидаемых результатов может быть преодолен с помощью положенных в основу программ стратегий и четких механизмов достижения результатов. Для этого необходимо, во-первых, привязать заявленные результаты к задачам (целям второго порядка); во-вторых, подкрепить их исполнение более широким кругом промежуточных индикаторов.

Логический анализ государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». По итогам 2019 г. наименьшую эффективность показали госпрограммы по научно-техническому прогрессу, внешнеэкономической деятельности, сельскому хозяйству, а также по развитию Крыма и Севастополя. Такие данные содержатся в докладе Минэкономразвития, ответственного за их реализацию. Кроме того, ведомство отметило неэффективность исполнителей и крайне скромный уровень софинансирования госпрограмм региональными бюджетами. Низкий КПД мероприятий связан с отсутствием привязки целевых показателей к конкретным мерам их достижения, а в кризис подобные инструменты и вовсе теряют смысл².

В качестве объекта исследования целесообразно использовать государственную программу «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», утвержденную постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377. В условиях 2021 г., объявленного годом науки и технологий, эта программа приобретает особенно актуальное значение и является ведущим стратегическим направлением развития страны на ближайшие годы. Программа предусматривает реализацию 5 подпрограмм по основным задачам. Документ был призван заменить досрочно прекращенную государственную программу Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в связи с неудовлетворительными результатами реализации последней.

Логический анализ программы позволяет выделить в ней три ярко выраженных содержательных раздела, определяемых тремя базовыми целями.

Первая цель (X1) – развитие интеллектуального потенциала нации – предполагает кадровое обеспечение программы и включает в себя механизмы воспроизводства интеллектуального потенциала, мобильность, доступность и привлекательность рабочих мест, их востребованность обществом. Основными направлениями в реализации первой цели выступают: повышение доступности высшего образования, создание условий для выявления талантливой молодежи, повышение привлекательности интеллектуального труда и пр.

² Виноградова, Е. (2020, 17 июня). *Разбор просчетов: Минэк назвал самые неэффективные госпрограммы*. Взято 20 января 2021, с <https://iz.ru/1022390/ekaterina-vinogradova/razbor-proschetov-minek-nazval-samye-neeffectivnye-gosprogrammy>

Вторая цель (X2) – научно-техническое и интеллектуальное обеспечение структурных изменений в экономике – предполагает институциональную встроенность проектов программы в структуру национальной экономики, повышение конкурентоспособности, расширение экспортного потенциала, увеличение доли внебюджетного финансирования программных мероприятий, патентную обеспеченность и технологическую независимость государства. В рамках этой цели основными направлениями могут стать, к примеру, увеличение внебюджетных средств на развитие научно-технической инфраструктуры, внедрение онлайн-технологий, обретение технологической независимости государства и повышение рейтинговых показателей резидентов по производству интеллектуальной продукции.

Третья цель (X3) – эффективная организация и технологическое обновление научной, научно-технической и инновационной (высокотехнологичной) деятельности – делает акцент на внедрение новых форм организации технологических процессов, создание новых наукоемких продуктов, организацию эффективного взаимодействия и финансирования субъектов высокотехнологической деятельности, освоение современных форм организации и использования новых аппаратных и программных инструментов проведения исследований и разработок и пр. Главный акцент в реализации этой цели делается на форсирование крупных международных проектов, в частности «мегасайенс», а также создание программных инструментов проведения исследований, формирование спроса на такие исследования на основе кооперации между различными отраслями науки, повышение доступности информации и мониторинг трудоустройства выпускников вузов.

Программа включает в себя 5 задач, 6 индикаторов и 32 ожидаемых результата. Методика логического анализа, использованная в исследовании программы, предполагала оценку логической связности между целевыми ориентирами программы и выявление критических условий ее исполнения в разрезе ожидаемых результатов.

В рамках проведенного исследования задачи, индикаторы и ожидаемые результаты были разделены на три условные группы, соответствующие базовым целям. Таким образом, в первую группу, соответствующую X1, были отнесены 1 задача, 2 индикатора и 9 результатов. Во вторую (X2) – 2 задачи, 2 индикатора и 15 результатов. В третью (X3) – 2 задачи, 2 индикатора и 8 результатов.

На основе проведенного логического анализа были получены следующие результаты.

В первую очередь анализ показал глубокую внутреннюю зависимость базовых целей: выполнение первой базовой цели является необходимым условием выполнения второй цели, а вторая – третьей. Такая последовательность в достижении базовых целей позволяет развернуть по времени процесс технологического обновления и организации наукоемкого производства. Чтобы внедрить новые формы организации технологических процессов и создать новые наукоемкие продукты, необходимо сформировать адекватную кадровую основу такого процесса и обеспечить соответствующую институциональную структуру. Приведенный далее перечень задач лишь в общих чертах детализирует этот механизм, не устанавливая последовательности и порядка в достижении

сложных базовых целей. В таблице 3 представлен вариант распределения задач программы между базовыми целями. Однако логические связи между задачами программы не воспроизводят имплицитивной зависимости, соответствующей логике достижения базовых целей.

Таблица 3 – Распределение задач программы по базовым целям (составлено автором)

Базовые цели	Цели 2-го порядка (задачи программы)
X1 – развитие интеллектуального потенциала нации	X1.1 – создание условий для выявления и развития талантов и профессионального роста научных, инженерных и предпринимательских кадров
X2 – научно-техническое и интеллектуальное обеспечение структурных изменений в экономике	X2.1 – создание условий для повышения уровня капитализации образовательного потенциала населения; X2.2 – получение новых знаний за счет развития и поддержки фундаментальных исследований, обеспечивающих готовность страны к большим вызовам и своевременной оценке рисков, обусловленных научно-технологическим развитием
X3 – эффективная организация и технологическое обновление научной, научно-технической и инновационной (высокотехнологичной) деятельности	X3.1 – опережающее развитие инфраструктуры научной, научно-технической и инновационной деятельности, включая формирование и реализацию национальных и международных проектов класса «мегасайенс», инфраструктуры информационного обеспечения научной, научно-технической и инновационной высокотехнологичной деятельности с обеспечением беспрепятственного доступа к ней; X3.2 – поддержка всех стадий «жизненного цикла» знаний за счет формирования эффективной системы коммуникации в области науки, технологий и инноваций, повышения восприимчивости экономики и общества к инновациям, создания условий для развития наукоемкого бизнеса

Общий логический анализ показал явную необеспеченность заявленных целей и задач четкими индикаторами, которые оказались преимущественно разбросанными по ожидаемым в программах результатам. Исследование в разрезе базовых целей (групп целей и задач) также выявило внутреннюю рассогласованность между основными элементами. Логический анализ первой группы показал недостаточную проработанность задач, направленных на реализацию первой базовой цели. Так, неопределенной по данной группе представляется установка на повышение уровня капитализации образовательного потенциала, не нашедшая воплощения ни в перечне индикаторов, ни в одном из ожидаемых результатов. Трудно операционализировать также среди значений выделенных результатов понятия «интеллектуальный потенциал» и «академическая мобильность». Неопределенность присутствует и в сентенциях «восприимчивость общества и экономики к инновациям» и «наука и технология как ключевой ресурс». При анализе второй группы выявлена недостаточно прочная логическая зависимость между задачей по развитию и поддержке фундаментальных

исследований и ожидаемым результатом по созданию передовой инфраструктуры для фундаментальных и прикладных исследований. Третья группа в недостаточной степени опирается на результаты второй группы, демонстрируя разрозненность в достижении базовой цели результатов.

Набор индикаторов, представленный в программе, вряд ли позволит обеспечить контроль за ходом в достижении заявленных целей и задач. Если для одних целей имеются достаточно четкие индикаторы, то для других они либо отсутствуют, либо облекаются в неопределенную форму, в частности, «создание условий...». К примеру, вызывает вопросы содержание индекса доступности и востребованности научной и научно-технической инфраструктуры и информации, который должен быть к 2030 г. повышен в 1,5 раза.

Таким образом, цели и задачи программ зачастую являются достаточно изолированными и скорее просто дополняют друг друга, чем представляют собой целостную систему. В то же время программы являются малочувствительными к рискам, что проявляется в декларативном характере формулировок ряда заложенных в них результатов. К примеру, отсутствие у отечественных ученых доступа к научной информации из зарубежных источников (баз данных, периодических изданий и пр.) существенно ограничивает исполнение определенного перечня результатов, заложенных в программу, что должно быть в обязательном порядке подкреплено соответствующими показателями оценки достижения этих результатов.

Важно также учитывать, что реализация положенных в основу программы целей может вызвать последствия, которые не предусматривались программой, будучи продуктом влияния сопутствующих факторов. Такие последствия, называемые *эффектами*, также должны предусматриваться в структуре программных документов. Эффекты могут способствовать экономии на затратах за счет синергии в достижении нескольких результатов, и это свойство имеет важное значение для программного менеджмента. Перечень мероприятий, прописанных в программе, обеспечивает только связь заявленных результатов с отдельными показателями государственной программы (подпрограмм), но не определяет проявления необходимых эффектов, способных поднять управляемую отрасль на принципиально новый уровень развития.

Логический анализ, проведенный на примере одной из государственных программ, дает основание усовершенствовать структуру программы, усилить внутреннюю связь между ее основными разделами, сформировать четкие механизмы в последовательной реализации приоритетных целей. Государственные программы должны оцениваться не только с точки зрения их масштабности, но и реальных условий в достижении заявленных результатов. Таким образом, вырисовывается логическая структура государственной программы, соответствующая этим признакам (рисунок 2).

Представленная логическая структура программы имплицитно включает в себя алгоритм достижения сложных комплексных задач, в основе которого лежат требования к внутренней согласованности между основными разделами программы. Лежащие в основе программы символические единицы (цели, задачи, индикаторы, результаты) выстраиваются в целостную систему, воплощающую в себе полный производственный цикл, начиная от базовых целей и заканчивая системными эффектами, вызванными достижением заявленных

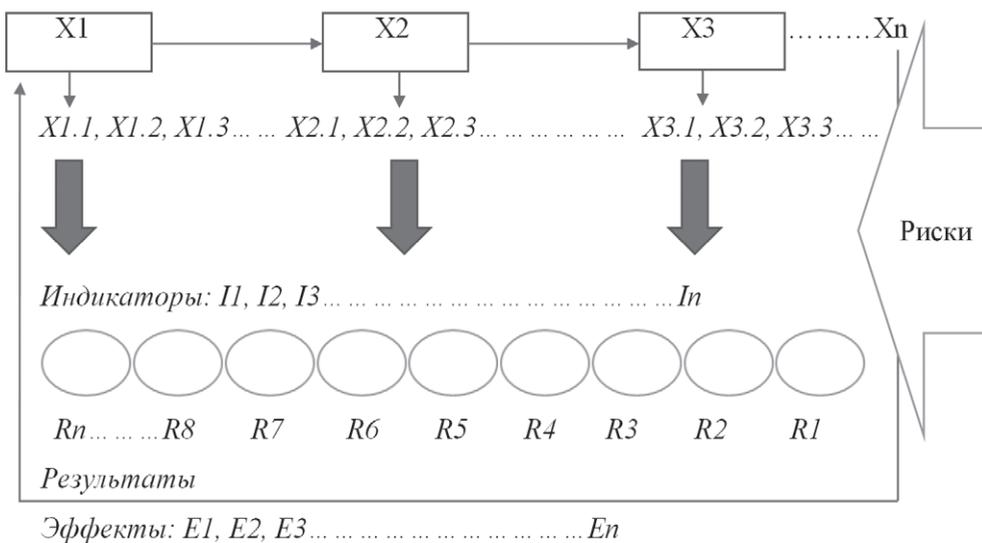

Рисунок 2 – Проект логической структуры государственной программы (составлено автором)

результатов. Индикаторы призваны направлять запланированные действия в заданное русло и обеспечивать текущий контроль за реализацией программных мероприятий, отображая значение приближения заданных целей к ожидаемым результатам. Роль индикаторов в формировании программ должна быть не только расширена, но и дополнена показателями противодействия возможным рискам, т. е. тем ключевым фактором, который не был предусмотрен программными мероприятиями, но влияет на их успешное исполнение.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало высокую продуктивность использования логического анализа в составлении программных продуктов. Несмотря на кажущуюся простоту логической реконструкции программных документов, значительное их число имеет крайне размытую логическую и смысловую связность, что лишает программно-целевой метод многих преимуществ. Именно логическая размытость не позволяет обеспечивать эффективное исполнение программ, затрудняет организацию контроля за достижением промежуточных результатов, вызывает нарушение в координации работ по ее сопровождению. В работе были выявлены характерные для программного документа типы логической взаимосвязи между его разделами, представлен логический проект структуры государственной программы, проведена логическая экспертиза одной из крупных государственных программ страны. Развитие методологии логического анализа, примененного к структуре программных продуктов, представляется перспективным для дальнейшего исследования. Повышение качества программ и стратегий, количество которых в качестве инструментов территориального и корпоративного управления будет

только возрастая, вряд ли может осуществляться без адекватной логической экспертизы.

Список литературы

1. Адуков, Р.Х., Адукова, А.Н., Захаров, Р.В. (2018). Формат госпрограммы развития сельского хозяйства нуждается в корректировке. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*, (12), 60–69.
 2. Бреусова, А.Г. (2016). Управление изменениями в государственных и муниципальных программах (ч. 1). *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*, (3), 153–161.
 3. Бухтиярова, Т.И., Коротина, Н.Ю., Первых, П.А. (2018). Оценка исполнения государственных программ как инструмент повышения эффективности расходов бюджетов. *Социум и власть*, (3), 38–43.
 4. Ерженин, Р.В. (2019). Цели в управлении региональными финансами: логико-содержательный анализ государственных программ. *Управленческие науки*, 9(2), 50–61. <https://doi.org/10.26794/2304-022x-2019-9-2-50-61>
 5. Клищ, О.С. (2008). Преимущества и недостатки программно-целевого подхода к управлению социально-экономическим развитием региона. *Актуальные вопросы экономических наук*, (3–1), 210–214.
 6. Харченко, К.В. (2008). Логико-содержательный анализ как алгоритм оценки муниципальных программ. *Муниципальная власть*, (5), 50–54.
 7. Brousselle, A., & Champagne, F. (2011). Program theory evaluation: Logic analysis. *Evaluation and Program Planning*, 34(1), 69–78. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2010.04.001>
 8. Helitzer, D., Hollis, C., Urquieta de Hernandez, B., Sanders, M., Roybal, S., & Van Deusen, I. (2010). Evaluation for community-based programs: The integration of logic models and factor analysis. *Evaluation and Program Planning*, 33(3), 223–233. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2009.08.005>
 9. Newcomer, K.E., Hatry, H.P., & Wholey, J.S. (2015). *Handbook of practical program evaluation* (4th ed.). <https://doi.org/10.1002/9781119171386>
 10. Rey, L., Brousselle, A., & Dedobbeleer, N. (2011). Logic Analysis: Testing program theory to better evaluate complex interventions. *The Canadian Journal of Program Evaluation = La Revue canadienne d'évaluation de programme*, 26(3), 61–89.
-

References

1. Adukov, R. H., Adukova, A. N., & Zakharov, R. V. (2018). Format gosprogrammy razvitiya sel'skogo xoz'yajstva nuzhdaetsya v korrektyrovke [Format of the agricultural development state program needs correction]. *E'konomika, trud, upravlenie v sel'skom xoz'yajstve*, (12), 60–69.
2. Breusova, A. G. (2016). Upravlenie izmeneniyami v gosudarstvennykh i municipal'nykh programmax (chast' 1) [Change management in state (municipal) programs (part 1)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: E'konomika*, (3), 153–161.

3. Brousselle, A., & Champagne, F. (2011). Program theory evaluation: Logic analysis. *Evaluation and Program Planning*, 34(1), 69–78. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2010.04.001>
4. Bukhtiyarova, T.I., Korotina, N.Y., & Pervykh, P.A. (2018). Ocenka ispolneniya gosudarstvennykh programm kak instrument povysheniya e'ffektivnosti raschodov byudzheto [Estimating execution of the state programs as a tool to increase the effectiveness of budget expenditures]. *Socium i vlast'*, (3), 38–43.
5. Erzhenin, R.V. (2019). Celi v upravlenii regional'nymi finansami: logiko-soderzhatel'nyy analiz gosudarstvennykh programm [Goals in the management of regional finances: A logical-content analysis of state programs]. *Upravlencheskie nauki*, 9(2), 50–61. <https://doi.org/10.26794/2304-022x-2019-9-2-50-61>
6. Helitzer, D., Hollis, C., Urquieta de Hernandez, B., Sanders, M., Roybal, S., & Van Deusen, I. (2010). Evaluation for community-based programs: The integration of logic models and factor analysis. *Evaluation and Program Planning*, 33(3), 223–233. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2009.08.005>
7. Kharchenko, K.V. (2008). Logiko-soderzhatel'nyy analiz kak algoritm ocenki municipal'nykh programm [Logical analysis as an algorithm for assessing municipal programs]. *Municipal'naya vlast'*, (5), 50–54.
8. Klisch, O.S. (2008). Preimushhestva i nedostatki programmno-celevogo podxoda k upravleniyu social'no-e'konomicheskim razvitiem regiona [Advantages and disadvantages of the program-targeted approach to managing the socio-economic development of the region]. *Aktual'nye voprosy e'konomicheskix nauk*, (3–1), 210–214.
9. Newcomer, K.E., Hatry, H.P., & Wholey, J.S. (2015). *Handbook of practical program evaluation* (4th ed.). <https://doi.org/10.1002/9781119171386>
10. Rey, L., Brousselle, A., & Dedobbeleer, N. (2011). Logic Analysis: Testing program theory to better evaluate complex interventions. *The Canadian Journal of Program Evaluation = La Revue canadienne d'evaluation de programme*, 26(3), 61–89.

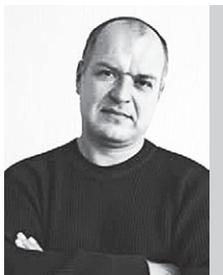
Информация об авторе

Олег Михайлович Рой, доктор социологических наук, профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1885-7865>, e-mail: roi_omsk@mail.ru

Information about the author

Oleg Mikhailovich Roy, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1885-7865>, e-mail: roi_omsk@mail.ru

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.*

Сергей Вячеславович Мошкин,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
osa-sv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Мошкин С.В. Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 64–75. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

Аннотация

В статье рассматривается состояние современной российской политической дискурсологии о событиях русской революции 1917 г. Представляется многообразие теоретических подходов к изучению Октябрьской революции, сложившихся в отечественной политологии в постсоветские годы. Особое внимание уделяется исследованиям официального дискурса, формируемого правящей элитой и отдельными представителями политического класса Российской Федерации. Такие исследования, по мнению автора статьи, позволяют понять мировоззренческие устремления современного российского общества, поскольку различия в оценках революции 1917 г. формируют различные картины прошлого, настоящего и будущего страны. Опираясь на работы дискурсологов, автор статьи фиксирует, что политический дискурс политики памяти об Октябрьской революции в постсоветской России изначально носил конфликтный характер. Это проявлялось, в частности, в непримиримости позиций о смыслах и последствиях Октября у противостоящих

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 21–011–43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики».

© Мошкин С.В., 2021

друг другу в начале 1990-х гг. политических сил. Делается вывод о том, что спустя тридцать лет мало что изменилось: властная и интеллектуальная элиты оказались неспособными выработать и предложить современному российскому обществу неконфликтный подход к переосмыслению и восприятию большевистской революции; кризис политической предвзятости в оценках столь значимого явления для последующего развития России так и не преодолен. Вместе с тем есть основания полагать, что в российском обществе постепенно формируется потребность в более взвешенной и беспристрастной оценке революции 1917 г. в контексте российской и мировой истории. В целом же постоянный интерес к данной проблематике свидетельствует о наличии общественного и академического запросов на исследование дискурсивных аспектов этого крупнейшего события отечественной истории и национальной памяти о нем.

Ключевые слова:

Октябрьская революция 1917 г., политика памяти, историческая политика, политические акторы, политический дискурс.

UDC 303.01

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_64

THE 1917 OCTOBER REVOLUTION MEMORY POLITICS

Sergey V. Moshkin,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
osa-sv@yandex.ru

Article received on May 20, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Moshkin, S.V. (2021). The 1917 October Revolution Memory Politics. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 64-75. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_64

Abstract

The article considers the state of modern Russian political discourse studies on the 1917 Russian Revolution events. It presents various theoretical approaches to the study of the October Revolution, shaped in Russian political science in the post-Soviet period. Particular emphasis is laid on research of the official discourse formed by the governing elites and individual representatives of the Russian political circles. The author believes that these studies help to understand ideological aspirations of contemporary

Russian society, since different evaluations of the 1917 Revolution create different pictures of the country's past, present and future. Based on the works of discoursologists, the author of the article notes that the political discourse on the October Revolution memory politics in post-Soviet Russia was initially of a conflict nature. Specifically, it was manifested in irreconcilable positions to the meanings and consequences of the October Revolution taken by the opposing political forces in the early 1990s. The article concludes that thirty years later little has changed: the governing and intellectual elites have proved to be unable to elaborate and offer modern Russian society a non-conflicting approach to rethinking and perceiving the Bolshevik Revolution; the crisis of political bias in evaluations of such a significant phenomenon for further Russian development has not been overcome yet. However, there are grounds to suppose that Russian society is gradually forming a need for a more balanced and impartial evaluation of the 1917 Revolution in the context of Russian and world history. In general, the constant interest in this topic indicates that there is a public and academic demand in research of discursive aspects of this epoch-making event in national history and memory about it.

Keywords:

1917 October Revolution, memory politics, history politics, political actors, political discourse.

Введение

Политическое поражение КПСС и всего советского режима в 1991–1993 гг. поставили перед новыми российскими властями непростую задачу: как теперь в обновленной демократической России на официальном уровне относиться к октябрьским событиям 1917 г.? С одной стороны, Россия объявила себя правопреемницей СССР, а значит, волей-неволей должна была признавать, транслировать и воспроизводить, хотя бы в микроскопических дозах, «миф происхождения» об Октябре. С другой стороны, новая власть в России утвердилась под лозунгом антикоммунизма и отрицания всего большевистского, и было бы странно, если бы российские демократы-антикоммунисты по-прежнему славил Октябрьскую революцию. Одним из первых, кто обратил внимание на эту двусмысленность во властном восприятии Октября, был историк Ю.Н. Афанасьев (1995). Затем эта тема нашла продолжение в работах других российских авторов, не только историков (см., например: Мошкин, 2007, с. 131–132; Фурман, 2010, с. 21–22). Наиболее развернутую картину исходной противоречивости, а значит, и внутренней конфликтности российского властного дискурса о событиях 1917 г., представили А.И. Миллер, О.Ю. Малинова и Д.В. Ефременко (Малинова, 2016; Малинова, 2017; Миллер и др., 2019).

Двусмысленность по отношению к советскому прошлому проистекала не только из декларативно-демократической самопрезентации правящей российской элиты, своим рождением обязанной коммунистическому прошлому. Причина была и в том, что, как справедливо замечает А. Рябов (2021), «в массовом сознании советских людей отсутствовали ценностные предпосылки демократических перемен» (с. 172). Существовавшие в то время демокра-

тические устремления россиян ограничивались по большей мере желанием обеспеченной жизни, что дало основание некоторым авторам рассматривать антикоммунистическую революцию в августе 1991 г. как революцию потребителей¹. Когда же осуществление правящей элитой демократических реформ привело к неизбежным социальным потрясениям, и для большинства населения стало ясно, что достижение более высокого уровня жизни отнюдь не гарантировано, наступило быстрое разочарование в демократических идеалах, пробудилась ностальгия по советскому прошлому. И здесь выяснилось, что память о советском прошлом не только никуда не исчезла, но, напротив, продолжает определять нашу коллективную самость, а такие события, как революция 1917 г. и победа во Второй мировой войне относятся к тому типу прошлого, которое в прошлое уходить не хочет. О таком прошлом не рассуждают отстраненно, таким прошлым продолжают жить.

За тридцать постсоветских лет вышли десятки книг и статей о событиях 1917 г., основанных на новых подходах и документах. Но это ничуть не проясняет сути случившегося. Октябрь 17-го по-прежнему остается самой затуманенной темой нашей исторической памяти. Отсюда и крайние оценки событий тех лет. Для одних это поистине «великая социалистическая революция», для других – «переворот» политических маргиналов. Согласия нет ни у политиков, ни у ученых. Что уж говорить про обывателей, для которых представление о революции – это набор художественных образов и пропагандистских штампов, не имеющих никакого отношения к реальным событиям тех дней (Емельянова, 2019, с. 173). Вероятно, по причине заведомой конфликтности темы официальные российские власти в 2017 г. уклонились от коммеморации на государственном уровне столетнего юбилея революции, что вызвало недоумение у части российской общественности, а сам замолчанный властями юбилей получил в среде ученых ироничные эпитеты «неудобный» (Малинова, 2017), «тихий» (Русакова, Кочнева, 2017). В этих условиях, отмечают О.Ф. Русакова и Е.Д. Кочнева (2017), «миссию организации достойной встречи данного знаменательного события и заполнения смысловых лакун в пространстве коллективной исторической памяти россиян возложили на свои плечи профессиональные деятели науки, образования и культуры» (с. 26–27).

В данной статье мы попытаемся представить многообразие исследовательских подходов к изучению политического дискурса о русской революции 1917 г., сложившихся в отечественной политологии в постсоветские годы. Отдавая должное собственно историческим исследованиям, дающим новые знания о событиях столетней давности, мы считаем не менее важным изучение политических и идеологических интерпретаций событий прошлого из уст российского политического класса и его отдельных акторов. Это позволяет понять мировоззренческие векторы современного российского общества, поскольку разные подходы в оценках революции 1917 г. формируют совершенно различные картины исторической памяти, современности и будущности России.

¹ Аузан, А. (2015, 12 мая). *Перестройка: 30 лет антидефицитной революции*. Взято 4 мая 2021, с <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/288117-perestroika-30-let-antidefitsitnoi-revoljutsii>

Задача настоящей статьи – изложить основные теоретические наработки российских политологов, специализирующихся на изучении современного политического дискурса о русской революции 1917 г. Мы не рассматриваем отдельные кейсы этой необъятной темы, количество таких публикаций множится с каждым годом, а сосредотачиваемся лишь на работах общетеоретического характера, на самых значительных из них, оказавших влияние на российскую дискуртологию политики памяти.

Результаты исследования

Масштабную попытку собрать и классифицировать современные политические и мировоззренческие оценки событий 1917 г. предпринял В. А. Щипков (2017). В идеологическом ландшафте в России и за рубежом он выделяет следующие подходы к теме: классический либеральный и неолиберальный подходы, подход западных социалистов, подход российских социалистов, традиционалистский подход. По мнению автора, классический либеральный (правый) подход принципиально разделяет две революции – Февральскую и Октябрьскую. Первая описывается как позитивное явление, вторая – как негативное, как абсолютное зло. Октябрь здесь предстает как следствие неудачи Февраля. Неолиберальный подход, пишет автор, амбивалентный, двойственный, он «определяет революцию как исторически объективный и необходимый феномен в жизни общества и одновременно очерняет реальную ситуацию в советской России, клеймит лидеров большевистского движения» (с. 167). Подход западных социалистов к оценке Октября, по мнению В. А. Щипкова, тоже страдает двойственностью, поскольку европейским левым свойственно утверждение, что социалистическая революция – это всегда положительное явление, тогда как Советский Союз, совершивший многочисленные преступления, не является подлинным социалистическим государством. В отличие от западных социалистов современные российские левые положительно оценивают не только ленинский период, но и всю последующую советскую эпоху. Память о советском социалистическом проекте и Великой Октябрьской социалистической революции (они приемлют только такое название) представляет для них исключительную ценность. И, наконец, традиционалистский подход, которому свойственна некоторая надысторичность и апелляция к христианскому мироощущению. Согласно этому подходу, любая революция всегда несет зло и делается злой волей, под какими бы лозунгами она ни проводилась, а ее средства никогда не оправдывают цели. По утверждению В. А. Щипкова, именно этот традиционалистский подход с 2010-х гг. укрепился в российском официальном политическом языке. «Традиционалистский подход лежит в основе официальной риторики российской власти, позиции Церкви и российского общественного сознания. Он укрепляется как ответная реакция на международную нестабильность и рост локальных конфликтов, в детонации которых зачастую участвуют именно революционные механизмы. В его основе лежит тезис, что революционные методы являются порочными по своей природе» (с. 172).

Свою систематизацию взглядов представителей современных российских политических элит на события 1917 г. предложил В. Л. Шаповалов (2017). Автор исследовал программные документы, речи, интервью, статьи лидеров

14 крупнейших политических партий России на предмет их оценок революции 1917 г. Примечательно, что у 6 из 14 лидеров партий таких оценок не выявлено вовсе, что может свидетельствовать, по мнению автора, о нежелании или даже неспособности значительной части российских партий артикулировать свою позицию по наиболее важному вопросу отечественной политической истории. Оставшихся В.Л. Шаповалов разделил на четыре условные группы: «партия согласия», «партия контрреволюции», «партия Февраля» и «партия Октября». «Партия согласия» (представлена пропрезидентской Единой Россией) фактически выражает официальную позицию российского государства в отношении оценки событий вековой давности. В ее основе – «стремление завершить конфликт, сгладить существующие противоречия, поставить точку в споре сторонников и противников революции, объединить всех россиян на идее примирения и согласия» (с. 32). К «партии контрреволюции» автор относит ЛДПР за ее непримиримую критическую позицию к событиям 1917 г. «Партию Февраля», в свою очередь, составляют Яблоко, ПАРНАС и Справедливая Россия. Их лидеры рассматривают Февральскую революцию как исторический шанс к построению в России общества, основанного на идеях демократии и свободы, как шанс, прерванный Октябрем. «Партию Октября», естественно, составляют политические объединения коммунистического толка – КПРФ и Коммунисты России. Таким образом, В.Л. Шаповалов фиксирует в позициях лидеров партий непримиримость в оценках Октября, но делает важный вывод, что при этом «большинство современных политических партий нашло для себя в прошлом объект для подражания; как и сто лет назад, в современной России есть противники революции, сторонники Февраля и сторонники Октября» (с. 37).

Аналогичную работу по изучению текстов мнемонических акторов (политических сил, заинтересованных в особом понимании прошлого) предприняла О.Ю. Малинова (2018а). В поле ее внимания вошли тексты политиков и публицистов, а также информация, размещенная на различных официальных порталах, по поводу столетия революции(й) 1917 г. Автор исследовала процессы взаимодействия, опосредованные текстами, различных мнемонических акторов, участвующих в коммеморации юбилея, и выявила основные стратегии и социальные практики заинтересованных лиц – властвующей элиты, КПРФ и других партий, а также Русской православной церкви. По мнению О.Ю. Малиновой, основным мнемоническим актором по поводу событий 1917 г. в современной России выступает властвующая элита, допускающая ограниченную общественную дискуссию о революции на основе тезиса об общественном согласии и примирении. К позиции властвующей элиты в данном случае примыкает позиция РПЦ и в какой-то мере Справедливой России. В то время как позиция КПРФ демонстрирует полную воинственность и непримиримость с официальной линией Кремля в трактовке событий революции и ее последствий. Особую позицию «мнемонических борцов», несмотря на прямо противоположные ценностные установки, занимают Яблоко и неформальное объединение консервативного толка «Изборский клуб», играющий важную роль в идеологическом ландшафте современной России. Единая Россия и ЛДПР, по мнению О.Ю. Малиновой, предпочли для себя роль «мнемонических уклонистов», по-видимому, не рассматривая столетие революции как уместный повод для своей публичной активности. В целом, заключает автор, «анализ стратегий ключевых политических

актеров свидетельствует об отсутствии какого-либо «согласия» в отношении революции(й) 1917 г. Дело не только в кардинальном несоответствии интерпретаций событий столетней давности, но и в том, что <...> они выбирают воинствующую стратегию, не допускающую компромиссов с интерпретациями оппонентов» (Малинова, 2018а, с. 21).

Сравнительный анализ конкурирующих нарративов (сюжетно оформленных повествований, предлагающих связанную картину цепи исторических событий) о революции(ях), предлагаемых основными мнемоническими акторами современной России, О.Ю. Малинова представила в другой своей статье (2018b). Сравнение проводилось по пяти основаниям: 1) основная идея повествования; 2) сюжетная линия; 3) элементы-события, между которыми выстраиваются перспективные связи; 4) основные действующие лица; 5) уроки, которые предлагается вынести из исторического опыта. Выполненный анализ исторических нарративов позволил автору сделать вывод о наличии фрагментированного и конфликтного режима памяти о событиях 1917 г. в современной России и одновременно объяснить, почему, несмотря на очевидное расхождение мнений, коммеморация столетия революции(й) 1917 г. прошла в 2017 г. неконфликтно. По мнению автора, причина кроется в том, что «актеры, чьи стратегии соответствуют роли мнемонических борцов, либо не имели достаточных ресурсов для продвижения собственной интерпретации, либо частично разделяли установки властвующей элиты» (с. 37). При этом для самой властвующей элиты в 2017 г. было важно не столько утвердить собственную интерпретацию революционных событий 1917 г. и их последствий, сколько избежать эскалации идеологического конфликта. «Отказавшись от официальной коммеморации и благодаря этому избежав прямой полемики с оппонентами, власть достигла своей цели», – заключает автор (с. 37).

Надо заметить, что исследовательский интерес к теме революции 1917 г. в постсоветские годы заметно повышался в юбилейные годы. Это видно по датам массива публикаций. Не стал исключением и 2017-й – год столетия революции. Были проведены десятки конференций, вышли в свет сотни публикаций, основанных на новых архивных материалах и подходах (см., например: Красин, 2018; Николаев, 2018; Тучков, 2018). Не остались в стороне и дискуртологи, исследовавшие как общие, так и частные вопросы сложившегося политического дискурса о революции (см., например: Журавлев²; Кокоулин, 2017; Мошкин, 2020; Юдина, 2017). Так, О.Г. Щенина (2018) фиксирует, что в настоящее время не только в отечественной науке, но и в мировой социально-политической мысли происходит теоретическое осмысление концепта революции. По ее мнению, «это связано с тем, что в условиях меняющегося мира, переживающего период турбулентности в своем развитии, изменяются смыслы многих классических и устоявшихся понятий, категорий, концептов. К ним относится и феномен революции» (с. 58). При этом автор с сожалением констатирует, что несмотря на множество мероприятий, посвященных столетию русской революции 1917 г.,

² Журавлев, С.В. (2017). *Три взгляда на Революцию 1917 г. в современной России: политический дискурс, научные дискуссии и общественное мнение*. Взято 7 мая 2021, с <https://www.politika.io/fr/notice/tri-vzglada-na-revoluciu-1917-g-v-sovremennoi-rossii-politiceskii-diskurs-naucnye-0>

единых оценок и подходов в оценке этого сложного и во многом трагического этапа отечественной истории так и не было выработано, в научном дискурсе по рассматриваемой проблематике даже среди специалистов нет единого мнения. К тому же, отмечает исследователь, традиционные мировоззренческие разногласия в восприятии революционных событий 1917 г. сегодня усугубляются «разрывами поколенческими и разрывами в исторической памяти народа под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий и массовой культуры» (с. 66).

Российский официальный политический дискурс политики памяти, который сложился вокруг столетия русской революции, подвергли критическому анализу О.Ф. Русакова и Е.Д. Кочнева (2017). Исследовав обстоятельства подготовки и протекания (не празднования) самого юбилея революции, авторы установили противоречивость и парадоксальность стратегических установок российских властей в отношении ценностного содержания данного исторического события. «Одно из противоречий, – пишут авторы, – состоит в алогичном соединении идеи всемирно-исторического значения Великого Октября с негативным отношением к любым революционным практикам» (с. 26). А потому властная элита оказалась неспособной выработать и предложить современному российскому обществу неконфликтный консенсусный подход к переосмыслению и восприятию революции. О.Ф. Русакова и Е.Д. Кочнева обращают внимание на то обстоятельство, что на протяжении всего постсоветского периода российские официальные власти проводили курс на десоветизацию, на закрепление в массовом сознании понимания советского режима как преступного и антинародного; это, по всей видимости, и стало причиной того, что юбилей революции на официальном уровне предпочли замолчать, нежели отпраздновать. Однако отказ от празднования столетия русской революции на государственном уровне, заключают авторы, нанес репутационный ущерб официальному курсу политики памяти, «власть не смогла (или не захотела) понять политический смысл принципа исторической преемственности в отношении советской и постсоветской истории» (с. 26).

Заключение

Таким образом, российский политический дискурс о революции 1917 г. в постсоветский период представлен разнообразием подходов, мнений и точек зрения, которые звучали на различных конференциях и отражены в многочисленных научных публикациях. Подчас они характеризуются полярностью суждений, конфликтностью позиций и непримиримостью выводов о смыслах и последствиях событий столетней давности. Лишь отдельные исследователи высказывают робкий оптимизм, что общая оценка историографии революции 1917 г. постепенно начинает приобретать «нормальный, спокойный, действительно научный характер» (Ерофеев, 2009, с. 109). При этом отмечается, что кризис политизации в изучении столь значимого явления для последующего развития России события так и не преодолен, но в научной среде «складывается понимание необходимости формирования полноценной методологической базы исследования революции» (Семенова, 2017, с. 163). Вместе с тем есть все основания утверждать, что в современном российском обществе существует

понимание необходимости переосмысления революции 1917 г., а для этого, как минимум, надо постараться отойти от политической предвзятости и попытаться дать более взвешенную, научно обоснованную и фундаментальную оценку этого события в контексте российской и мировой истории. Неувядающий интерес к проблематике революции 1917 г. и оценке ее последствий свидетельствует также о наличии общественного и академического запросов на исследование дискурсивных аспектов этого крупнейшего события отечественной истории и национальной памяти о нем.

Список литературы

1. Афанасьев, Ю.Н. (1995). Как России заново обрести свою историю. В *Серия научных трудов «Россия, XX век»* (с. 5–30). М.: РГГУ.
2. Емельянова, Т.П. (2019). *Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход*. М.: Институт психологии РАН.
3. Ерофеев, Н.Д. (2009). Современная отечественная историография русской революции 1917 года. *Историография и источниковедение*, (2), 92–109.
4. Кокоулин, В.Г. (2017). Революция 1917 года в мифологическом измерении. В П.П. Вибе (Ред.), *Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию революции и Гражданской войны в России (30–31 октября 2017 г., Омск)* (с. 25–29). Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей.
5. Красин, Ю.А. (Ред.). (2018). *Октябрьская революция и современность. Социально-политические уроки*. М.: ФНИСЦ РАН.
6. Малинова, О.Ю. (2016). Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам. *Политические исследования*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>
7. Малинова, О.Ю. (2017). Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ. *Политическая наука*, (3), 13–39.
8. Малинова, О.Ю. (2018a). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. *Политические исследования*, (1), 9–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
9. Малинова, О.Ю. (2018b). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов. *Политические исследования*, (2), 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>
10. Миллер, А.И., Малинова, О.Ю., Ефременко, Д.В. (2019). Политика памяти и историческая наука. *Российская история*, (5), 128–140. <https://doi.org/10.31857/s086956870001569-6>
11. Мошкин, С.В. (2007). Непроясненное прошлое. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (1), 131–132.
12. Мошкин, С.В. (2020). Политика забвения, или что происходит с «красным днем календаря»? *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (2), 112–127. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10207>
13. Николаев, А.Б. (Ред.). (2018). *Революция 1917 года в России: новые*

подходы и взгляды. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена.

14. Русакова, О.Ф., Кочнева, Е.Д. (2017). Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Научный журнал «Дискурс-Ли»*, (3–4), 17–30. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.1730>

15. Рябов, А. (2021). Союз разделенных: политические трансформации в странах бывшего СССР и Восточной Европы. В К. Рогов (Ред.), *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя* (с. 166–191). М.: Новое литературное обозрение.

16. Семенова, Е.Ю. (2017). К оценке ситуации историографического дискурса о событиях 1917 г. в России последних десяти лет: «шаг вперед, два шага назад»? *Известия Самарского научного центра РАН*, 19(3), 160–166.

17. Тучков, И.И. (Ред.). (2018). *Столетие Революции 1917 года в России*. М.: РДП.

18. Фурман, Д.Е. (2010). *Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем*. М.: Весь Мир.

19. Шаповалов, В.Л. (2017). Российская революция 1917 года в политическом дискурсе современной России: анализ партийных программ и выступлений лидеров политических партий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 7(5), 30–38.

20. Щенина, О.Г. (2018). Дискурс о революции 1917 года: спустя 100 лет. *Публичная политика*, 2(1), 56–67.

21. Щипков, В.А. (2017). Пять революций. Современные идеологические подходы к оценке 1917 года. *Тетради по консерватизму*, (2), 165–174.

22. Юдина, А.С. (2017). Октябрьская революция 1917 года в современном политическом дискурсе. *Молодой ученый*, (21), 377–379.

References

1. Afanasiev, Yu.N. (1995). Как России заново обрести свою историю [How Russia can rediscover its history]. In *Seriya nauchnyx trudov «Rossiya, XX vek»* (pp. 5–30). Moscow: RGGU.

2. Emelyanova, T.P. (2019). *Kollektivnaya pamyat' o sobytiyax otechestvennoj istorii: social'no-psixologicheskij podxod* [Collective memory of the events of national history: A socio-psychological approach]. Moscow: Institut psixologii RAN.

3. Furman, D.E. (2010). *Dvizhenie po spirali. Politicheskaya sistema Rossii v ryadu drugix sistem* [The movement of the spiral. The political system of Russia among other systems]. Moscow: Ves' Mir.

4. Kokoulin, V.G. (2017). Revolyuciya 1917 goda v mifologicheskom izmerenii [Revolution of 1917 in mythological dimension]. In P.P. Vibe (Ed.), *Chetvertye Yadrincevskie chteniya: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu revolyucii i Grazhdanskoj vojny v Rossii (30–31 oktyabrya 2017 g., Omsk)* (pp. 25–29). Omsk: Omskij gosudarstvennyj istoriko-kraevedcheskij muzej.

5. Krasin, Yu.A. (Ed.). (2018). *Oktyabr'skaya revolyuciya i sovremennost' . Social'no-politicheskie uroki* [October revolution and modernity. Socio-political lessons]. Moscow: FNISC RAN.

6. Malinova, O. Yu. (2016). Oficial'nyj istoricheskij narrativ kak e'lement politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-x k 2010-m godam [The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian State: From the 1990s to the 2000s]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (6), 139–158. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10>
7. Malinova, O. Yu. (2017). Neudobnyj yubiley: Itogi pereosmysleniya “mifa osnovaniya” SSSR v oficial'nom istoricheskom narrative RF [Uncomfortable centenary: Preliminary results of reconsidering “the founding myth” of the USSR in the Russian official historical narrative]. *Politicheskaya nauka*, (3), 13–39.
8. Malinova, O. Yu. (2018a). Kommemoraciya stoletiya revolyucii(j) 1917 goda v RF: analiz strategij klyuchevyx mnemonicheskix aktorov [The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution(s): Analysis of strategies of the key mnemonic actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 9–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
9. Malinova, O. Yu. (2018b). Kommemoraciya stoletiya revolyucii(j) 1917 goda v RF: sravnitel'nyj analiz sopernichayushhix narrativov [The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution(s): Comparative analysis of rival narratives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>
10. Miller, A. I., Malinova, O. Yu., & Efremenko, D. V. (2019). Politika pamyati i istoricheskaya nauka [Politics of memory and historical science]. *Rossijskaya istoriya*, (2), 128–140. <https://doi.org/10.31857/s086956870001569-6>
11. Moshkin, S. V. (2007). Neproyasnennoe proshloe [Unclear past]. *Nauchnyj zhurnal “Diskurs-Pi”*, (1), 131–132.
12. Moshkin, S. V. (2020). Politika zabveniya, ili chto proisxodit s “krasnym dnevom kalendarya”? [Cruising toward oblivion: Or what is happening to the “red-letter day”?]. *Nauchnyj zhurnal “Diskurs-Pi”*, (2), 112–127. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10207>
13. Nikolaev, A. B. (Ed.). (2018). *Revolyuciya 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady* [The Russian Revolution of 1917: New approaches and views]. Saint Petersburg: RGPU im. A. I. Gercena.
14. Rusakova, O. F., & Kochneva, E. D. (2017). Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati [Evaluations of the October revolution in the official discourse of the politics of memory]. *Nauchnyj zhurnal “Diskurs-Pi”*, (3–4), 17–30. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.1730>
15. Ryabov, A. (2021). Soyuz razdelennyx: politicheskie transformacii v stranax byvshego SSSR i Vostochnoj Evropy [The Union of the divided: Political transformations in the countries of the former USSR and Eastern Europe]. In K. Rogov (Ed.), *Demontazh kommunizma. Tridcat' let spustya* (pp. 166–191). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Schenina, O. G. (2018). Diskurs o revolyucii 1917 goda: spustya 100 let [Discourse on the revolution of 1917: 100 years later]. *Publichnaya politika*, 2(1), 56–67.
17. Semenova, E. Yu. (2017). K ocenke situacii istoriograficheskogo diskursa o sobytijax 1917 g. v Rossii poslednix desyati let: “shag vpered, dva shaga nazad”? [The assessment of historiographical discourse on the events of 1917 in Russia of the last ten years: “One step forward, two steps back”?]. *Izvestiya Samarskogo*

nauchnogo centra RAN, 19(3), 160–166.

18. Shapovalov, V.L. (2017). Rossijskaya revolyuciya 1917 goda v politicheskom diskurse sovremennoj Rossii: analiz partijnyx programm i vystupenij liderov politicheskix partij [The Russian revolution of 1917 in the political discourse of contemporary Russia: Analysis of party programmes and speeches of leaders of political parties]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 7(5), 30–38.

19. Shchipkov, V.A. (2017). Pyat' revolyucij. Sovremennye ideologicheskie podxody k ocenke 1917 goda [Five revolutions. Modern ideological approaches to the evaluation of the revolution of 1917]. *Tetradj po konservatizmu*, (2), 165–174.

20. Tuchkov, I. I. (Ed.). (2018). *Stoletie Revolyucii 1917 goda v Rossii* [The Centenary of the 1917 Revolution in Russia]. Moscow: RDP.

21. Yerofeev, N.D. (2009). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya russkoj revolyucii 1917 goda [The modern domestic historiography of the Russian revolution of 1917]. *Istoriografiya i istochnikovedenie*, (2), 92–109.

22. Yudina, A.S. (2017). Oktyabr'skaya revolyuciya 1917 goda v sovremenном politicheskom diskurse [The October Revolution of 1917 in modern political discourse]. *Molodoj uchenyj*, (21), 377–379.

Информация об авторе

Сергей Вячеславович Мошкин, доктор политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-9609>, e-mail: osa-sv@yandex.ru

Information about the author

Sergey Vyacheslavovich Moshkin, Doctor of Political Sciences, Docent, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-9609>, e-mail: osa-sv@yandex.ru

УДК 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_76

«ПОБЕДНЫЕ» ФРАЗЫ-КЛИШЕ КАК НАРРАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

Всеволод Анатольевич Голоскоков,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
wsewolod1998@mail.ru

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.08.2021, принята к публикации 27.09.2021

Для цитирования: Голоскоков В.А., Русакова О.Ф. «Победные» фразы-клише как нарративный компонент политики памяти о Великой Отечественной войне // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 76–95. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_76

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 21–011–43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики».

© Голоскоков В.А., Русакова О.Ф., 2021

Аннотация

В России в последнее десятилетие на государственном уровне значительное внимание стало уделяться проблемам политики памяти, в особенности памяти о событиях и результатах Великой Отечественной войны. Основными акторами данной политики являются, с одной стороны, государственные институты, представители официальных властных кругов, а с другой – институты гражданского общества, включая негосударственные СМИ и социальные сети.

В числе способов репрезентации политики памяти в массовом сознании нами особо выделяются фразы-клише. При рассмотрении клише, приуроченных ко Дню Победы и пользующихся большой популярностью среди россиян, мы отмечаем доминирование в их содержании победных смыслов и эмоций, что позволяет обозначить их термином «победные».

Целью настоящей статьи является проведение классификации «победных» фраз-клише, выступающих в качестве нарративного компонента политики памяти о Великой Отечественной войне. Под нарративом принято называть сюжетно оформленный повествовательный дискурс, предлагающий связную картину цепи исторических событий.

Нарративный дискурс может использоваться для трансляции той или иной идеологии, определенных ценностей и сложившихся стереотипов. Своеобразным нарративом, результатом исторической наррации мы считаем дискурс политики памяти, который стал предметом особого общественного внимания в постсоветских государствах в первые десятилетия XXI века.

Основными источниками исследования стали материалы популярных сообществ социальной сети «ВКонтакте». На основе применения метода контент-анализа была произведена классификация «победных» фраз-клише, относящихся к празднованию 9 Мая. Классификация фраз-клише проводилась по таким критериям, как форма выражения, эмоциональное наполнение и смысловое содержание.

В ходе проведения классификации была проанализирована коммуникативная структура клише, в которой выделяются следующие основные компоненты: адресант (создатель или первоадресант клише), адресат (получатель смыслового сообщения, зашифрованного в клише) и ретранслятор (получатель сообщения, передающий его другим адресатам).

При анализе «победных» клише сделан вывод о постепенном увеличении числа клише, не просто призывающих помнить о всенародном подвиге Победы, а акцентирующих особое внимание на его высокой цене. Отмечается, что обычный адресат может стать адресатом-ретранслятором, расставляющим в клише новые, наиболее актуальные акценты. Такие группы креативных участников интернет-коммуникации вполне способны стать реальными акторами, оказывающими воздействие на корректировку официального курса современной политики памяти.

Ключевые слова:

политика памяти, историческая память, клише, «победные» клише, слоган, эмоциональный концепт.

“VICTORIOUS” CLICHÉ PHRASES AS A NARRATIVE COMPONENT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR MEMORY POLITICS

Vsevolod, A. Goloskokov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
wsevolod1998@mail.ru

Olga, F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Article received on August 05, 2021, accepted on September 27, 2021

For citation: Goloskokov, V.A., Rusakova, O.F. (2021). “Victorious” Cliché Phrases as a Narrative Component of the Great Patriotic War Memory Politics. *Scientific journal “Discourse-P”*, 18(3), 76–95. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_76

Abstract

In Russia, in the last decade at the state level considerable attention has been paid to the problems of the memory politics, in particular to the memory of the events and results of the Great Patriotic War. The main actors of this policy are, on the one hand, state institutions and officials, on the other hand, civil society institutions, including non-state media and social networks.

Among the ways of representing the memory politics in collective consciousness, we especially highlight cliché phrases. Considering the clichés, which are dedicated to Victory Day and popular among Russians, we note the dominance of victorious meanings and emotions in their substance, which allows us to designate them with the term “victorious”.

The aim of this article is to classify “victorious” cliché phrases that serve as a narrative component of the memory politics of the Great Patriotic War. Narrative is understood as a plot-formed discourse, which provides a coherent image of historical events.

Narrative discourse can be used to convey a particular ideology, certain values and established stereotypes. We consider the discourse of the memory politics as a kind of narrative, the result of a historical narration, which became the subject of particular public scrutiny in post-Soviet states in the first decades of the 21st century.

Main sources of the research are materials from popular groups of the social network *Vkontakte*. Based on the content analysis method, there was made a classification of “victorious” cliché phrases related to the celebration of the 9th of May. The classification of cliché phrases was carried out according to such criteria as the form of expression, emotional filling and semantic content.

During the classification there was analyzed a communicative structure of clichés, in which the following main components were distinguished: the addresser (the creator or the first disseminator of the cliché), the addressee (the recipient of a semantic message encrypted in the cliché) and the repeater (the recipient of the message who transmits it to other addressees).

As a conclusion we noticed a gradual increase in the number of clichés, which call to remember the nationwide Victory exploit as well as focus particular attention on its high price. It is stated that an ordinary addressee can become a repeater, placing new and the most relevant accents in the cliché. Such groups of creative participants in the Internet communication are capable of becoming real actors influencing the adjustment of modern memory politics official commitment.

Keywords:

politics of memory, historical memory, clichés, “victorious” clichés, slogan, emotional concept.

Введение

Большинство современных историков считает, что история по своей сути нарративна, повествовательна. Согласно их точке зрения, историческая память представляет собой произведенные вспоминающими субъектами наррации прошлого и служит историку свидетельством того, что произошло в прошлом. Так, Х. Уайт утверждает, что в нарративе важно не столько то, что происходило непосредственно, т. е. не столько сами события, сколько то, как люди о них говорят, определяя тем самым сущность событий (White, 1987).

Под наррацией обычно понимается «дискурсивная практика повествования о событиях в осмысленно выстроенной последовательности, имеющей начало, развитие и завершение» (Тульчинский, 2019, с. 118). Нарративным дискурсом принято называть сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий.

Нарративный дискурс делает акцент не на самом процессе повествования об исторических событиях, а на сути происходящих событий, на их историческом контексте, что придает событиям упорядоченный характер еще до самого их текстуального изложения. А поскольку такая самоупорядоченность, возникающая благодаря работе дискурса наррации, часто остается незамеченной его адресатом, нарративный дискурс оказывается весьма удобным для трансляции неявных идеологических сообщений (Зенкин, 2003). Свообразным проявлением нарративного дискурса выступает дискурс политики памяти, исследовательское внимание к которому особенно обострилось во втором десятилетии XXI века.

В рамках настоящей статьи предлагается использовать понятие политики памяти в трактовке О. Ф. Русаковой и В. М. Русакова (2015), согласно которой данная политика представляет собой систему форм и способов использования прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Основными акторами политики памяти выступают государственные структуры и организации, их полномочные представители, а также разнообразные общественные институты и лидеры общественного мнения, включая представителей негосударственных СМИ и соцсетей.

В официальном дискурсе современной России понятия «политика памяти» и «историческая память» часто употребляются при обращении к событиям и результатам Великой Отечественной войны (Городецкий, 1995, с. 3) в связи с задачей придания государственного значения празднованию памятных дат, связанных с этой войной. Так, например, Указом Президента N 327 от 8 июля 2019 г. 2020 год был объявлен годом памяти и славы «в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹.

Одним из нарративных инструментов политики памяти выступают фразы-клише. Взятые в контексте российской коммеморации под названием «День Победы», данные клише чаще всего выражают разнообразные победные смыслы и эмоции, и потому обозначаются нами термином «победные».

Основной целью настоящего исследования является проведение классификации победных фраз-клише, используемых в контексте праздника 9 мая. Классификация фраз-клише осуществляется нами на основании таких критериев, как форма их текстового выражения и характер эмоционально-смыслового наполнения.

Для достижения поставленной цели нами был проведен контент-анализ популярных сообществ «ВКонтакте», содержащих огромное количество клише, посвященных празднованию 9 мая. Соцсеть «ВКонтакте» была выбрана по причине наибольшего охвата ею русскоязычного сегмента интернет-сообщества и активности аудитории в интернет-коммуникации².

¹ *О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы*: Указ Президента РФ № 327 от 8 июля 2019 года (Россия). Взято 7 июня 2021, с <http://kremlin.ru/acts/news/60954>

² По данным Mediascope, соцсеть «ВКонтакте» входит в топ-10 самых популярных ресурсов в России, занимая четвертое место. Около 50% аудитории рунета посещает «ВКонтакте» ежедневно, а за месяц охват достигает 78%. Так, за один только май 2020 года ресурс «ВКонтакте» посещали в среднем 41 млн. человек, ежедневно – 24 млн. человек. Для сравнения, платформу Facebook посещали лишь 25 млн. человек ежемесячно и 6 млн. ежедневно, «Одноклассники» – всего 11,2 млн., ежемесячно и 3,5 млн. человек ежедневно. В то же время, пользователи ВК более активно создают сообщения, в то время как пользователи таких соцсетей, как Facebook и «Одноклассники» больше предпочитают просматривать, а не создавать или передавать информацию (Webindex Mediascope. Аудитория интернета в России. Взято 20.07.2021, с <https://webindex.mediascope.net/>).

Природа «победных» фраз-клише

Согласно словарю-справочнику лингвистических терминов под редакцией Д. Э. Розенталя и М. А. Теленкова (1976), клише (от франц. *cliché*) представляет собой «речевой стереотип, готовый оборот, используемый в качестве легко воспроизводимого в определенных условиях и контекстах стандарта» (с. 99).

Речевым стереотипом называется психологический стереотип, выраженный с помощью лексических средств. По Липпману (1922), стереотип представляет собой «упорядоченную» картину мира, укорененную в сознании как общества, так и отдельного человека (с. 108).

Поскольку сложившиеся в сознании людей стереотипы часто отражаются на их поведении, стереотипизация также часто является одним из инструментов государственной пропаганды в разных странах. Немалое значение уделяется и речи человека, в которой формируются речевые стереотипы, к которым можно отнести и клишированные фразы.

Фразы-клише, являясь речевыми стереотипами, таким образом, являются своеобразным отражением явлений действительности в сознании языковой личности. Нами рассматриваются фразы-клише, отражающие понимание пользователями социальной сети «ВКонтакте» сути праздника 9 мая. В своей статье подобные клише мы будем называть «победными».

Поскольку клише способствуют выражению мыслей или эмоций использующего их человека, их вполне можно назвать одним из средств коммуникации. В лингвистике существует множество трактовок процесса коммуникации, однако в любой из них присутствуют адресант, или субъект коммуникации, отправляющий сообщение, и адресат, или субъект, получающий сообщение. Г. Г. Почепцов (1986) предложил также учитывать в коммуникативном акте «адресата-ретранслятора», который должен передать информацию действительному адресату (с. 11).

В настоящей статье под адресантом клише мы будем понимать возможного создателя «победного» клише или того, кто одним из первых его использовал, а под адресатом – того, на кого воздействует данное клише. Так же, как и отправляемое адресантом сообщение, каждое клише имеет своего ретранслятора – человека, употребляющего данное клише – и своего адресата – того, на кого оно оказывает воздействие посредством ретранслятора.

Чаще всего инициатором внедрения клише (адресантом) являются государственные институты информации и пропаганды, а также высокие официальные лица, которые способствуют широкому распространению определенных нарративов политики памяти, в том числе относящихся к «победным». Так, к примеру, в начале марта 2020 года президент Российской Федерации В. Путин в своем интервью ТАСС одобрительно отозвался об инициативе российских водителей клеить на свои машины «победные» лозунги и слоганы³.

³ Путин В.В. (2020, 10 марта). *20 вопросов Владимиру Путину. О Сталине, Гитлере и памяти о Великой Отечественной войне. Серия 10*. Взято 19 июня 2021 года, с <https://putin.tass.ru/ru/o-75-letii-pobedy/#translation>

Поскольку фразы-клише являются языковыми единицами, то они, как и другие языковые единицы, обладают планами содержания и выражения. План содержания отражает собой смысловую нагрузку (рациональную и эмоциональную), содержащуюся в той или иной языковой единице, а план выражения – форму языковых средств, с помощью которых передается данный смысл. Оба данных плана выступают основными критериями нашей классификации «победных» фраз-клише.

Руководствуясь критерием плана выражения, или формы выражения, мы можем разделить «победные» клише на такие типы, как *клише-слоганы* и *клише-цитаты*. Основываясь на смысловом содержании «победных» клише как нарративных инструментов дискурса политики памяти, мы выделяем *клише благодарности*, *клише исторической гордости*, а также *эмотивно-инверсионные клише*.

Клише-слоганы

К клише-слоганам нами относятся яркие, запоминающиеся фразы, выражающие определенную идею, а также отдельные слова и словосочетания из известных лирических и прозаических произведений.

Термин «слоган» пришел в русский язык в 90-е гг. XX в. и долгое время соотносился исключительно с коммерческой рекламной деятельностью. Целью любого слогана является непосредственное обращение к чувствам и эмоциям адресата с целью создания для него привлекательности какого-либо объекта. Для достижения данной цели любой слоган должен соблюдать критерии ясности, краткости и понятности речи, быть нацеленным на определенную целевую аудиторию и легко запоминаемым ею.

Помимо простых рекламных текстов, слоганы активно используются в агитационных предвыборных текстах – в том числе в листовках и газетах, на плакатах и баннерах. Так же, как предвыборный слоган должен быть логично вытекающим из программ политических партий или отдельных политиков, рассматриваемые нами «победные» клише-слоганы должны соответствовать проводимой государством политике памяти.

В то время как клише по своей природе способствуют выражению эмоциональных переживаний адресанта, слоганы нацелены на вызов определенных эмоций у адресата. Таким образом, победные клише-слоганы способствуют более результативной коммуникации – выражая свои эмоции, использующий победное клише адресант или адресат-ретранслятор может вызвать такие же эмоции у адресата.

Клише-цитаты

Под «победными» клише-цитатами нами понимаются клише, в которых дословно излагается часть лирического или прозаического текста. Подобные «победные» клише требуют более тщательного изучения истории их создания, поэтому по возможности нами будут устанавливаться авторы данных фраз-клише.

Поскольку авторы большей части «победных» клише неизвестны или забыты, необходимо обратить внимание на феномен их анонимности. В случае с «победными» клише-лозунгами анонимность вполне естественна, поскольку берется отдельное слово или словосочетание, никак не говорящее об авторском начале. Что касается клише-цитат, анонимность имеет более важные причины и последствия.

Анонимность авторов была естественным явлением для текстов, созданных ими во времена Древней Руси. Анонимность была связана с характерными для средневековых литератур представлениями о необходимости смирения как одной из главных человеческих добродетелей, отречения автора от своего имени ради подчеркивания роли Творца и важности коллективного начала. Немаловажным было и то, что достаточно большой частью рукописей в те времена были списки – переписанные работы других авторов.

Проблема анонимности автора вновь получила большое значение во второй половине XX века после выхода в свет работ Р. Барта и М. Фуко, посвященных проблеме автора.

В своей работе «Что такое автор» М. Фуко (1996) указывает на то, что современный человек привык «читать» текст, отыскивая среди слов авторское присутствие, его позицию и мнение. При этом М. Фуко отмечает, что достаточно легко можно представить такую культуру, где «речь будет круговращаться без малейшей нужды в авторе» (с. 33).

Согласно статье Р. Барта (1983) «От произведения к тексту», всякий текст есть «между-текст по отношению к какому-то другому тексту», текст «образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» (с. 418). В другой своей работе, «Читателю», Р. Барт (1989) объясняет возможность существования текста без автора тем, что «текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении...» (с. 390). Таким образом, прежде всего важна цель создания текста, а не его автор.

Текст, существующий без автора, гораздо проще подстроить под цели того, кто его использует. Поскольку тексты не содержат авторского начала, не выражают мысли и чувства автора, смысловое содержание текста можно варьировать, изменять в случае необходимости. Чаще всего изменению подвергается эмоциональный план таких текстов без автора, а тем более их элементов вроде клише. В то же время для текста, чей автор известен, проще установить примерную дату его создания. Сопоставляя ее с периодом распространения текста, можно предположить, с какими целями авторский текст был превращен в клише.

«Победные» клише выражают определенные эмоции и чувства относительно одержанной Советским Союзом в Великой Отечественной войне победы. Это могут быть эмоциональные переживания, которые хочет вызвать у адресата адресант посредством определенного клише. В случае если адресат испытывает похожие эмоции от одержанной советскими войсками победы и без влияния использованного адресантом клише, он становится адресатом-ретранслятором. При помощи того же клише, которое ранее использовал адресант, ретранслятор стремится вызвать нужные эмоции у тех, кто не разделяет эмоциональный настрой адресанта и ретранслятора.

Основные эмоции, выражаемые и вызываемые при помощи «победных» клише – гордость за одержанную победу в войне и благодарность солдатам-героям, благодаря которым эта победа стала возможной. В связи с этим в «победных» клише нами выделяются клише благодарности и клише исторической гордости. Однако эмоции, выражаемые победными клише, могут варьироваться благодаря их шаблонной природе, торжественный тон некоторых клише может быть изменен на задумчивый, тон печали. В связи с этим нами отдельно выделяются эмотивно-инверсионные «победные» клише.

Приведем общую классификацию проанализированных нами «победных» клише с указанием наиболее ранней даты публикации крупными сообществами социальной сети «ВКонтакте». Всего в совокупности было охвачено 33 сообщества «ВКонтакте».

Общая классификация «победных клише»

1. Клише простой благодарности

Данные «победные» клише часто используются в открытках и на плакатах, а также в поздравительных речах.

А) «Победные» клише-слоганы

«Спасибо бабушке и деду за их великую ПОБЕДУ!»⁴, «Бесконечное уважение ветеранам»⁵, «Спасибо Вам за чистое небо над головой!»⁶.

Б) «Победные» клише-цитаты

1. Спасибо деду за победу,
За каждый отстоявший дом,
За небо чистое, за веру,
За то, что мы теперь живем!⁷

Данное «победное» клише является цитатой из песни «Спасибо деду за победу» на стихи Олега Пахомова, ставшей известной в 2012 году. В том же году клише было опубликовано в социальной сети «ВКонтакте» в сообществе «Счастье», что может говорить о достаточно высокой популярности этой песни⁸.

2. Нет, мы не видели войны,
Спасибо вам, отцы и деды!
За этот – лучший день весны,
За майский день, за ДЕНЬ ПОБЕДЫ!⁹

⁴ В мужском стиле (2015, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 9 июля 2021, с https://vk.com/wall-41331435_174082

⁵ Армия – Мужское сообщество № 1 (2018, 29 января). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-15326149_2857793

⁶ Broadway (2015, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-54598940_87663

⁷ Пахомов, О. (2011). *Спасибо деду за победу*. Взято 9 июля 2021, с http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/pahom/pahom_spasibo_dedu_za_pobedu_.html

⁸ Счастье (2012, 3 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-23337480_28832

⁹ *Мы не видели войны*. (2013). Взято 10 июля 2021, с <https://www.igodkb.ru/index>.

Данное четверостишие является цитатой из стихотворения неизвестного автора, которое стало известным в 2013 году. В социальной сети «ВКонтакте» данное «победное» клише было опубликовано лишь в 2016 году в сообществе «Струны женского сердца»¹⁰.

3. Спасибо деду за Победу,
За все военные года!
За то, что он за нашу землю
В атаку смело шел всегда...¹¹

Данное четверостишие является цитатой из стихотворения поэта Михаила Кривова, опубликованного им в 2015 году. В том же году это «победное» клише было опубликовано в сообществе «Вести Победы», что вполне может говорить о намеренном распространении данного клише¹².

2. «Победные» клише исторической гордости

В подобных клише зачастую ощущается вызов, милитаристические наклонности употребляющего их. Однако гордость может быть вызвана и чувством патриотизма, любви к своей Родине.

А) «Победные» клише-слоганы

«Мой дед брал Берлин!»¹³, «Можем повторить!»¹⁴, «Может, повторим?», «За Родину!»¹⁵, «На Берлин!»¹⁶.

Б) «Победные» клише-цитаты

1. «Ни шагу назад!» Данное клише цитирует знаменитый приказ Сталина № 227. 5 и 6 августа 2014 года данное клише было опубликовано в ряде со-

php/ru/news-ru/news/item/220-bessmertnyj-polk-gbuz-igodkb

¹⁰ Струны женского сердца (2016, 8 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-76464306_37005

¹¹ Кривов, М. (2015, 27 апреля). *Спасибо деду за Победу*. Взято 15 июля 2021, с <https://stihi.ru/2015/04/27/5003>

¹² Вести Победы (2015, 27 декабря). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 15 июля 2021, с https://vk.com/wall-65052646?offset=20&own=1&w=wall-65052646_271

¹³ Наклейки Автонаклейки БЕСПЛАТНАЯ ДОСТАВКА ПО РФ (2015, 1 апреля). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-65052646?offset=20&own=1&w=wall-65052646_271

¹⁴ РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ || РОССИЯ || ПУТИН (2014,4 июня). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 8 июля 2021, с https://vk.com/wall-54012242?offset=98420&own=1&w=wall-54012242_91233

¹⁵ Наклейки 9мая оптом. Флаги 9 мая и России (2016, 11 марта). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-65052646?offset=20&own=1&w=wall-65052646_271

¹⁶ Типография Green Cat Самара | Печать и полиграфия (2016, 8 апреля). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 8 июля 2021, с https://vk.com/wall-10644941?offset=1840&own=1&w=wall-10644941_3592

обществ «ВКонтакте»: «Просветление»¹⁷, «check you»¹⁸ «МХК»¹⁹, «ЭДЕМ 18+»²⁰, «Шредингер Шутит»²¹ и «Академия Порядочных Парней»²² – что может указывать на заказной характер опубликованных постов.

2. «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет». Данное клише представлено словами, приписываемыми Александру Невскому, и часто упоминается политиками разного уровня, например, президентом Российской Федерации В. Путиным во время его интервью ТАСС²³. В социальной сети «ВКонтакте» было опубликовано в 2012 году в сообществе «ПОЗИТИВ»²⁴.

3. «Броня крепка, и танки наши быстры». Данное клише цитирует советскую военную песню «Марш советских танкистов» 1938 года²⁵, опубликовано в сообществе «Армия и НОВОСТИ»²⁶ в 2015 году.

4. «Если надо – повторим». В данном клише, опубликованном в сообществе «Последний рубеж России | Информационная война»²⁷ в 2015 году, цитируется советская военная песня «В путь» на слова М. Дудина 1954 года²⁸. Данное «победное» клише нередко используется в речах пропагандистов и политических деятелей. Так, например, данную цитату приводил в феврале 2019 года В. Р. Соловьев, говоря о необходимости знания «советской песенной классики»²⁹.

¹⁷ Просветление (2014, 5 августа). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 22 июля 2021, с https://vk.com/wall-68309986_333065

¹⁸ Check you (2014, 5 августа). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 22 июля 2021, с https://vk.com/wall-31866112_1880948

¹⁹ МХК (2014, 6 августа). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 22 июля 2021, с https://vk.com/wall-33414947_81090

²⁰ ЭДЕМ 18+ (2014, 6 августа). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 22 июля 2021, с https://vk.com/wall-7955306_8701210

²¹ Шредингер Шутит (2014, 6 августа). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 22 июля 2021, с https://vk.com/wall-31076033_32277

²² Академия Порядочных Парней (2014, 6 августа). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 22 июля 2021, с https://vk.com/wall-45595714_5898845

²³ Путин В.В. (2020, 10 марта). *20 вопросов Владимиру Путину. О Сталине, Гитлере и памяти о Великой Отечественной войне. Серия 10*. Взято 23 июня 2021 года, с <https://putin.tass.ru/ru/o-75-letii-pobedy/#translation>

²⁴ ПОЗИТИВ (2012, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 24 июля 2021, с https://vk.com/wall-11614_238145

²⁵ Ласкин, Б. (1938). *Броня крепка и танки наши быстры*. Взято 9 июня 2021, с <http://sovmusic.ru/text.php?fname=martank>

²⁶ Армия и НОВОСТИ (2015, 12 июля). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 20 июля 2021, с https://vk.com/wall-74832243_45682

²⁷ Последний рубеж России | Информационная война (2015, 29 августа). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 20 июля 2021, с https://vk.com/wall-92874166_2907

²⁸ Дудин, М. (1954). *В путь*. Взято 20 июня 2021, с <http://sovmusic.ru/text.php?fname=vput2>

²⁹ Соловьев, В. Р. (2019, 19 февраля). *Откуда пришло выражение «если надо повторим»*. Взято 29 июня 2021, с <https://twitter.com/vrsoloviev/>

5. «Русская армия всех сильней». Данное «победное» клише представляет собой переделанную строчку из песни «Красная армия всех сильней»³⁰. Получило широкое распространение в интернете с 2008 года. Так, на форуме «Клуб владельцев вседорожников» с этого года начались продажи наклеек с данным «победным» клише³¹. В социальной сети «ВКонтакте» клише было опубликовано достаточно популярным сообществом «Россия везде, где есть русские» в 2013 году³².

3. Эмотивно-инверсионные клише

Такие клише могут менять свой эмоциональный и интонационный полюс. Большинство «победных» клише может отличаться друг от друга лишь знаками препинания. Именно изменение знаков препинания в клише помогает изменить выражаемую ранее эмоцию радости на эмоцию печали, гордости – на тихую задумчивость.

Для выражения эмоций используются не только «специальные» знаки пунктуации, такие как многоточие и комбинация восклицательных и вопросительных знаков. При помощи запятых передается последовательное, спокойное течение речи, точки посреди фразы позволяют расставить акценты на отдельных словах. Как отмечает в своей работе О.В. Врублевская (2012), в этом случае знаки препинания используются не как обычная пунктуация, а «с целью воздействия на адресата – для получения им некоторой дополнительной информации и необходимого понимания высказывания» (с. 114). Иначе говоря, именно знаки препинания в «победных» клише позволяют адресанту внушить как адресату, так и ретранслятору, использующему данные клише, нужные ему чувства и эмоции.

А) Победные клише-слоганы

Помимо радостных «победных» клише с восклицательными знаками могут употребляться клише, в которых данные знаки препинания заменяются на точки или многоточия. Именно в таких «промежуточных» клише проявляется другая гордость, тихая, «печальная», а мажорная тональность сменяется минорной.

Так, в клише «Я помню! Я горжусь!»³³, опубликованном в сообществе «Я не пью и не курю» в 2012 году, выражаются чувства, эмоции торжества, радости и гордости за подвиг Победы в Великой Отечественной войне. Адресат-ретранслятор, обращаясь к данному клише, выражает свою солидарность с теми, кто 9 мая радуется одержанной в 1945 году победе, призывает помнить ее и гордиться ею.

status/109785995025107353646

³⁰ Григорьев, П. (1920). *Красная армия всех сильней*. Взято 9 июля 2021, с http://sovmusic.ru/text.php?from_sam=1&fname=s12694

³¹ *Наклейки на авто к 9 мая. Обсуждение* (2008). Взято 9 июля 2021, с <http://www.sp-club.ru/showthread.php?t=773>

³² *Россия везде, где есть русские* (2013, 10 мая). [Сообщество «ВКонтакте»], взято 9 июля 2021, с https://vk.com/wall-42162154_4847

³³ *Я не пью и не курю* (2012, 7 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 9 июля 2021, с https://vk.com/wall-23471538_40987

В то же время существует и другой вариант данного клише, в котором вместо восклицательных знаков стоит многоточие, опубликованный в сообществе «Зачеркни прошлое» в 2014 году³⁴. «Победное» клише «Я помню... Я горжусь...» выражает чувства не столько радости и гордости за победу, сколько тихой печали и в то же время восхищения подвигом, совершенным солдатами и тружениками тыла.

Подобное изменение происходит и в клише «*Можем повторить!*». Чаще всего такой слоган употребляется с восклицательным знаком, выражая уверенность адресанта или ретранслятора в силе своего Отечества. Однако помимо восклицательного знака могут использоваться и другие знаки препинания, например, вопросительный знак. Наиболее популярным сообществом, использовавшим клише «Можем повторить?» в 2016 году, стало сообщество «Политота»³⁵. Вопросительный знак в данном варианте клише может передавать как простой вопрос, так и такие чувства и эмоции, как ирония и раздражение.

Таким образом, заменив в «победном» клише лишь знаки препинания, адресат-ретранслятор сам становится адресантом и изменяет смысл, изначально заложенный во фразу-клише. Вместо радости и гордости за силу русского оружия, одержавшего победу, массовой аудитории показывается иная сторона 9 мая – минута молчания. Массовому адресату, на которого изначально нацелены «победные клише», напоминают, что 9 мая – это «праздник со слезами на глазах».

Однако изменения в «победных» клише могут происходить и в другую сторону, в сторону крайнего восхищения силой русского оружия и веры, с убеждением, что то, как народ и страна прошли через войну – это повод для гордости. Подобные изменения «победных» клише могут происходить при помощи добавления не только знаков препинания, но и других символов, например, цифр.

Так, в сообществе «История России» 9 мая 2020 года была опубликована запись с другим победным клише, в которое было внесено изменение – «*Помним, гордимся! 1941–1945*»³⁶. Добавленные цифры, означающие годы Великой Отечественной войны, становятся новым смысловым центром данного «победного» клише. Указанная историческая дата означает, что адресант или адресат-ретранслятор выражает свою гордость не столько за сам факт свершившейся победы, сколько за процесс войны.

Б) Победные клише-цитаты

Особенно хорошо поддаются варьированию наиболее старые и известные клише. Среди проанализированных нами «победных» клише-цитат можно выделить одно наиболее старое и распространенное.

*За ваше мужество в бою,
За вашу боль, за ваши раны,
За жизнь счастливую мою –*

³⁴ Зачеркни прошлое (2013, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-24985591_87359

³⁵ Политота (2016, 10 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 8 июля 2021, с https://vk.com/wall-34478408_127520

³⁶ История России (2020, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-42452438?offset=1920&own=1&w=wall-42452438_125489

*Земной поклон, Вам, Ветераны!*³⁷

Данное четверостишие является цитатой из стихотворения Александра Фролова «Земной поклон», впервые опубликованного в интернете в 2003 году. Несмотря на то, что это «победное» клише часто используется в поздравительных речах 9 мая, некоторое время оно не пользовалось особой известностью, появившись в социальной сети «ВКонтакте» лишь ко второй половине 2010-х годов.

«Победное» клише, созданное на основе текста А. Фролова, имеет несколько вариантов. В одном из них, полностью повторяющем оригинальный текст, идет перечисление «заслуг» ветеранов, за что им был благодарен автор, и теперь благодарен адресант. Акцент не ставится эмоционально ни на одной из «заслуг», текст и стихотворения, и клише, созданного из него, делает упор на благодарность людям, прошедшим через Великую Отечественную войну.

В другом варианте, опубликованном в 2016 году в сообществе «+++Философия СукИ+++», основным знаком препинания является не запятая, а восклицательный знак.

За ваше мужество в бою!

За вашу боль! За ваши раны!

За жизнь, счастливую мою –

*Земной поклон, Вам, Ветераны!*³⁸

Благодаря расставленным таким образом акцентам, данное клише становится особенно торжественным, перечисляя все заслуги ветеранов, за которые адресант и ретранслятор благодарны им. В то же время снимается присутствовавший в оригинальном стихотворении акцент на благодарности ветеранам. Такой вариант клише, скорее, выражает гордость за стойкость ветеранов, чем благодарность за их вклад в победу в войне.

В третьем варианте клише, опубликованном в 2014 году в сообществе «Я в шоке!», запятые заменены многоточиями.

За ваше мужество в бою...

За вашу боль... За ваши раны...

За жизнь, счастливую мою –

*Земной поклон, Вам, Ветераны!*³⁹

Многоточия помогают адресанту и ретранслятору выражать паузы при размышлении, указывают на то, что адресант должен подумать о том, что для него сделали ветераны, и как непросто досталась им победа в войне. Также многоточия придают данному клише эмоциональный тон печали, противопоставляя его торжественным речам.

Таким образом, одно и то же «победное» клише при разных знаках препинания может выражать совершенно разные мысли и чувства разных адресантов и ретрансляторов.

³⁷ Фролов А. (2003). Земной поклон. *Walk*, (6). Взято 20 июля 2021, с https://www.walk.ee/old_site/arhiv/nr6/page2.html

³⁸ «+++Философия СукИ+++» (2016, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 20 июля 2021, с <https://vk.com/axuyennaa?from=groups%253Ftab%253Dgroups>

³⁹ Я в шоке! (2014, 10 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 20 июля 2021, с https://vk.com/wall-28761941_49655

4. «Победные» клише исторической памяти

А) «Победные» клише-слоганы

«Память об этом вечна»⁴⁰, «Помните, какой ценой досталась нам Победа...»⁴¹, «Помним и ценим!»⁴², «Вечная память нашим дедам!»⁴³, «В наших сердцах они бессмертны!»⁴⁴.

На примере слоганов можно проследить два смысловых направления «победных» клише категории памяти. Так, 8 мая 2020 года в сообществе «История России» было размещено поздравление с клише-слоганом «Помни – русские не сдаются!»⁴⁵, а 9 мая в нескольких «творческих» сообществах, таких как «Бумажный самолетик» и «Дябринский дом культуры», была размещена надпись-клише «Никогда не забывайте, чего стоила эта победа»⁴⁶. Таким образом, с одной стороны память о войне может быть радостной и горделивой, с другой же – тихой и вдумчивой. Одни люди помнят то, что когда-то их предки одержали победу в войне, другие – помнят, что эта победа была тяжелой.

Б) «Победные» клише-цитаты

1. Они были такими, как мы
ОНИ строили планы, любили...
Низко в пояс поклонимся мы...
Помним... Любим...
Мы ВАС не забыли!⁴⁷

Данное лирическое произведение было впервые опубликовано на форуме «Жемчужины мысли» 6 мая 2013 года анонимным пользователем. В дальнейшем части стихотворения стали использоваться в текстах поздравительных открыток и плакатов к 9 мая. В социальной сети «ВКонтакте» данное клише было опубликовано в 2015 году в сообществе «Великие Слова | Цитаты и Афоризмы»⁴⁸.

2. И если говорят «Победа!»,
То никогда не забывай
Про ту войну, про кровь, про деда...

⁴⁰ История России (2018, 13 июня). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-42452438_84039

⁴¹ ПОВЕРЬТЕ, Я АНГЕЛ (2016, 27 февраля). [Сообщество «ВКонтакте»] Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-36199013_571035

⁴² Убойный юмор (2017, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 8 июля 2021, с https://vk.com/wall-35252281_101717

⁴³ Армия – сила (2015, 9 сентября). [Сообщество в социальной сети «ВКонтакте»]. Взято 7 июля 2021, с https://vk.com/wall-34875089_1980712

⁴⁴ Романтика дальних дорог | Походы | Туризм (2017, 9 мая). [Сообщество в социальной сети «ВКонтакте»]. Взято 9 июля 2021, с https://vk.com/wall-135506887_6279

⁴⁵ История России (2020, 8 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 10 июля 2021, с https://vk.com/wall-42452438_125467

⁴⁶ ДЯБРИНСКИЙ ДОМ КУЛЬТУРЫ (2020, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 20 июля 2021, с https://vk.com/wall-39624764_3546?w=wall-39624764_3546

⁴⁷ Жемчужины мысли (2013). [Форум]. Взято 19 июля 2021, с <https://www.inpearls.ru/489265>

⁴⁸ Великие Слова | Цитаты и Афоризмы (2015, 9 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 19 июля 2021, с https://vk.com/wall-23170931_171212

*Про самый долгожданный май!*⁴⁹

Данное четверостишие взято из стихотворения Петра Давыдова «Тот самый долгожданный май», впервые опубликованного на просторах Интернета в 2013 году. «Победное» клише-цитата было опубликовано в социальной сети «ВКонтакте» в том же 2013 году в сообществе «Великая Отечественная Война. (МВП)»⁵⁰, что может говорить о намеренном его распространении.

По нашему мнению, «победные» клише могут не только выражать эмоции конкретных коммуникаторов социальных сетей или указывать сообществу на необходимость помнить о важности того или иного исторического события или об его участниках, но и побуждать государственные органы власти поддерживать широкое распространение и публичное использование данных клише. Именно так и произошло в последнее время с «победными» фразами-клише, которые приобрели на практике ритуальный, символический характер в ходе проведения поощряемой государством общественной акции «Бессмертный полк».

Другими словами, официальный дискурс политики памяти нередко стремится к «национализации» общественных инициатив в области продуцирования и ретрансляции новых нарративов коммеморации. В итоге под влиянием народного опыта по производству исторических нарративов оказывается вполне возможным осуществление определенных коррекций в смысловом наполнении государственных стратегических и тактических установок официальной политики памяти.

Оказавшись составным компонентом народной памяти, эмоциональные клише могут превратиться в эмоциональный концепт. Как отмечает Т.Г. Гусакова (2016), эмоциональный концепт – это ментальная абстрактная единица, отражающая многовековой опыт народа в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях (с. 108). Иначе говоря, «победные» клише способны не только стать элементом государственной политики памяти, но и выразителем эмоционально-ценностного ядра исторической памяти нации.

Заключение

Благодаря своей стереотипной природе, фразы-клише являются одним из нарративных инструментов государственной и гражданской политики памяти. В коммуникативном акте в роли адресанта «победных» клише обычно выступает государство, благодаря чему данные клише формируются и распространяются в чрезвычайно короткие сроки. Примером может служить клише «Спасибо деду за Победу», созданное на основе известной стихотворной цитаты и впервые широко распространенное в 2015 году.

В качестве адресатов-ретрансляторов «победных» клише, как правило, чаще всего выступают сообщества «ВКонтакте», не ставящие перед собой

⁴⁹ Давыдов, П. (2013, 24 марта). *Самый долгожданный май*. Взято 15 июля 2021, с <https://stihi.ru/2013/03/24/5031>

⁵⁰ Великая Отечественная Война. (МВП). (2013, 10 мая). [Сообщество «ВКонтакте»]. Взято 23 июля 2021, с https://vk.com/great_domestic_war?from=groups%253Ftab%253Dgroups

в качестве специальной цели серьезные размышления над событиями из истории России. Это могут быть сообщества, публикующие «красивые слова» по поводу тех или иных событий, или просто отдающие «дань уважения» празднику 9 мая. Видоизменять «победные» клише могут либо сообщества, специализирующиеся на оценках известных исторических фактов, либо ведущие творческую деятельность.

В качестве ретрансляторов «победных» клише нередко выступают так называемые «мужские» сообщества. Несмотря на характерное для данных сообществ культивирование гордости, ни одно из них не принимало участия в распространении «победных» клише исторической гордости, предпочитая ретранслировать клише благодарности и клише категории памяти.

В случае с клише-цитатами категории исторической гордости, можно утверждать, что большинство из них были созданы на основе текстов советских военных песен 30–50-х годов XX века, и по этой причине имеют определенный коннотативный элемент семантики, напоминающий адресату об образе советской армии. Поскольку данные клише получили широкое распространение только в 2016 году, можно предположить, что они были распространены адресантом намеренно.

Активное использование старых текстов для создания «победных» клише обусловлено желанием адресанта внушить адресату чувство гордости за военные победы своей страны над захватчиками и угнетателями. При этом в каждом из таких клише акцент ставится не только на стойкости советской армии, на подвигах, совершенных ветеранами, но и на нежелании страны быть агрессором.

«Пик» ухода адресантов и ретрансляторов от простых эмоций, передаваемых посредством фраз-клише, приходится на 2018 год. С этого времени происходит постепенное увеличение числа «победных» клише, не просто призывающих помнить о подвиге ветеранов, а акцентирующих внимание на цене Великой Победы. При этом многие торжественные клише гордости постепенно приобретают более минорную интонацию, что может свидетельствовать о повышении уровня исторической грамотности и гражданского самосознания адресантов-ретрансляторов «победных» клише.

Интернет-сообщество, производящее и распространяющее клише в массовом сознании, в итоге может стать активным выразителем общественного мнения, к которому не могут не прислушаться властные структуры и действующие политики. В результате процесса проникновения в официальный политический дискурс фраз-клише, сформулированных в сетевой коммуникации, их нарратив способен оказывать активное воздействие на корректировку государственной политики памяти. С помощью «победных» фраз-клише формируются стандарты общественных представлений об истории страны, а каждый гражданин России получает возможность стать выразителем национального самосознания.

Список литературы

1. Барт, Р. (1989). От произведения к тексту. В Г.К. Косиков (Ред.), *Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика* (с. 413–423). Москва: Прогресс.

2. Врублевская, О. В. (2013). Эмоции в рефлексивах адресата ономастической номинации. В Н. Н. Панченко (Ред.), *Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике*: сб. науч. тр. (с. 110–115). Волгоград: Волгоградское научное издательство.
3. Городецкий, Г. (1995). *Миф «Ледокола»: накануне войны*. М.: Прогресс – Академия.
4. Гусакова, Т. Г. (2016). Типология языковых средств моделирования социальной самоидентификации персонажа (на материале англоязычной прозы XX века). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 6–1(60), 102–108. Взято 7 июня 2021, с <http://www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/30.html>
5. Зенкин, С. Н. (2003). Критика нарративного разума. *Новое литературное обозрение*, (59), 524–534.
6. *Лингвистический энциклопедический словарь* (2-е репринтное изд.) (1998). Москва: Большая Российская Энциклопедия.
7. Липпман, У. (2004). *Общественное мнение*. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение».
8. Почепцов, Г. Г. (1986). О коммуникативной типологии адресата. В *Речевые акты в лингвистике и методике*: сб. науч. тр. (с. 10–17). Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ.
9. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2015). Современный дискурс политики памяти. В Л. В. Сморгунев (Ред.), *Российская политическая наука: идеи, концепции, методы: Научное издание* (с. 226–238). М.: Издательство «Аспект Пресс».
10. *Словарь-справочник лингвистических терминов* (2-е изд.) (1976). Москва: Просвещение.
11. Тульчинский, Г. Л. (2019). Философия истории и нарративы исторической памяти. *Философский журнал*, 12(1), 117–129. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-117-129>
12. Фуко, М. (1996). Что такое автор? Выступление на заседании Французского философского общества 22 февраля 1969 года в Колледж де Франс под председательством Жана Валя. В А. А. Пузырей (Ред.), *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет* (с. 9–46). Москва: Касталь.
13. White, H. (1987). *The Content of the Form* (pp. 2–4). London: The Johns Hopkins Press.

References

1. Bart, R. (1989). Ot proizvedeniya k tekstu [From the work to the text]. In G. K. Kosikov (Ed.), *Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poe'tika* (pp. 413–423). Moskva: Progress.
2. Fuko, M. (1996). Chto takoe avtor? Vystuplenie na zasedanii Francuzskogo filosofskogo obshhestva 22 fevralya 1969 goda v Kollledzh de Frans pod predsdatel'stvom Zhana Valya. [What is an author? Speech at the meeting of the French Philosophical Society on February 22, 1969 at the College de France under the chairmanship of Jean Val.] In A. A. Puzyrej (Ed.), *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyx let* (pp. 9–46), Moscow: Kastal'.

3. Gorodeckij, G. (1995). *Mif "Ledokola": nakanune vojny* [The "Icebreaker" myth: on the eve of the war]. Moscow: Progress – Akademiya.
4. Gusakova, T.G. (2016). Tipologiya yazykovyx sredstv modelirovaniya social'noj samoidentifikacii personazha (na materiale angloyazychnoj prozy XX veka) [Typology of linguistic means of modeling the social self-identification of a character (based on the material of English-language prose of the XX century)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6–1(60), 102–108. Retrieved June 7, 2021, from <http://www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/30.html>
5. *Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (2nd reprint edition) (1998). Moscow: Bol'shaya Rossijskaya E'nciklopediya.
6. Lippman, U. (2004). *Obshhestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow: Institut Fonda "Obshhestvennoe mnenie".
7. Pochepcev, G. G. (1986). O kommunikativnoj tipologii adresata [On the communicative typology of the addressee]. In *Rechevye akty v lingvistike i metodike: sb. nauch. tr.* (pp. 10–17). Pyatigorsk: Izd-vo PGPIIYa.
8. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2015). Sovremennyy diskurs politiki Pamyati [The modern discourse of memory politics]. In V.L. Smorgunov (Ed.), *Rossijskaya politicheskaya nauka: idei, koncepcii, metody: Nauchnoe izdanie* (pp. 226–238). M.: Izdatel'stvo "Aspekt Press".
9. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskix terminov* [Dictionary-handbook of linguistic terms] (2nd ed.) (1976). Moscow: Prosveshhenie.
10. Tul'chinskij, G.L. (2019). Filosofiya istorii i narrativy istoricheskoy pamyati [Philosophy of history and narratives of historical memory]. *Filosofskij zhurnal*, 12(1), 117–129. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-117-129>
11. Vrubevskaya, O.V. (2013). E'mocii v refleksivax adresata onomasticheskoy nominacii [Emotions in the reflexives of the addressee of the onomastic nomination]. In N.N. Panchenko (Ed.), *Chelovek v kommunikacii: ot kategorizacii e'mocij k e'motivnoj lingvistike: sb. nauch. tr.* (pp. 110–115). Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo.
12. White, H. (1987). *The Content of the Form* (pp. 2–4). London: The Johns Hopkins Press.
13. Zenkin, S.N. (2003). Kritika narrativnogo razuma [Criticism of the narrative mind]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (59), 524–534.

Информация об авторах

Всеволод Анатольевич Голоскоков, магистр политологии, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: wsewolod1998@mail.ru

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the authors

Vsevolod Anatolyevich Goloskokov, Master of Political Science, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: wsewolod1998@mail.ru

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Дарья Николаевна Веселова,

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
Санкт-Петербург, Россия,
daria-voronchikhina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Веселова Д. Н. Климатическая политика Российской Федерации: законодательные и институциональные аспекты // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 96–111. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_96

Аннотация

Целью статьи является исследование климатической политики Российской Федерации с точки зрения законодательных и институциональных аспектов. Для достижения поставленной цели автором применяется системный подход как основной метод исследования, дополняемый такими методами, как обобщение, синтез, сравнительный анализ, анализ документов. В качестве источниковой базы исследования выступает федеральное законодательство в сфере изменения климата, доктрины, государственные программы, отчеты и доклады о проведенной работе по вопросам климата. В ходе исследования автором получены следующие научные результаты: систематизировано и проанализировано климатическое законодательство Российской Федерации; выделены две группы нормативно-правовых актов в исследуемой области: документы «общего» содержания и документы, непосредственно регулирующие вопросы изменения климата. Последние, в свою очередь, разделены еще на три категории: закрепляющие положения по смягчению антропогенного воздействия на климат; по адаптации к изменению климата; по укреплению и раз-

© Веселова Д. Н., 2021

витию информационной, научной, социально-экономической политики в области климата. Полученные результаты определяют новизну и актуальность работы, ее научно-теоретическую и практическую значимость. Также автором выделены государственные органы, полномочия которых в той или иной степени связаны с формированием и осуществлением климатической политики в России и с контролем за реализацией мероприятий климатической направленности. В заключительной части статьи делается вывод о том, что несмотря на принятые документы, имеющуюся институциональную базу, говорить о реализации полноценной государственной политики в области изменения климата преждевременно. Россия пока находится на начальном этапе формирования и развития своей климатической политики, что определяет необходимость дальнейшей кропотливой работы, в том числе проведения научных изысканий, в указанном направлении.

Ключевые слова:

климатическая политика, адаптация к изменениям климата, смягчение воздействия на климат, выбросы парниковых газов, изменение климата.

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_96

CLIMATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGISLATIVE AND INSTITUTIONAL ASPECTS

Darya N. Veselova,

University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC,
Saint Petersburg, Russia,
daria-voronchikhina@mail.ru

Article received on April 27, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Veselova, D.N. (2021). Climate Policy of the Russian Federation: Legislative and Institutional Aspects. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 96-111. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_96

Abstract

The purpose of the article is to investigate Russian climate policy from the point of view of legislative and institutional aspects. To achieve this purpose, the author applies a systematic approach as the main research method, supplemented by such methods as generalization, synthesis, comparative analysis, and document analysis. The primary

sources are federal legislation in the field of climate change, doctrines, state programs, reports and working papers on climate issues. In the course of the study, the following scientific results are obtained: the climate legislation of the Russian Federation is systematized and analyzed; two groups of normative legal acts in the studied area are identified: documents of “general” content and documents directly regulating climate change issues. The latter, in turn, are divided into three more categories: fixing provisions on mitigating the anthropogenic impact on climate; on adaptation to climate change; on strengthening and developing information, scientific, socio-economic policy in the field of climate. The results obtained determine the novelty and relevance of the research, its scientific and practical significance. The author also identifies state bodies whose powers are more or less related to formation and implementation of climate policy in Russia and control over implementation of climate-related measures. The final part of the article concludes that, despite the adopted documents and the existing institutional framework, it is premature to talk about full-fledged state policy in the field of climate change. Russia is still at the initial stage of forming and developing its climate policy, it determines the need for further thorough work, including scientific research, in this direction.

Keywords:

climate policy, adaptation to climate change, climate change mitigation, greenhouse gas emissions, climate change.

Введение

2020 г. оказался экстремально теплым как в России, так и в целом по земному шару. Осредненная по российской территории среднегодовая аномалия температуры воздуха (отклонение от среднего за 1961–1990 гг.) составила +3,22 °С, что более чем на 1 °С выше предыдущего максимума 2007 г. Ледяной покров в акватории арктических морей в 2020 г. сократился к сентябрю до рекордно низкого уровня (26 тыс. кв. км). По оценке Росгидромета, скорость потепления в среднем по России значительно превосходит среднюю по земному шару и составляет для периода 1976–2020 гг. 0,51 °С за десятилетие. Кроме того, в 2020 г. на территории страны было зафиксировано 1000 опасных гидрометеорологических явлений, что на 97 явлений больше, чем в 2019 г.¹ В этой связи анализ политики России в области климата является весьма актуальным вопросом.

Российская Федерация является участником системы международного климатического регулирования. В 1994 г. была ратифицирована Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Этот год можно считать точкой отсчета в формировании российской климатической политики. В 2004 г. наша страна присоединилась к Киотскому протоколу – документу, регулирующему на международном уровне обязательства государств относительно снижения уровня выбросов парниковых газов. 16 февраля 2005 г. Киотский протокол вступил в силу.

¹ Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2020 год (2021). Взято 10 апреля 2021, с https://www.meteorf.gov.ru/upload/pdf_download/doklad_klimat2020.pdf

С 2008 по 2012 гг. в России было субсидировано порядка 100 проектов по снижению выбросов парниковых газов в рамках Киотского протокола (Русакова, 2015, с. 67). Во втором периоде (2013–2020 гг.) обязательств в рамках Киотского протокола наша страна не участвовала.

В 2015 г. принято Парижское соглашение по климату, регламентирующее в мировых масштабах меры по ограничению повышения температуры воздуха: в документе закреплена «двухградусная цель», но подписавшие соглашение государства договорились в качестве меры поддержки наиболее уязвимых стран приложить усилия для ограничения роста температуры величиной $1,5\text{ }^{\circ}\text{C}^2$. Россия ратифицировала данный документ в 2019 г.

Целью настоящей работы является рассмотрение законодательной и институциональной составляющих климатической политики России. Для ее достижения планируется решить ряд научных задач:

1) изучение и систематизация национального законодательства Российской Федерации в области изменения климата;

2) разделение принятых в исследуемой области нормативно-правовых актов на группы;

3) исследование институциональной структуры, сформированной в России; рассмотрение полномочий органов, отвечающих за проведение климатической политики в стране.

За последние 5 лет научная заинтересованность в вопросе проводимой Россией климатической политики выросла, но все же количество исследований по данному направлению остается небольшим. Среди исследователей, занимающихся в последние годы изучением политики нашей страны в области климата, выделим таких авторов, как И. Ю. Жилина (2020), В. В. Иосифов и П. Д. Ратнер (2020), А. О. Кокорин (2016), Н. Р. Кошкина (2020), А. В. Перов и И. В. Юшков (2019), С. А. Рогинко (2016), Ю. А. Русакова (2015), И. А. Яковлев, пишущий в соавторстве с Л. С. Кабир и С. И. Никулиной (Яковлев, Кабир, 2019; Яковлев, Кабир, Никулина, 2020).

В качестве *источниковой базы* исследования выступает федеральное законодательство России в сфере изменения климата, доктрины, государственные программы, отчеты и доклады о проведенной работе по вопросам климата. Теоретико-методологическая база исследования сформировалась под влиянием идей, сформулированных в специализированных научных изданиях, статьях в журналах и сборниках по климатической, политической и экономической тематике; интернет-ресурсах, затрагивающих вопросы климатической политики РФ.

Методология исследования

В качестве методологической основы работы выступает системный подход. Также используются общенаучные и специальные научные методы, такие как обобщение, синтез, сравнительный анализ, анализ документов. В частности, исследуются положения нормативно-правовых актов Российской Федерации,

² *Климатическая политика в глобальном обществе риска: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»* (2020). Взято 10 апреля 2021, с <https://ru.valdaiclub.com/files/35992/>

регулирующих вопросы изменения климата на территории нашей страны. Принятые документы систематизируются и классифицируются на нормативно-правовые акты «общего содержания» и документы, закрепляющие положения, непосредственно касающиеся климатических изменений. Помимо этого, нормативно-правовые акты делятся на несколько групп: закрепляющие положения по смягчению антропогенного воздействия на климат, по адаптации к изменению климата, по укреплению и развитию информационной, научной, социально-экономической политики в области климата.

Результаты исследования

Прежде всего, определимся с термином «политика», которое будет использоваться в работе в качестве основного понятия.

Политика – это участие в делах государства, определение форм, задач, содержания его деятельности, а также характеристика образа действий, направленных на достижение определенных целей в отношениях людей между собой, в отношениях между хозяйствующими субъектами, государственными органами и государствами³. Среди элементов политики выделяются содержание, форма и процесс. Содержание политики состоит в ее целях, ценностях, мотивах и механизмах принятия политических решений, в проблемах, которые она решает. Форма политики – это ее организационная, институциональная структура, а также нормы, законы, придающие ей устойчивость, стабильность и позволяющие регулировать политическое поведение людей. Политический процесс характеризуется проявлением и осуществлением отношений различных социальных групп, организаций и индивидов⁴.

Таким образом, структурные элементы политики можно представить следующим образом:

1) концепция, которая отражается в политическом документе, закрепляющем цели, задачи, направления и механизм принятия политических решений (содержание политики);

2) совокупность политико-правовых норм, определяющих обязанности, полномочия и порядок деятельности политических институтов и иных политических акторов (форма политики);

3) политические и общественные организации, органы и учреждения, осуществляющие политику (форма политики);

4) деятельность политических акторов, а также определенные методы, способы и формы осуществления этой деятельности (политический процесс).

В данной работе будут рассмотрены две составляющие политики – ее содержание и форма, законодательный и институциональный аспекты.

Поскольку объектом нашего исследования является климатическая политика, то следует остановиться на ее определении. В рамках данной статьи мы используем определение Н.Р. Кошкиной (2020): климатическая политика – деятельность всего механизма государства и его политической системы

³ Зеленков, М.Ю. (2010). *Политология (базовый курс)*. М.: Юридический институт МИИТа.

⁴ Там же.

по управлению общественными процессами, направленными на обеспечение смягчения последствий изменения климата, адаптацию к климатическим изменениям, укрепление и развитие информационной, научной, социально-экономической политики в области климата (с. 442).

Начнем рассмотрение климатической политики России с изучения законодательной составляющей. Национальные документы, регулирующие вопросы борьбы с изменением климата на территории страны и образующие основу климатической политики, можно разделить на две группы.

К первой относятся нормативно-правовые акты «общего» содержания. Они не направлены непосредственно на регулирование климатических изменений, однако их значение состоит в том, что они косвенным образом влияют на сохранение климата Земли, например, путем установления норм, направленных на уменьшение негативного антропогенного влияния на атмосферу и окружающую среду и т.п.

К таким документам относятся как федеральные законы – от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», так и подзаконные акты: Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440), Указ Президента РФ от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики», Экологическая доктрина Российской Федерации» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р), Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2003 г. № 1234-р), Распоряжение Правительства России от 8 января 2009 г. № 1-р «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 г.», Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 321 «Об утверждении государственной программы «Энергоэффективность и развитие энергетики», Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р), Распоряжение Правительства РФ от 3 сентября 2010 № 1458-р «Об утверждении Стратегии деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 г. (с учетом аспектов изменения климата)» и др.

Вторая группа документов представлена законами и подзаконными актами, которые непосредственно закрепляют положения, касающиеся климатических изменений.

Среди таких нормативно-правовых актов следует выделить, в первую очередь, Климатическую доктрину РФ, утвержденную Распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп. Доктрина закрепляет признание изменения климата одной из важнейших международных проблем XXI в. При этом признается факт высокой скорости глобального потепления, наблюдаемого в течение последних десятилетий, и это потепление связывается с антропо-

генной деятельностью. Документ также прописывает среди необходимых мер по осуществлению политики РФ в области климата государственную поддержку систематических наблюдений за климатом, фундаментальных и прикладных исследований в области климата и смежных областях науки, применения результатов исследований для оценки рисков и выгод, связанных с последствиями изменений климата, а также возможности адаптации к этим последствиям⁵.

Важным документом является Комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 25 апреля 2011 г. № 730-р) (далее – План), который закрепляет перечень мероприятий по следующим направлениям: укрепление и развитие информационной, научной, социально-экономической и кадровой политики в области климата; разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по адаптации к изменению климата; разработка и реализация оперативных мер по смягчению антропогенного воздействия на климат; международное сотрудничество в области изменения климата; контроль за реализацией положений Комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации⁶.

На основании указанного документа выделим три основных направления в национальной политике России по вопросам изменения климата: смягчение антропогенного воздействия на климат; адаптация к изменению климата; укрепление и развитие информационной, научной, социально-экономической политики в области климата.

Смягчение последствий изменения климата – это действия, предпринимаемые в целях снижения количества выбрасываемых в атмосферу парниковых газов, удаления их из атмосферы (Жилина, 2020, с. 77) и увеличения их поглощения⁷.

В России приняты следующие нормативно-правовые акты в рамках данного направления: Указ Президента РФ от 30 сентября 2013 г. № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов»; Распоряжение Правительства РФ от 2 апреля 2014 г. № 504-р «Об утверждении Плана мероприятий по обеспечению к 2020 году сокращения объема выбросов парниковых газов до уровня не более 75 процентов объема указанных выбросов в 1990 г.»; Распоряжение Правительства РФ от 3 ноября 2016 г. № 2344-р «Об утверждении плана реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов»; Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 215-р «О российском реестре углеродных единиц»; Распоряжение

⁵ *О Климатической доктрине РФ*: Распоряжение Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп. Взято 10 апреля 2021, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30311>

⁶ *Об утверждении Комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г.*: Распоряжение Правительства РФ от 25 апреля 2011 г. № 730-р. Взято 10 апреля 2021, с https://www.economy.gov.ru/material/documenty/rasporyazhenie_pravitelstva_rossiyskoy_federacii_ot_25_aprelya_2011_g_730_r.html

⁷ *Смягчение изменения климата* (без даты). Взято 10 апреля 2021, с <https://unfccc.int/ru/temy/predotvraschenie-izmeneniya-klimata/the-big-picture/smyagchenie-izmeneniya-klimata>

Правительства РФ от 22 апреля 2015 г. № 716-р «Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации» и др.

Подготовлен проект ФЗ № 1116605–7 «Об ограничении выбросов парниковых газов» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20 февраля 2021 г.). В документе прописаны принципы ограничения выбросов парниковых газов, полномочия Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти в области ограничения выбросов парниковых газов, права и обязанности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в обозначенной области. Документ закрепляет ведение реестра углеродных единиц, который должен содержать информацию о климатических проектах, об углеродных единицах, выпущенных в обращение в результате реализации этих проектов, о передаче углеродных единиц их владельцем иному лицу и зачете углеродных единиц. Кроме того, представлены меры по ограничению выбросов парниковых газов, среди которых: государственный учет выбросов парниковых газов, образуемых в результате осуществления хозяйственной и иной деятельности регулируемых организаций; установление целевого показателя сокращения выбросов парниковых газов в масштабе экономики Российской Федерации; ведение кадастра парниковых газов и реестра углеродных единиц; установление критериев отнесения проектов к климатическим проектам и порядка верификации результатов их реализации; поддержка деятельности по сокращению выбросов парниковых газов и увеличению их поглощения⁸.

Следующее направление – адаптация к изменениям климата, под которой понимается приспособляемость естественных или антропогенных систем к реальным или ожидаемым климатическим изменениям, позволяющая снизить их собственную уязвимость и использовать благоприятные условия (Жилина, 2020, с. 77).

Основным документом по данному направлению можно считать Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г., утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2019 г. № 3183-р. Согласно данному плану, предполагается: разработка типового паспорта климатической безопасности территории субъекта Российской Федерации (к IV кварталу 2020 г.); разработка статистических показателей, характеризующих защищенность населения, природных, природно-антропогенных и антропогенных объектов от неблагоприятных последствий изменения климата (к II кварталу 2021 г.); подготовка предложений по созданию новых и совершенствованию имеющихся экономических, финансовых инструментов и механизмов страхования с учетом государственного и частного финансирования, способствующих повышению эффективности мер адаптации к изменениям климата (к III кварталу 2021 г.); переоснащение и модернизация государственной наблюдательной сети климатического мониторинга (к I кварталу 2020 г.); включение знаний об изменении климата и адаптации (к изменениям климата) человека и экономики (к его изменениям)

⁸ Об ограничении выбросов парниковых газов: Проект Федерального закона № 1116605–7 по состоянию на 20 февраля 2021 г. Взято 10 апреля 2021, с <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1116605-7>

в федеральные государственные образовательные стандарты общего и среднего профессионального образования, разработка и утверждение планов адаптации к изменениям климата в различных отраслях экономики (к III кварталу 2021 г.); разработка и утверждение региональных планов адаптации к изменениям климата (к IV кварталу 2022 г.)⁹.

Нормативно-правовым актом, регулирующим третье направление национальной политики России в области сохранения климата – укрепление и развитие информационной, научной, социально-экономической политики – можно считать Указ Президента РФ от 8 февраля 2021 г. № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений», в рамках которого Правительству РФ следует разработать и утвердить Федеральную научно-техническую программу в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 гг., предусматривающую создание наукоемких технологических решений, направленных на обеспечение экологической безопасности, улучшение состояния окружающей среды; на изучение климата, механизмов адаптации к климатическим изменениям и их последствиям; на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов путем проведения исследований источников и поглотителей парниковых газов и принятия мер по уменьшению негативного воздействия таких газов на окружающую среду¹⁰. Также меры по развитию информационной, научной, социально-экономической политики прописаны в Распоряжении Правительства РФ от 22 апреля 2015 г. № 716-р «Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации»¹¹.

Таким образом, все нормативно-правовые акты Российской Федерации можно разделить на две большие группы: 1) общего характера, в которых содержатся нормы по охране окружающей среды в целом или которые предполагают косвенные механизмы сохранения климата; 2) непосредственно регулирующие вопросы сохранения климата на территории России. Вторая группа включает в себя документы, закрепляющие цели, задачи, меры по вопросам изменения климата, которые представлены по трем направлениям: смягчение антропогенного воздействия на климат, адаптация к изменению климата, укрепление

⁹ *Об утверждении национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г.*: Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2019 г. № 3183-р. Взято 10 апреля 2021, с <http://static.government.ru/media/files/OTrFMr1Z1sORh5NIx4gLUsdgGHyWIAqy.pdf>

¹⁰ *О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений*: Указ Президента РФ от 8 февраля 2021 г. № 76. Взято 10 апреля 2021, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46415>

¹¹ *Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации*: Распоряжение Правительства РФ от 22 апреля 2015 г. № 716-р. Взято 10 апреля 2021, с <http://government.ru/docs/17826/>

и развитие информационной, научной, социально-экономической политики в области климата.

Институциональная составляющая климатической политики России включает политических акторов, к полномочиям которых относятся реализация климатической политики нашей страны и контроль за ее осуществлением.

В настоящее время на уровне институтов исполнительной власти к государственным органам и должностным лицам, занимающимся вопросами изменения климата, относятся: специальный представитель Президента РФ по вопросам климата, Межведомственная рабочая группа по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития, Правительство РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Росгидромет¹².

Должность специального представителя Президента РФ по вопросам климата с 18 июля 2018 г. занимает Руслан Сайд-Хусайнович Эдельгериев. Межведомственная рабочая группа по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития, образована в целях обеспечения эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций при реализации государственной политики по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития¹³.

В Правительстве РФ полномочия, касающиеся вопросов изменения климата, распределены между некоторыми заместителями председателя Правительства РФ и несколькими министерствами¹⁴. Так, в проекте Постановления Правительства РФ «Об уполномоченном органе государственной власти в области ограничения выбросов парниковых газов» Министерство экономического развития Российской Федерации названо федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию отношений, связанных с ограничением выбросов парниковых газов¹⁵. Министерство иностранных дел РФ представляет интересы России на мировой арене по данному вопросу, а также занимается развитием международных связей и международного сотрудничества с другими государствами в сфере изменения

¹² *Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути: доклад Центра энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО* (2020). Взято 10 апреля 2021, с https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Climate_Primer_RU.pdf

¹³ *Межведомственные рабочие группы* (без даты). Взято 10 апреля 2021, с <http://www.kremlin.ru/structure/administration/groups>

¹⁴ *Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути: доклад Центра энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО* (2020). Взято 10 апреля 2021, с https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Climate_Primer_RU.pdf

¹⁵ *Об уполномоченном органе государственной власти в области ограничения выбросов парниковых газов: Проект Постановления Правительства РФ (доработанный текст)* по состоянию на 22 марта 2021 г. (ID проекта 01/01/01–21/00112564). Взято 10 апреля 2021, с <https://regulation.gov.ru/>

глобального климата¹⁶. Министерство природных ресурсов и экологии РФ и подчиненный ему Росгидромет регулирует исследуемый вопрос в части мониторинга изменения климата в России и международного сотрудничества в рамках Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК)¹⁷. Кроме того, Росгидромет осуществляет государственный надзор за проведением работ по активному воздействию на метеорологические и другие геофизические процессы¹⁸.

Указом Президента РФ от 8 февраля 2021 г. № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений» образован Совет по реализации Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 гг. Его основными задачами являются подготовка предложений Президенту и Правительству РФ по осуществлению научно-технической деятельности в области экологического развития и климатических изменений; координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и заинтересованных организаций в данной области; координация мероприятий, включенных в Программу, и других национальных проектов, мероприятий, направленных на создание и применение новых наукоемких технологических решений в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений; утверждение комплексного плана научных исследований по направлениям реализации Программы; контроль за ходом реализации Программы; рассмотрение промежуточных и итоговых отчетов о ходе реализации и достижении целевых показателей Программы и др.¹⁹

Основным органом законодательной власти, отвечающим с 2019 г. за мониторинг реализации климатической политики, является Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию. Задача мониторинга – развить информационную и научную основу политики в области климата, выработать долгосрочные меры по адаптации к его изменению.

¹⁶ Доклад о ходе выполнения в 2018 г. комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г. (2019, 20 марта). Взято 10 апреля 2021, с https://www.mnr.gov.ru/docs/o_vypolnenii_kompleksnogo_plana_realizatsii_klimaticheskoy_doktriny/doklad_o_khode_vypolneniya_v_2018_godu_kompleksnogo_plana_realizatsii_klimaticheskoy_doktriny_rossiy/

¹⁷ Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути: доклад Центра энергетики Московской школы управления SKOLKOVO. (2020). Взято 10 апреля 2021, с https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Climate_Primer_RU.pdf

¹⁸ О Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды: Постановление Правительства РФ от 23 июня 2004 г. № 372. Взято 10 апреля 2021, с <http://www.meteorf.ru/documents/8/19/2/>

¹⁹ О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений: Указ Президента РФ от 8 февраля 2021 г. № 76. Взято 10 апреля 2021, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46415>

ям, а также разработать и реализовать оперативные меры по смягчению антропогенного воздействия²⁰. Кроме того, образованы экспертные группы по вопросам изменения климата в Российском союзе промышленников и предпринимателей, Деловой России и при Торгово-промышленной палате Российской Федерации²¹.

Таким образом, в настоящее время полномочиями по выработке мер в области предупреждения изменения климата и реализации запланированных мероприятий в исследуемой области на практике обладают как федеральные органы исполнительной власти, так и законодательные органы Российской Федерации. В 2009 г. была введена должность специального представителя Президента РФ по вопросам климата. В разрешение данной проблемы вовлечены представители бизнес-структур.

В то же время компетенцией контроля и надзора за эффективным, своевременным, качественным осуществлением мер в области климатических изменений наделены лишь Росгидромет и Совет по реализации Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 гг. Однако следует учесть, что Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды осуществляет контроль за проведением мероприятий узкой направленности (работы, влияющие на метеорологические и геофизические процессы), а Совет по реализации Программы был создан лишь в феврале 2021 г., поэтому свои полномочия по контролю реализовать в полной мере не успел. К тому же функция контроля Совета сводится к контролю за исполнением мероприятий, предусмотренных указанной выше программой. Соответственно, на 2021 г. общими расширенными полномочиями по контролю и надзору в области осуществления государственными органами климатической политики в нашей стране не обладает ни один государственный орган. В связи с этим следовало бы создать компетентный орган, основными полномочиями которого были бы контроль и надзор за реализацией мероприятий климатической направленности, как государственными органами, так и хозяйствующими субъектами. В то же время не представляет экономической и финансовой целесообразности учреждать еще один бюрократический орган. Поэтому мы предлагаем наделить такими полномочиями Министерство природных ресурсов и экологии РФ. На данный момент оно лишь осуществляет координацию и контроль деятельности подведомственных ему Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Федерального агентства водных ресурсов, Федерального агентства лесного хозяйства и Федерального агентства по недропользованию²². Следует расширить полномочия данного Министерства.

²⁰ В Совете Федерации обсудят результаты мониторинга государственной климатической политики (2020, 27 октября). Взято 10 апреля 2021, с <http://council.gov.ru/events/news/120935/>

²¹ Сафонов, Г. В. (2016). *Климатическая политика России и отчетность о выбросах парниковых газов на уровне субъектов РФ*. Взято 10 апреля 2021, с https://www.researchgate.net/publication/305809126_Klimaticeskaa_politika_Rossii_i_otcetnost_o_vybrosah_parnikovyh_gazov_na_urovne_subektov_RF

²² Об утверждении Положения о Министерстве природных ресурсов и экологии

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. В России за последние 10 лет были приняты нормативно-правовые акты, прямым либо косвенным образом затрагивающие тему климатических изменений. Среди них следует выделить Климатическую доктрину РФ, Комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г., Указ Президента РФ «О сокращении выбросов парниковых газов», Распоряжение Правительства РФ «О национальном плане мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 г.», а также проект Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов», который уже внесен в Государственную Думу РФ.

2. В государственной политике России в области сохранения климата можно выделить три основных направления: смягчение антропогенного воздействия на климат, адаптация к изменению климата, укрепление и развитие информационной, научной, социально-экономической политики в области климата.

3. В Российской Федерации полномочиями в области формирования политики по вопросам изменения климата и ее осуществления наделены как органы исполнительной, так и законодательной власти. Введена должность специального представителя Президента РФ по вопросам климата. Представители бизнес-структур задействованы в разрешении исследуемой проблемы путем создания экспертных групп по вопросам изменения климата при объединениях предпринимателей.

4. В то же время расширенной функцией контроля за реализацией государственными органами запланированных мероприятий на практике не обладает ни один орган. Лишь Росгидромет и Совет по реализации Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021–2030 гг. имеют полномочия контроля по узким сферам деятельности. В этой связи мы предлагаем либо создать новый орган, основная функция которого сводилась бы к контролю и надзору за реализацией мероприятий климатической направленности как государственными органами, так и хозяйствующими субъектами, либо наделить Министерство природных ресурсов и экологии РФ такими полномочиями.

Несмотря на принятые национальные документы, имеющуюся институциональную базу, говорить о реализации полноценной политики России в области изменения климата рано. Наша страна пока находится на начальном этапе формирования и развития климатической политики. Данное заключение подтверждается все еще продолжающимися приниматься нормативно-правовыми актами по исследуемому направлению, а также отсутствием компетентного государственного органа, полномочиями которого были бы контроль и надзор за своевременным и качественным осуществлением государственными органами

Российской Федерации и об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2015 г. № 1219. Взято 10 апреля 2021, с <http://government.ru/docs/all/104194/>

запланированных мер по вопросам изменения климата. Не только государство, но и бизнес-структуры, общество и каждый отдельный индивид должны понимать и осознавать, что только совместными усилиями наша страна в частности и все человечество в целом смогут преодолеть препятствия, связанные с продолжающимся изменением климата, для того чтобы оставить нашим потомкам не пустынную землю с отдельными оазисами, а цветущую планету с уникальной флорой и фауной.

Список литературы

1. Жилина, И. Ю. (2020). Инновации в борьбе с глобальным потеплением. *Экономические и социальные проблемы России*, (1), 75–103. <https://doi.org/10.31249/espr/2020.01.04>
2. Иосифов, В. В., Ратнер, П. Д. (2020). Вопросы согласования стратегий развития инновационных транспортных средств и ВИЭ в контексте новой климатической политики России. *Дружковский вестник*, (2), 176–186. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-2-176-186>
3. Кокорин, А. О. (2016). Новые факторы и этапы глобальной и российской климатической политики. *Экономическая политика*, 11(1), 157–176. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-10>
4. Кошкина, Н. Р. (2020). Государственная политика Российской Федерации в области борьбы с изменением климата. *Ars Administrandi. Искусство управления*, 12(3), 441–454. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454>
5. Перов, А. В., Юшков, И. В. (2019). Россия в мировом тренде климатической политики. *Социально-гуманитарные знания*, (2), 7–19.
6. Пискулова, Н. А. (2016). Возможности использования опыта ЕС в реализации климатической политики Россией. В И. Н. Платонова (Ред.), *Устойчивое развитие мировой экономики и конкурентоспособность России в глобальной экономике: Материалы международной научно-практической конференции* (с. 132–146). М.: МГИМО.
7. Рогинко, С. А. (2016). Парижское соглашение подписано, но векторы климатической политики пока не определены – и в России, и в мире. *Экологический вестник России*, (7), 33–38.
8. Русакова, Ю. А. (2015). Климатическая политика Российской Федерации и решение проблем изменения глобального климата. *Вестник МГИМО-Университета*, (1), 66–72.
9. Яковлев, И. А., Кабир, Л. С. (2019). Климатические финансы в контексте устойчивого развития. *Экономика. Налоги. Право*, 12(5), 44–51. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2019-12-5-44-51>
10. Яковлев, И. А., Кабир, Л. С., Никулина, С. И. (2020). Климатическая политика Российской Федерации: международное сотрудничество и национальный подход. *Финансовый журнал*, 12(4), 26–36. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-4-26-36>

References

1. Iosifov, V. V., & Ratner, P. D. (2020). Voprosy soglasovaniya strategij razvitiya innovacionnyx transportnyx sredstv i VIE' v kontekste novoj klimaticheskoj politiki Rossii [The issues of concurrent development of EV and RES in the context of Russian new climate policy]. *Drukerovskij vestnik*, (2), 176–186. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-2-176-186>
2. Kokorin, A. O. (2016). Novye faktory i e'tapy global'noj i rossijskoj klimaticheskoj politiki [New factors and stages of the global and Russian climate policy]. *E'konomicheskaya politika*, 11(1), 157–176. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-10>
3. Koshkina, N. R. (2020). Gosudarstvennaya politika Rossijskoj Federacii v oblasti bor'by s izmeneniem klimata [The Russian Federation state policy in combating climate change]. *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya*, 12(3), 441–454. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454>
4. Perov, A. V., & Ushkov, I. V. (2019). Rossiya v mirovom trende klimaticheskoj politiki [Russia in the global trend of climate policy]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, (2), 7–19.
5. Piskulova, N. A. (2016). Vozmozhnosti ispol'zovaniya opyta ES v realizacii klimaticheskoj politiki Rossiej [Opportunities for using the EU experience in implementing Russia's climate policy]. In I. N. Platonova (Ed.), *Ustojchivoje razvitie mirovoj e'konomiki i konkurentosposobnost' Rossii v global'noj e'konomike: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (pp. 132–146). Moscow: MGIMO.
6. Roginko, S. A. (2016). Parizhskoe soglasenie podpisano, no vektory klimaticheskoj politiki poka ne opredeleny – i v Rossii, i v mire [The Paris Agreement has been signed, but the vectors of climate policy have not yet been determined – both in Russia and in the world]. *E'kologicheskij vestnik Rossii*, (7), 33–38.
7. Rusakova, Yu. A. (2015). Klimaticheskaya politika Rossijskoj Federacii i reshenie problem izmeneniya global'nogo klimata [Climate policy of the Russian Federation and global climate change]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (1), 66–72.
8. Yakovlev, I. A., & Kabir, L. S. (2019). Klimaticheskie finansi v kontekste ustojchivogo razvitiya [Climate finance in the context of sustainable development]. *E'konomika. Nalogi. Pravo*, 12(5), 44–51. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2019-12-5-44-51>
9. Yakovlev, I. A., Kabir, L. S., & Nikulina, S. I. (2020). Klimaticheskaya politika Rossijskoj Federacii: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i nacional'nyj podxod [Climate policy of the Russian Federation: International cooperation and national approach]. *Finansovyj zhurnal*, 12(4), 26–36. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-4-26-36>
10. Zhilina, I. Yu. (2020). Innovacii v bor'be s global'nym potepleniem [Innovations in the fight against global warming]. *E'konomicheskie i social'nye problemy Rossii*, (1), 75–103. <https://doi.org/10.31249/espr/2020.01.04>

Информация об авторе

Дарья Николаевна Веселова, старший преподаватель, юридический факультет Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

Information about the author

Darya Nikolaevna Veselova, Senior Lecturer, Law Faculty, University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-Е ГГ.*

Анна Гегамовна Наронская,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
a.g.naronskaia@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Наронская А.Г. Особенности институционализации региональной элиты Свердловской области в 1990-е гг. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 112–127. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_112

Аннотация

Целью статьи является выявление особенностей институционализации региональной элиты Свердловской области. Методология исследования основана на институциональном, системном и сетевом подходах, используя которые автор анализирует 1990-е гг. – важнейший период в становлении и развитии властных групп региона. В целом после распада Советского Союза институционализация региональных элит была связана с развитием новых устойчивых видов взаимодействия между субъектами региональной власти, политическими институтами, а также с внешнеполитическими акторами. При этом типичными характеристиками постсоветских региональных элит являлись их номенклатурное происхождение, синкретизм власти и собственности, персонифицированный характер политического лидерства. Подчеркивается, что ключевая особенность институционализации региональной элиты Свердловской области в 1990-е гг. – доминирование неформальных механизмов ее функционирования, что привело к формированию властных групп, пронизанных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20–414–660001 p_a.

© Наронская А.Г., 2021

патрон-клиентскими отношениями. Несмотря на постоянные противоречия между ними, объединяющим фактором было стремление к легитимации своего статуса, что определило особенности их институционализации. К этим особенностям автор относит конфликт с федеральным центром и попытку создания Уральской республики, акцентирование региональной идентичности, а также стремление обрести международную субъектность. Все эти процессы были связаны с деятельностью первого губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя. Делается вывод о том, что в 1990-е гг. произошла частичная институционализация элиты Свердловской области, основным результатом которой стало формирование устойчивых региональных групп. Данные группы, обладая ограниченной субъектностью, не могут самостоятельно создавать институциональные правила игры, но могут адаптироваться к новой политической ситуации, сохранять признаки региональной идентичности и воспроизводить себя в качестве элиты даже в условиях политической и экономической нестабильности.

Ключевые слова:

региональная элита, политический институт, институционализация, Свердловская область, Уральская республика, Э.Э. Россель, региональная идентичность, международная деятельность.

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_112

INSTITUTIONALIZATION SPECIFIC OF THE SVERDLOVSK REGION ELITE IN THE 1990-S*

Anna G. Naronskaya,

Ural Federal University named after the first
President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
a.g.naronskaia@urfu.ru

Article received on July 05, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Naronskaya, A. G. (2021). Institutionalization Specific of the Sverdlovsk Region Elite in the 1990-s. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 112–127. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_112

* The reported study was funded by RFBR and Sverdlovsk Region, project number 20-414-660001 r_a.

Abstract

The article is aimed at studying institutionalization specific of the Sverdlovsk Region elite. Methodology of the research is based on institutional, system and network approaches, which are used by the author to analyze the period of the 1990s – the essential stage in genesis and development of power groups in the region. In general, after the collapse of the USSR, institutionalization of regional elites was associated with elaboration of new stable forms of interaction between regional authorities, political institutions, as well as with foreign policy actors. Nomenclature origins, syncretism of power and property, and personalization of political leadership used to be the typical characteristics of the post-Soviet regional elites. The article stresses that the key feature of Sverdlovsk Region elite institutionalization in the 1990s was the dominance of informal mechanisms of its functioning, which led to formation of power groups permeated with patron-client relationship. Despite the permanent conflicts between them, the unifying factor was motivation to legitimize their status, which determined their institutionalization features. The author also refers to them the conflict with the federal center and the project of the Ural Republic, the emphasis on regional identity, as well as the desire to gain international recognition. All these processes were related to political activities of the first Governor of the Sverdlovsk Region Eduard E. Rossel. It is concluded that the 1990s was the period of partial institutionalization of the regional elite in the Sverdlovsk Region, its main result was establishment of stable power groups. These groups have limited authority and no chance to create institutional rules of the game, but they can adapt to a new political situation, retain signs of regional identity and reproduce themselves as an elite even in conditions of political and economic instability.

Keywords:

regional elite, political institution, institutionalization, Sverdlovsk Region, Ural Republic, Eduard E. Rossel, regional identity, international activity.

Введение

Процессы трансформации и модернизации российской государственности определили научную актуальность исследований политических элит. Элитология стала важнейшим направлением отечественной политической науки. Современные российские исследователи изучают как методологические основания теории элит, так и состав, каналы рекрутирования, динамику и трансформацию российских элитных групп. Приоритетным объектом изучения для российских элитологов являются региональные властные группы. Исследования О. В. Гаман-Голутвиной, Н. Ю. Лапиной, А. К. Магомедова, А. В. Понеделкова, Д. Б. Тева, Р. Ф. Туровского, А. Е. Чириковой раскрывают региональную структуру власти, особенности взаимодействия политических, экономических, социальных групп российских регионов, динамику и характер их взаимоотношений с федеральным центром.

Вместе с тем при изучении становления и развития региональных правящих элит возникают сложности, которые связаны со следующими обстоятельствами.

Во-первых, продолжаются методологические дискуссии и споры среди современных элитологов по поводу дефиниции термина «элита». Большинство исследователей изучают данный феномен в логике структурно-функционального подхода как функциональную группу, исключая меритократический критерий. По мнению крупнейшего представителя современной элитологии Дж. Хигли, элиты (включая представителей крупного бизнеса, государственной бюрократии, СМИ, военных, ключевых групп давления и политических партий) – это группы, которые обладают организованным потенциалом для регулярного и сильного воздействия на политические решения (Хигли, 2006, с. 24). Следуя данной логике, к региональной правящей элите относятся те субъекты, которые владеют ресурсами власти, занимают ведущие позиции во властной иерархии региона и принимают важнейшие стратегические решения.

Во-вторых, политическое и культурное многообразие российских регионов усложняет возможности для научного обобщения и выявления единых закономерностей в развитии региональных элит современной России. В то же время это способствует всестороннему научному анализу конкретного региона или небольшой группы регионов (Магомедов, 2000; Понеделков, Старостин, 2008).

В-третьих, нестабильность российского федерализма, его асимметричный характер, высокий уровень регионального неравенства приводят к перманентному реформированию федеративных отношений, изменению правил игры между центром и регионами и, как следствие, усложнению процесса исследования региональных властных групп.

Несмотря на вышесказанное, научная значимость исследований региональных элит очевидна и обусловлена процессами институционализации правящих групп российских регионов в постсоветский период.

Цель настоящей статьи – выявить общие и специфические характеристики институционализации региональной элиты Свердловской области. Акцент в статье сделан на 1990-е гг., т. к. именно этот период наиболее значим в становлении и развитии властных групп региона.

Результаты исследования

На рубеже 80–90-х гг. XX в. происходит разрушение структуры и системы организации власти СССР, связанное с ликвидацией основных политических институтов государства, прежде всего КПСС и системы Советов. В результате относительно сплоченная номенклатурная элита утрачивает свою целостность, начинается процесс формирования постсоветской элиты, в ходе которого происходит институционализация региональных правящих групп. В логике неоинституционального подхода институт – это формальные и неформальные правила, которые устанавливают устойчивые структуры взаимодействий между группами политической элиты (Норт, 1997, с. 17). Институционализация элиты предполагает, прежде всего, оформление доминирующей группы, стремящейся к самовоспроизводству и закреплению своих властных позиций (Быстрова и др., 2019, с. 26) через установление новых устойчивых видов взаимодействия и функционирования элитных групп (групп региональной элиты). С учетом того, что внутриэлитные взаимодействия носят сложный, перекрестный и зачастую

неформальный характер, результатом институционализации становится формирование политических сетей. Сетевой подход достаточно широко применяется при исследовании как институциональных изменений, так и особенностей функционирования политических элит (Сморгунов, 2001; Higley & Pakulski, 2004; Hoffmann-Lange, 2007; Rhodes & Marsh, 1992). Р. Родс и Д. Марш определяют политическую сеть как комплекс структурных взаимоотношений между политическими институтами государства и общества (Rhodes & Marsh, 1992, p. 10–13). Теоретик сетевого институционализма К. Анселл отмечает, что сеть может считаться институтом пока представляет собой стабильный образец взаимодействия между людьми и организациями (Ansell, 2008).

Говоря о политической сети, нужно отметить, что:

1) сетевые взаимодействия предполагают мобилизацию ресурсов, обмен информацией между участниками, а также накладывают ограничения на действия людей и функционирование институтов;

2) сетевые взаимодействия не обязательно основаны на ценностном единстве и политической солидарности, напротив, они могут быть крайне конфликтными (Рябушко, 2016, с. 43);

3) результатом сетевых взаимодействий является разработка, принятие и исполнение политических решений;

4) регионализация и глобализация способствуют тому, что национальные и региональные элитные группы становятся активными участниками мировой политики и формально или неформально включаются в международные сетевые коммуникации и взаимодействия.

Таким образом, институционализация постсоветской региональной элиты, была, прежде всего, связана с развитием новых устойчивых видов коммуникации, взаимодействий между субъектами региональной власти, политическими институтами, а также с внешнеполитическими акторами.

Для оценки институционализации правящей элиты Свердловской области обратимся к особенностям ее становления и развития. В целом институционализация региональных элит в 1990-е гг. имела целый ряд общих характеристик, которые в свою очередь определили развитие федеральной элиты России. А.В. Понделков и А.М. Старостин (2006) справедливо отмечают, что региональная элита зачастую является ретранслятором политических импульсов, исходящих из федерального центра. Таким образом, институционализация правящей элиты Свердловской области, с одной стороны, была типичной для региональной элиты постсоветского периода, с другой – имела ряд специфических особенностей.

Среди типичных характеристик институционализации региональной элиты Свердловской области выделим следующие.

Во-первых, правящие элиты региона формировались на основе советской номенклатуры, которая стала основным источником кадров для новых властных групп. Региональная элита Свердловской области формировалась преимущественно из хозяйственной советской номенклатуры. Примером может служить биография первого губернатора области Э.Э. Росселя, руководителя треста «Главсредуралстрой», председателя Свердловского облисполкома, главы администрации Свердловской области, а также первого председателя Свердловской областной думы.

Во-вторых, относительно сплоченная региональная номенклатурная элита разделилась на политическую и экономическую группы, но при этом синкретизм данных групп, а соответственно, власти и собственности не только сохранился, но и усилился за счет процессов приватизации, в результате чего номенклатурная элита успешно конвертировала свой политический капитал в экономические ресурсы. «Номенклатурная приватизация» началась в 1987 г. до начала официальной приватизации в 1992 г., когда увеличились полномочия по контролю над предприятиями представителей региональных властей. Активы региональных предприятий переводились в создаваемые при предприятиях кооперативы либо в новые предприятия, организуемые внутри старых (Андрефф, 2004, с. 57). В результате региональные чиновники приватизировали государственные организации для себя и своей «команды». Этот процесс определил формирование региональных элитных групп, которые по своим интересам значительно отличались от отраслевых групп советской элиты. Новые элиты ориентировались, прежде всего, на главу региона, лояльность к которому стала главным механизмом элитного рекрутирования. С.И. Барзилов и А.Г. Чернышев (2005), исследуя процессы в российских регионах с 1985 по 2005 гг., показали, что система рекрутирования в состав региональной политической элиты была подчинена двум основным принципам – безоговорочная ориентация на главу региона и лояльность ему как главный критерий отбора (с. 9).

В-третьих, номенклатурное прошлое и процессы приватизации способствовали тому, что государственно-административный аппарат стал ключевым каналом рекрутирования региональной элиты. Произошло воспроизводство нового варианта командно-административной системы не идеологизированного типа, где тон задают администраторы (Рябушко, 2017, с. 20). Вторым по значимости каналом отбора региональной элиты стал крупный бизнес. Нужно отметить взаимную проницаемость каналов рекрутирования региональных элит и частные переходы из власти в бизнес. Например, ближайшие соратники и ключевые политические фигуры правящей элиты Свердловской области 1990-х гг. А.П. Воробьев (председатель правительства Свердловской области с 1996 по 2007 гг.) и В.М. Голубицкий (заместитель председателя Правительства Свердловской области с 1999 по 2002 гг.) перешли работать в группу компаний «Ренова». При этом В.М. Голубицкий был частью научной интеллигенции, представители которой в 1990-е гг. активно рекрутировались в политическую элиту как федерального, так и регионального уровней.

В-четвертых, персонифицированный характер регионального политического лидерства, особенно в 1990-е гг., в результате чего этапы развития региональных политических институтов и особенности институционализации региональных элит определяются сроком полномочий главы региона. В Свердловской области ключевым этапом институционализации правящей элиты региона был период политического лидерства Э.Э. Росселя с 1991 по 2009 гг. А.С. Мишарин (2009–2012) незначительно повлиял на развитие региональной элиты, т.к. за два с половиной года своих полномочий губернатор не смог ни сформировать свою властную элиту, ни стать политическим лидером основных правящих групп региона. Губернаторство Е.В. Куйвашева с 2012 по 2020 гг. можно рассматривать в качестве второго этапа институционализации элиты Свердловской области, хотя вопрос, насколько региональные элитные

кланы приняли «варяга» в качестве своего политического лидера и лояльны по отношению к нему, остается открытым.

В-пятых, конфликтный характер институционализации региональных элит. В 1990-е гг. были распространены следующие типы конфликтов: между губернатором и региональным парламентом, между губернатором и мэром столицы региона, между главой региона и руководителями региональных отделений федеральных структур власти. Для Свердловской области ключевым конфликтом стало личное противостояние губернатора Э.Э. Росселя и мэра Екатеринбурга А.М. Чернецкого, которое во многом определило развитие и специфику политического процесса региона не только в 1990-е, но и в 2000-е гг. (Мухаметов, 2015, с. 135).

Наконец, ведущая характеристика институционализации постсоветских региональных элит – это доминирование неформальных механизмов формирования и функционирования элиты, на основе которых происходило формирование сетевых отношений и взаимодействий региональных элит. Субъектами региональной элиты стали неформальные группы, пронизанные патрон-клиентскими отношениями. На место жесткой советской административной иерархии и подчинению пришла гибкая система коммуникации в рамках новых неформальных элитных образований. По мнению О.В. Михайловой (2014), подобные неформальные группы представляют собой внутриэлитарные сети (с. 238). Используя типологию политических сетей Р. Родса и Д. Марша, можно отнести региональные элитные сети к «политическим сообществам» (policy communities) с клановой структурой, ограниченным членством, вертикальной взаимозависимостью.

В 1990-е гг. структура российских элитных групп состояла из тесно связанных между собой политических, экономических, силовых (нередко криминальных) и медийных структур во главе с публичным политиком (Kryshtanovskaya & White, 2011, pp. 35–36). Например, элитная группа Э.Э. Росселя состояла из администрации губернатора, членов регионального правительства, членов общественного объединения губернатора «Преображение Урала» (создано в 1993 г.), руководителей ключевых предприятий региона, таких как группа «Евраз», группа «Ренова», комбинат «Уралэлектромедь» (УГМК), «Трубная металлургическая компания» (ТМК). Данная группа имела серьезную медийную поддержку в виде Областной газеты, Областного телевидения (ОТВ) и Телевизионного агентства Урала (ТАУ). Группа мэра Екатеринбурга А.М. Чернецкого была представлена администрацией города Екатеринбурга, общественным движением «Наш дом – наш город» (создано в 1995 г.), межрегиональной ассоциацией «Города Урала»¹, строительной компанией «Атомстройкомплекс», ЗАО «Таганский ряд», Екатеринбургским муниципальным банком, газетами «Вечерний Екатеринбург», «Уральский рабочий», телеканалом «Студия 41». Обе группы в 1990-е гг. имели поддержку региональных и городских силовых ведомств.

Более десяти лет конфликт двух элитных групп был основой политического процесса в Свердловской области. Ключевым противоречием выступала проблема перераспределения экономических, финансовых ресурсов. Руководство

¹ Ассоциация, созданная в 1997 г. в Екатеринбурге, объединяет руководителей органов местного самоуправления двадцати городов Урала и Северо-Западной Сибири. Первым президентом с 1997 по 2001 гг. был А.М. Чернецкий.

города Екатеринбурга стремилось к экономической и политической независимости от региона за счет концентрации всех ресурсов в областном центре. Руководство области, в свою очередь, было заинтересовано в контроле и регулировании экономических и политических процессов муниципалитета. В 1990-е гг. конфликт города и области перешел в публичное пространство и превратился в постоянное выяснение отношений между двумя ведущими политиками региона (Мухаметов, 2017, с. 8). Но при этом, как отмечает В.Д. Власова (2005), конфликт области и города не затрагивал организации региональной власти, сущностных стратегических вопросов развития региона (с. 22). При внешней разьединенности и конфликтности элитные группы региона были связаны общей консолидирующей идеей. В этом контексте можно вспомнить теории М. Бертона и Дж. Хигли, которые рассматривали ценностный консенсус как основание структурной интеграции элит. У разьединенных элит такого консенсуса нет; что касается объединенных элит, то они, в свою очередь, делятся на централизованные элиты, какой была номенклатура, и консенсуально объединенные элиты, которые придерживаются негласных правил по поводу правил и норм политического поведения (Higley & Burton, 2006, pp. 3–4). В постсоветский период происходит переход от объединенной централизованной элиты к консенсуально объединенной элите, с сетевой олигархической структурой. Подобная сеть носит деструктивный характер, т.к. работает не на общественные интересы, а на интересы участников элитной группы, государственные институты не могут ограничить или повлиять на них, т.к. сами контролируются данными группами (Михайлова, 2014). Базовым консенсусом постноменклатурных элитных групп (как центрального, так и регионального уровней) стала приватизация государства, собственное обогащение, возможность передачи своего состояния и социального статуса по наследству. При этом для региональных элит другой важнейшей объединяющей идеей была необходимость подтверждения собственной субъектности и легитимации своего статуса.

Стремление всех групп региональной элиты к легитимации определило ключевые особенности их институционализации в Свердловской области. К этим особенностям можно отнести следующие: конфликт с федеральным центром и попытка создания Уральской республики, постоянная апелляция и акцентирование региональной идентичности, а также стремление обрести международную субъектность.

Проект Уральской республики, который стал основой так называемого «уральского сепаратизма», был создан в 1992–1993 гг. и связан с именем Э. Росселя, который в 1991 г. указом Президента РСФСР был назначен главой администрации Свердловской области. Но данный проект появился не спонтанно, идеи получения большей экономической самостоятельности Свердловской области (Среднего Урала) от союзных властей озвучивались еще в 1989 г. уральскими кандидатами в период выборов I Съезда народных депутатов СССР (Исаков, 1997, с. 102–107). 1 июля 1993 г. областным Советом народных депутатов была принята Декларация об изменении статуса Свердловской области, что, в свою очередь, означало провозглашение Уральской республики. 31 октября 1993 г. был подписан указ губернатора Уральской республики «Об осуществлении полномочий Губернатора Уральской республики». Выборы губернатора и Законодательного собрания Уральской республики, а также референдум по Конституции нового ре-

гиона были назначены на 12 декабря 1993 г. Но 10 ноября 1993 г. Э. Россель был отстранен от должности Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным.

Проект создания Уральской республики стал важнейшим этапом институционализации правящей элиты региона, а также попыткой легитимизации своего статуса. Стоит отметить, что данная идея была достаточно единодушно поддержана региональной элитой, включая мэра Екатеринбурга А.М. Чернецкого. Большинство исследователей сходятся во мнении, что этот проект был реакцией руководства региона и его политических групп на принятие Федеративного договора 31 марта 1992 г., который, в свою очередь, закрепил преференции национальных республик и асимметричный характер будущей федерации. Федеративный договор предоставлял национальным республикам возможность принимать собственные законы, избирать руководителей исполнительной власти, вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, а также создавал выгодный режим межбюджетных отношений с федеральным центром (Мошкин, 2013, с. 104). Н.А. Комлева (2001) отмечает, что проект Уральской республики возник на основе правового неравенства российских регионов (прежде всего этнических республик и других регионов России) и стремления к выравниванию правовых и экономических параметров их существования (с. 20). Таким образом, проект Уральской республики – это, с одной стороны, попытка региональных элит получить ресурсы власти, с другой – обозначить для себя возможные пределы во взаимодействии с центром, которые в период политических и экономических реформ были крайне размыты. Можно согласиться с В.Д. Власовой (2005), которая отмечает, что провозглашение Уральской республики играло роль «лакмусовой бумажки» для определения ограничений региональных элит в их отношениях с федеральными органами власти (с. 20).

Формально проект Уральской республики был завершен в 1993 г., однако до сих пор идеи уральского сепаратизма прочно ассоциируются с регионом, первым губернатором и его правящей элитной группой. Не менее важно, что короткая история Уральской республики институционализовала конфликт как устойчивый вид взаимодействия субъектов региональной власти и федерального центра.

Прямым результатом истории с Уральской республикой и конфликта с федеральным центром стала активизация региональной идентичности со стороны правящей элиты региона. К.В. Киселев и А.Ю. Щербаков (2013) полагают, что проект Уральской республики – это попытка региональных элит легитимизировать «особую» уральскую идентичность перед лицом общества и государства (с. 142). Значимость региональной идентичности заключается в том, что она является маркером политической субъектности и легитимирует ее (Семененко, 2019, с. 452). В.Я. Гельман (2003) отмечает, что для региональной политической элиты «политика региональной идентичности становится «игрой на двух уровнях», которая ориентирована на внутрорегиональных и на внешних акторов, таких как федеральный центр, финансовые структуры, международные организации (с. 95).

Региональная идентичность – это принадлежность индивида к определенной региональной, географической общности, понимание и противопоставление своей группы по отношению к другим. Региональная идентичность включает в себя систему представлений, ассоциаций, мифов, связанных с восприятием

конкретного региона (Головнева, 2013, с. 83). Сформировавшаяся региональная идентичность мотивирует элитные группы к защите своих интересов. Таким образом, именно конфликт и противопоставление себя федеральному центру стимулировали развитие региональной идентичности свердловской элиты. Для обоснования самодостаточности уральской идентичности региональная элита актуализировала локальные мифы и образы, в частности, образ «уральской цивилизации» со своей системой ориентиров, отличных от среднероссийских (Головнева, 2013, с. 86). Формирование региональной идентичности правящей элиты Свердловской области стало одной из ключевых составляющих ее институционализации. Важную роль в этом процессе сыграли политические и общественные объединения, которые отстаивали региональные интересы в борьбе с федеральным центром. Для усиления эффекта в названиях этих объединений широко использовались региональные идентификаторы: «Преображение Урала», «Единство Урала», «Горнозаводской Урал», «Наш дом – наш город», «За Родной Урал» (Киселев, 2014, с. 207).

Наконец, утверждение региональной идентичности сопровождалось активизацией международной деятельности Свердловской области. Попытка обрести международную экономическую, политическую, культурную субъектность, политика суверенизации элитных групп, поддержка политического лидера Свердловской области Э. Росселя, а также отсутствие контроля со стороны федерального центра определили активное развитие парадипломатии региона. Региональная элита рассматривала развитие международной деятельности как политического института, альтернативного государству.

По итогам визита в Свердловскую область 25–27 апреля 1990 г. Президента СССР М. С. Горбачева было принято решение об открытии региона. В частности, город Свердловск (Екатеринбург) постановлением Совета министров СССР от 8 декабря 1990 г. № 1233–164 был открыт для въезда иностранных граждан.

С этого периода начинается активизация международной деятельности в регионе. В 1991 г. образовано Управление по международным и внешнеэкономическим связям области. В 1994 г. реорганизовано в Департамент международных и внешнеэкономических связей. Указом губернатора Свердловской области 1998 г. Департамент международных и внешнеэкономических связей преобразовали в Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, которое возглавил А. Г. Тарасов. С 1994 г. в Екатеринбурге начинается открытие зарубежных консульств, в результате чего столица Свердловской области превратилась в дипломатический центр Уральского региона. В 1994 г. было открыто первое диппредставительство в Екатеринбурге – Генконсульство США, в 1995 г. – Генеральное консульство Великобритании. К началу 2000-х гг. Екатеринбург стал третьим городом после Москвы и Санкт-Петербурга по количеству аккредитованных представительств. В 1996 г. открылось региональное представительство МИД РФ в Екатеринбурге.

Правящая элита региона была экономически и политически заинтересована в обретении международной субъектности и осваивала различные формы участия в международном сотрудничестве – от подписания международных соглашений с иностранными государствами до зарубежных визитов ведущих представителей власти, бизнеса, директоров региональных предприятий. А. Г. Тарасов, первый министр международных и внешнеэкономических связей

Свердловской области, так описывает работу министерства и зарубежные поездки представителей власти и бизнеса: «Мы были в струе развития области. Получение новых технологий, связей, лицензий – многие вопросы были завязаны на нас. Свердловскую область никто не знал, и нам с губернатором пришлось побывать в 55 странах, чтобы рассказать о ней. Мы, как правило, ТУ-154 брали. И каждое место занято»². Активно развивались отношения и кооперация со странами СНГ, причем на самом высоком уровне, когда региональные элиты во главе с губернатором области встречались с лидерами независимых государств, подписывали договоры, соглашения и т. п. Все это свидетельствует о крайней самостоятельности региональных групп в планировании зарубежных поездок, встреч и определении направлений международного сотрудничества, а также об отсутствии как правового регулирования парадипломатии, так и единой внешнеполитической линии государства. Очевидно, что обретение международной субъектности региональных элитных групп противоречило суверенитету государства. Не удивительно, что реформа федеративных отношений коснулась проблемы регулирования международной деятельности субъектов федерации. Согласно Федеральному закону РФ от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», регионы могут устанавливать связи только с субъектами иностранных федераций и территориально-административными единицами иностранных государств³. Таким образом, исключается возможность заключения договоров регионами России и центральными органами власти зарубежных государств. Что касается участия представителей региона в зарубежных поездках, политических или бизнес-мероприятиях, то такие визиты на сегодняшний день возможны только по приглашению главы государства и федеральных министров. Показательно, что во время посещения Екатеринбурга в июле 2019 г. Президент РФ В. В. Путин отметил, что «международные отношения – это прерогатива государства в целом. Суверенитет государства должен быть соблюден»⁴.

Заключение

Таким образом, в 1990-е гг. региональные элиты активно пытались получить и легитимизировать свою политическую, экономическую, культурную и даже международную автономию от центральной власти. Ключевыми особенностями развития региональных элитных групп Свердловской области стали институционализация неформальных практик, сетевой и клановый характер их функционирования, а также конфликтный тип взаимодействий с федеральным центром. С одной стороны, в результате федеративной реформы 2000-х гг.

² Некрасов, И. (2014, 10 января). *Проезжаю мимо резиденции – и не ёкает: интервью с Анатолием Тарасовым*. Взято 25 апреля 2021, с <https://ura.news/articles/1036263591>

³ *О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации*: Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ. Взято 26 апреля 2021, с <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04011999-n-4-fz-o/#100009>

⁴ *Посещение Уральского федерального университета Президентом России* (2019, 9 июля). Взято 25 апреля 2021, с <http://kremlin.ru/events/president/news/60964>

региональные группы утратили политическую, экономическую, международную субъектность и автономию от центральной власти. С другой стороны, властная вертикаль и политическая унификация со стороны центра перевели конфликт региональной элиты и центра из публичной в неформальную сферу. Результатом является негласное сопротивление региональных элит внешнему воздействию, стремление адаптироваться к новым политическим условиям и сохранить идентификаторы региональной идентичности, прежде всего Урала как маркера региона. На этом основании мы можем сделать вывод о частичной институционализации региональной элиты Свердловской области в 1990-е гг., главным результатом которой является формирование элитных групп, ставших стабильной социальной базой региональной элиты. Данные группы, обладая ограниченной субъектностью, не могут самостоятельно создавать институциональные правила игры, но могут воспроизводить себя даже в условиях политической и экономической нестабильности.

Список литературы

1. Андреев, В. (2004). Российская приватизация: подходы и последствия. *Вопросы экономики*, (6), 57–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-6-57-78>
2. Барзилов, С. И., Чернышев, А. Г. (2005). *Безумство власти: Провинциальная Россия: Двадцать лет реформ*. М.: Ладомир.
3. Быстрова, А. С., Даугавет, А. Б., Дука, А. В., Колесник, Н. В., Невский, А. В., Тев, Д. Б. (2019). Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера. *Власть и элиты*, 6(2), 24–66. <https://doi.org/10.31119/re.2019.6.2.2>
4. Власова, В. Д. (2005). *История общественно-политического развития Свердловской области в годы «перестройки» и становление новой российской государственности: 1985–2000 гг.* [Автореф. дис. ... канд. ист. наук, УрГУ имени А. М. Горького]. Электронный научный архив УрФУ. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/693>
5. Гельман, В. Я. (2003). Стратегии региональной идентичности и роль политических элит. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 6(2), 91–105.
6. Головнева, Е. В. (2013). Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения. *Уральский исторический вестник*, (2), 81–88.
7. Исаков, В. Б. (1997). *Амнистия: Парламентские дневники, 1994–1995*. Екатеринбург: Уральский рабочий.
8. Киселев, К. В. (2014). К вопросу об идентичности Свердловской области. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (2–3), 206–210.
9. Киселев, К. В., Щербаков, А. Ю. (2013). Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда. *Вестник Пермского университета. Политология*, (1), 138–150.
10. Комлева, Н. А. (2001). Идея Уральской республики как выражение формалистического характера Российской Федерации. В Б. Б. Багиров (Ред.), *Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития* (с. 18–26). Екатеринбург: Филантроп.

11. Магомедов, А.К. (2000). Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: Модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М.: МОНФ.
12. Михайлова, О.В. (2014). Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики [Дис. ... д-ра полит. наук, МГУ имени М.В. Ломоносова]. Электронная библиотека диссертаций РГБ. <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556256?page=1&rotate=0&theme=white>
13. Мошкин, С.В. (2013). Уральская республика. Хроники. Научный журнал «Дискурс-Пи», (3), 103–107.
14. Мухаметов, Р.С. (2015). Региональный политический режим: институциональный дизайн (на примере Свердловской области). Научный журнал «Дискурс-Пи», (1), 134–137.
15. Мухаметов, Р.С. (2017). Политические институты и процессы в Свердловской области. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
16. Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.
17. Понеделков, А.В. (2002). Политико-административная элита: генезис и проблемы становления в современной России. В В.П. Мохов (Ред.), Элитизм в России: «за» и «против»: Материалы конференции. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета. Взято 15 апреля 2021, с http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=90&pod_id=37
18. Понеделков, А.В., Старостин, А.М. (2006). Постсоветская эволюция региональных и местных административно-политических элит России. *PRO NUNC. Современные политические процессы*, 7(4), 69–85.
19. Понеделков, А.В., Старостин, А.М. (2008). Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее. *Полис. Политические исследования*, (6), 86–98.
20. Рябушко, А.Н. (2016). Роль информационных технологий в формировании образа региональных политических лидеров: на примере Ульяновской области [Дис. ... канд. полит. наук, СПбГУ]. Диссертационные советы СПбГУ. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/627Xkjm1FM.pdf>
21. Семененко, И.С. (2019). Концепт идентичности в изучении политики. В О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин (Ред.), *Современная политическая наука: Методология* (с. 446–463). М.: Аспект Пресс.
22. Сморгун, Л.В. (2001). Сетевой подход к политике и управлению. *Полис. Политические исследования*, (3), 103–112.
23. Хигли, Дж. (2006). Демократия и элиты. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики), (2), 22–31.
24. Ansell, C. (2008). Network institutionalism. In R. A.W. Rhodes, S. A. Binder, & B. A. Rockman (Eds.), *The Oxford handbook of political institutions* (pp. 75–89). Oxford: Oxford University Press.
25. Higley, J., & Burton, M. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers.
26. Higley, J., & Pakulski, J. (2004). Anti-elitism as political strategy. In M. Sawyer, & B. Hindess (Eds.), *Us and Them: Anti-elitism in Australia* (pp. 15–32). Perth: API Network.

27. Hoffmann-Lange, U. (2007). Methods of elite research. In R. Dalton, & H.-D. Klingemann (Eds.), *The Oxford handbook of political behavior* (pp. 910–927). Oxford: Oxford university press.

28. Kryshantovskaya, O.V., & White, S. (2011). The formation of Russia's network directorate. Russia as a network state. In V. Kononenko, & A. Moshes (Eds.), *What Works in Russia When State Institutions Do Not?* (pp. 19–38). L.: Palgrave Macmillan.

29. Rhodes, R., & Marsh, D. (Eds.). (1992). *Policy network in British government*. Oxford: Clarendon Press.

References

1. Andreev, V. (2004). Rossijskaya privatizaciya: podxody i posledstviya [russian privatisation: Approaches and consequences]. *Voprosy e'konomiki*, (6), 57–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-6-57-78>

2. Ansell, C. (2008). Network institutionalism. In R.A.W. Rhodes, S.A. Binder, & B.A. Rockman (Eds.), *The Oxford handbook of political institutions* (pp. 75–89). Oxford: Oxford University Press.

3. Barzilov, S.I., & Chernyshev, A.G. (2005). *Bezumstvo vlasti: Provincial'naja Rossija: Dvadcat' let reform* [Insanity of Power: Provincial Russia: Twenty years of reform]. Moscow: Ladomir.

4. Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskij, A.V., & Tev, D.B. (2019). Institucionalizacija politicheskoj jelity: istochniki rekrutirovaniya i kar'era [Institutionalization of the political elite: Sources of recruitment and career]. *Vlast' i e'lity*, 6(2), 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>

5. Gelman, V. Ja. (2003). Strategii regional'noj identichnosti i rol' politicheskikh jelit [Political elites and strategies of regional identity]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 6(2), 91–105.

6. Golovneva, E.V. (2013). Regional'naja identichnost': teoreticheskie aspekty izuchenija [Regional identity: Theoretical research aspects]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (2), 81–88.

7. Higley, J. (2006). Demokratija i jelity [Democracy and elites]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki)*, (2), 22–31.

8. Higley, J., & Burton, M. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers.

9. Higley, J., & Pakulski, J. (2004). Anti-elitism as political strategy. In M. Sawer, & B. Hindess (Eds.), *Us and Them: Anti-elitism in Australia* (pp. 15–32). Perth: API Network.

10. Hoffmann-Lange, U. (2007). Methods of elite research. In R. Dalton, & H.-D. Klingemann (Eds.), *The Oxford handbook of political behavior* (pp. 910–927). Oxford: Oxford university press.

11. Isakov, V.B. (1997). *Amnistija: Parlamentskie dnevniki, 1994–1995* [Amnesty: The Parliamentary diaries, 1994–1995]. Ekaterinburg: Ural'skij rabochij.

12. Kiselev, K.V. (2014). K voprosu ob identichnosti Sverdlovskoj

oblasti [To the question on identity of Sverdlovsk Region]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (2–3), 206–210.

13. Kiselev, K. V., & Shherbakov, A. Ju. (2013). Ural: k voprosu ob identifikacionnoj dinamike brenda [The Urals: To the question on brand identification dynamics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, (1), 138–150.

14. Komleva, N. A. (2001). Ideja Ural'skoj respubliki kak vyrazhenie formalisticheskogo haraktera Rossijskoj Federacii [The idea of the Ural Republic as an expression of the formalistic character of the Russian Federation]. In B. B. Bagirov (Ed.), *Rossijskij federalizm: problemy i perspektivy dal'nejshego razvitiya: Sb. nauch. statej* (pp. 18–26). Ekaterinburg: Filantrop.

15. Kryshtanovskaya, O. V., & White, S. (2011). The formation of Russia's network directorate. Russia as a network state. In V. Kononenko, & A. Moshes (Eds.), *What Works in Russia When State Institutions Do Not?* (pp. 19–38). L.: Palgrave Macmillan.

16. Magomedov, A. K. (2000). *Misteriya regionalizma. Regional'nye pravyashhie e'lity i regional'nye ideologii v sovremennoj Rossii: Modeli politicheskogo vossozdaniya "snizu" (sravnitel'nyj analiz na primere republik i oblastej Povolzh'ya)* [The mystery of regionalism. Regional ruling elites and regional ideologies in modern Russia: Models of political reconstruction "from below" (Comparative analysis on the example of the republics and regions of the Volga area)]. Moscow: MONF.

17. Mihajlova, O. V. (2014). *Setevaja arhitektura gosudarstvennogo upravljenija: problemy konceptualizacii i praktiki* [Network architecture of public administration: Problems of conceptualization and practice] [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University]. The Digital Dissertation Library of the Russian State Library. <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01005556256?page=1&rotate=0&theme=white>

18. Moshkin, S. V. (2013). Ural'skaja Respublika. Hroniki [The Ural Republic. Chronicles]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (3), 103–107.

19. Muhametov, R. S. (2015). Regional'nyj politicheskij rezhim: institucional'nyj dizajn (na primere Sverdlovskoj oblasti) [Regional political regime: Institutional design (on the example of the Sverdlovsk Region)]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (1), 134–137.

20. Muhametov, R. S. (2017). *Politicheskie instituty i processy v Sverdlovskoj oblasti* [Political institutions and processes in the Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

21. Nort, D. (1997). *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala.

22. Ponedelkov, A. V. (2002). Politiko-administrativnaja jelita: genesis i problemy stanovlenija v sovremennoj Rossii [Political and administrative elite: Genesis and problems of formation in modern Russia]. In V. P. Mohov (Ed.), *E'litizm v Rossii: "za" i "protiv": Materialy konferencii*. Perm: Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Retrieved April 15, 2021, from http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=90&pod_id=37

23. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (2006). Postsovetskaja jevoljucija regional'nyh i mestnyh administrativno-politicheskikh jelit Rossii [Post-soviet

evolution of regional and local administrative and political Russian elites]. *PRO NUNC. Sovremennye politicheskie processy*, 7(4), 69–85.

24. Ponedelkov, A. V., & Starostin, A. M. (2008). Regional'nye administrativno-politicheskie e'lity Rossii: proshloe, nastoyashhee, budushhee [Russia's regional administrative-political elites: The past, the present, the future]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (6), 86–98.

25. Rhodes, R., & Marsh, D. (Eds.). (1992). *Policy network in British government*. Oxford: Clarendon Press.

26. Rjabushko, A. N. (2016). *Rol' informacionnyh tehnologij v formirovanii obraza regional'nyh politicheskikh liderov: na primere Ul'janovskoj oblasti* [The role of information technologies in shaping the image of regional political leaders: The example of the Ulyanovsk Region] [PhD dissertation, St. Petersburg University]. Dissertation Councils of Saint Petersburg State University. <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/627Xkjm1FM.pdf>

27. Semenenko, I. S. (2019). *Koncept identichnosti v izuchenii politiki* [The Concept of identity in the study of politics]. In O. V. Gaman-Golutvina, & A. I. Nikitin (Eds.), *Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija* (pp. 446–463). Moscow: Aspekt Press.

28. Smorgunov, L. V. (2001). *Setevoy podhod k politike i upravleniju* [The network approach to policy making and governance]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, (3), 103–112.

29. Vlasova, V. D. (2005). *Istorija obshhestvenno-politicheskogo razvitija Sverdlovskoj oblasti v gody "perestrojki" i stanovlenie novoj rossijskoj gosudarstvennosti: 1985–2000 gg.* [The history of social and political development of the Sverdlovsk Region during the "perestroika" and the formation of the new Russian state: 1985–2000] [PhD dissertation abstract, Ural State University named after A. M. Gorky]. Electronic scientific archive of the Ural Federal University. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/693>

Информация об авторе

Анна Гегамовна Наронская, кандидат политических наук, доцент, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-5884>, e-mail: a.g.naronskaya@urfu.ru

Information about the author

Anna Gegamovna Naronskaya, Candidate of Political Sciences, Docent, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-5884>, e-mail: a.g.naronskaya@urfu.ru

УДК 328.1

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_128

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ «ВРАЩАЮЩИХСЯ ДВЕРЕЙ» В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Руслан Салихович Мухаметов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
muhametov.ru@mail.ru

Никита Александрович Буянов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
super.nick98@yandex.com

Статья поступила в редакцию 31.05.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Мухаметов Р.С., Буянов Н.А. Политические практики «вращающихся дверей» в России: региональный аспект // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 128–141. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_128

Аннотация

Статья посвящена изучению практики перемещения бывших государственных служащих и парламентариев на работу в коммерческий сектор и наоборот. Теория «вращающихся дверей» выступает концептуальной основой исследования, в первой части которого рассматриваются основные подходы к определению данного понятия. Используя указанную теорию, авторы работы стремятся дать ответы на ряд исследовательских вопросов. В какой степени феномен «вращающейся двери» свойственен

© Мухаметов Р.С., Буянов Н.А., 2021

политической жизни российских регионов и, в частности, Свердловской области? Какова доля чиновников, переходящих с государственной службы в частный сектор на должность «лоббиста» и/или специалиста, отвечающего за связи с органами государственной власти (GR-менеджера), и наоборот? Для поиска ответов авторы применяют биографический подход, используя базу данных, которая включает сведения обо всех бывших и настоящих руководителях отраслевых исполнительных органов государственной власти Свердловской области, анализируют сведения о трудовой деятельности региональных министров. Также источниками данных послужили материалы из сети Интернет, в том числе официальные сайты областного правительства. Главный метод анализа количественных данных – описательная статистика. По результатам исследования авторы приходят к выводу, что коммерческие компании являются вторым по популярности местом работы как до назначения, так и после освобождения лицами министерской должности; экс-министры часто трудоустраиваются директорами предприятий и GR-менеджерами. Выявляются причины такого положения дел. В основе объяснительной модели лежит концепция спроса и предложения. Подсчеты показывают, что меньше 10% компаний имеют структурные подразделения, отвечающие за связи с органами власти. Ограничивающим фактором выступает стремление руководителей коммерческих организаций напрямую принимать участие в политике для продвижения корпоративных интересов, а не обращаться в коммуникационные агентства за GR-сопровождением.

Ключевые слова:

«вращающиеся двери», лоббизм, связи с органами власти, биографический подход, Свердловская область.

UDC 328.1

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_128

“REVOLVING DOORS” PRACTICES IN RUSSIA: THE REGIONAL ASPECT

Ruslan S. Mukhametov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
muhametov.ru@mail.ru

Nikita A. Buyanov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
super.nick98@yandex.com

Article received on May 31, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Mukhametov, R.S., Buyanov, N.A. (2021). "Revolving Doors" Practices in Russia: The Regional Aspect. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 128–141. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_128

Abstract

The article is devoted to the study of the practice of moving former civil servants and parliamentarians to work in the commercial sector and vice versa. The theory of "revolving doors" serves as a conceptual framework for this research, in the first part of which the main approaches to the definition of this concept are considered. Using this theory, the authors of the article seek to provide answers to a number of research questions. To what extent is the "revolving door" phenomenon peculiar to the political life in the Russian regions and, in particular, in the Sverdlovsk region? What is the percentage of officials moving from the civil service to the private sector to become a "lobbyist" and/or a government relations manager (GR manager) and vice versa? To find the answers, the authors apply a biographical approach, using a database that includes information about all former and current heads of regional executive bodies of state power in the Sverdlovsk region, analyze information about the work of regional ministers. Another group of sources is the Internet materials including the official websites of the regional government. The main method of analyzing quantitative data is descriptive statistics. According to the results of the study, the authors conclude that commercial companies are the second most popular place of work both before the appointment and after the dismissal of a ministerial position; ex-ministers often become directors of enterprises and GR managers. The reasons for this state of affairs are revealed. The explanatory model is based on the concept of supply and demand. Calculations show that less than 10% of enterprises have structural divisions responsible for government relations. The limiting factor is the desire of heads of commercial enterprises to directly participate in politics to promote corporate interests, and not to apply to communication agencies for GR support.

Keywords:

"revolving doors", lobbying, government relations, biographical approach, Sverdlovsk Region.

Введение

В январе 2008 г. стало известно, что экс-премьер Великобритании Т. Блэр был назначен старшим советником и членом совета по международным делам компании *JPMorgan Chase*. В декабре 2016 г. избранный президент США Д. Трамп объявил, что после инаугурации назначит главой внешнеполитического ведомства Р. Тиллерсона, председателя совета директоров и главного управляющего нефтяной компании *Exxon Mobil*. Приведенные кейсы являются примерами такого феномена, как «вращающаяся дверь»/«вращающиеся двери», т. е. речь идет о перемещении бывших госслужащих и парламентариев на работу в част-

ный сектор и наоборот (Eggers, 2010). Данная практика и научные исследования по ней возникли в Соединенных Штатах в 1980-е гг., поэтому большинство исследований «вращающихся дверей» географически ориентированы на США (Coen & Vannoni, 2016). На сегодняшний день большая часть эмпирической работы, связанной с «вращающейся дверью», сосредоточена на бывших членах Конгресса или сотрудниках Конгресса, покидающих Капитолийский холм, особенно тех, кто стал лоббистами в своей постконгрессной карьере. Только недавно исследователи начали анализировать европейские «вращающиеся двери» (Gebhardt & Saz-Carranza, 2018). Уровень «вращающихся дверей» в ЕС задокументирован неправительственной международной организацией *Transparency International*¹. Существует очень мало исследований феномена «вращающейся двери» по отдельным европейским странам (David-Barrett, 2011; Niessen & Ruenzi, 2009). Из-за нескольких крупных политических скандалов, связанных с этим явлением (Cerrillo-i-Martínez, 2016), особый интерес для эмпирического анализа представляет Испания.

В России также известны случаи, когда высокопоставленные чиновники переходили работать в коммерческие структуры. Так, первый заместитель председателя правления НОВАТЭКа Л.В. Феодосьев до прихода в компанию в 2007 г. работал в Министерстве экономического развития и торговли РФ, пройдя путь от ведущего специалиста до заместителя директора департамента. Другим примером является С.Д. Шаталов, который до прихода на должность вице-президента медиагруппы Акцион-МЦФЭР с 2000 по 2016 гг. был заместителем министра финансов РФ. Вышеназванные кейсы имели место на общенациональном уровне. Однако Россия является федеративным государством (с формально-юридической точки зрения), субъекты которой различаются между собой по политическим, социально-экономическим, этнокультурным показателям. Следовательно, Россия представляет собой хорошую лабораторию для проведения региональных исследований. В этой связи можно сформулировать ряд исследовательских вопросов. В какой степени феномен «вращающейся двери» характерен для региональной политической жизни? Какова доля чиновников, переходящих с государственной службы в частный сектор на должность «лоббиста» и/или GR-менеджера, и наоборот?

Поиск ответов на эти вопросы и составляет цель настоящей статьи. Ее структура выглядит следующим образом. В первой части рассматривается феномен «вращающихся дверей» с теоретической точки зрения. Во второй части представлен дизайн исследования, в третьей – его результаты. В заключительной части зафиксированы основные выводы работы и намечены направления дальнейших исследований.

Теоретические рамки исследования

Феномен «вращающейся двери» давно привлекает внимание политологов, занимающихся изучением влияния групп интересов. В политической науке мож-

¹ Daniel, F., & Yannik, B. (2017). *Access all areas: When EU politicians become lobbyist*. Retrieved May 20, 2021, from <http://transparency.eu/wp-content/uploads/2017/01/Access-all-areas.pdf>

но выделить два основных подхода к определению данного понятия. В широком смысле это перемещение сотрудников между работой на госслужбе и частным сектором. В узком смысле это перемещение государственных служащих и депутатов на работу в частные лоббистские организации, и наоборот. Во втором контексте фраза «вращающаяся дверь» относится к феномену, когда бывшие высокопоставленные чиновники и парламентарии становятся лоббистами, специалистами по связям с органами государственной власти (Coen & Vannoni, 2020). Физические лица, которые переходят с государственных должностей на работу в частные структуры и наоборот, называются лоббистами «вращающихся дверей» или «револьверами» (Lazarus et al., 2016).

Исследователи проводят различия между прямой и косвенной занятостью бывших чиновников и парламентариев. В первом случае бывший государственный служащий присоединяется к фирме в качестве наемного работника, во втором – работает либо в качестве лоббиста-фрилансера, либо в лоббистской фирме.

Можно выделить две основные группы причин, по которым частные лоббистские фирмы или корпорации нанимают бывших конгрессменов или государственных служащих. Во-первых, экспертные знания (обладание специальными знаниями или опытом законодательного процесса) и правительственный опыт дают лоббистам большую «осведомленность в вопросах». Во-вторых, доступ к лицам, принимающим решения: наличие у «револьверов» связей с действующими членами парламента/сотрудниками, т. е. они имеют особые связи с теми, кто находится внутри правительства, что дает интересам, которые они представляют, преимущество. Эти преимущества в виде связей и политических знаний позволяют их клиентам оказывать большее политическое влияние (Wirsching, 2018).

Существуют различные теории, которые объясняют причины найма бывших государственных служащих частными фирмами. Теория регулятивного обучения предполагает, что компании нанимают бывших государственных служащих главным образом из-за их знаний и опыта. Теория поиска ренты подразумевает, что фирмы в основном ценят лоббистские способности бывших государственных служащих и их предположительно высокий уровень доступа к государственным деятелям (Law & Long, 2012).

Исследователи отмечают, что обмены между частным и государственным секторами могут иметь несколько положительных эффектов.

Во-первых, «перекрестное оплодотворение». Вследствие обмена кадрами между частным и государственным секторами обмен знаниями и опытом происходит более эффективно. Это может быть выгодно обеим сторонам: процессы регулирования могут стать более эффективными, а политики могут получить отраслевые знания, которые позволят им принимать более рациональные решения (LaPira & Thomas, 2014).

Во-вторых, привлечение талантов в государственный сектор. Перспектива высокооплачиваемой будущей работы в частном секторе может мотивировать высококвалифицированных специалистов занимать более низкооплачиваемую должность в государственном секторе, тем самым повышая возможности и талант государственного управления в целом (Cerrillo-i-Martínez, 2016).

Тем не менее «вращающиеся двери» также создают ряд рисков. Ученые утверждают, что демократические и рыночные процессы могут страдать из-за

важности и ценности личных связей: представители могут быть услышаны не из-за актуальности вопроса, а из-за личных связей. Сотрудники лоббистской индустрии из государственной службы могут ухудшить восприятие общественностью политической обстановки и процесса и подорвать доверие общественности к политическим институтам. Наконец, потенциальный конфликт интересов является наиболее заметным отрицательным эффектом «вращающихся дверей» (Blanes i Vidal et al., 2012).

Формы конфликта интересов могут включать:

1) злоупотребление служебным положением со стороны действующего должностного лица с целью повлиять на регулирование в пользу потенциального будущего частного работодателя;

2) неправомерное влияние, когда бывший высокопоставленный чиновник использует свой доступ к должностным лицам для захвата регулирования.

Среди опасений по поводу «вращающейся двери» наиболее устойчивым является риск того, что регуляторы (органы исполнительной власти) будут захвачены отраслевыми интересами. «Вращающаяся дверь» считается важным механизмом регулятивного захвата. Дискуссии о таком захвате и его влиянии на процесс регулирования активно ведутся в научных трудах в области права, политологии и экономики.

В политической науке регулятивный захват – это коррупция власти, которая происходит, когда политический субъект, политик или регулирующий орган оптимизируются для обслуживания коммерческих, идеологических или политических интересов незначительного избирательного округа, такого как конкретный географический район, отрасль, профессия или идеологическая группа. Эта теория утверждает, что регулирующие органы могут оказаться во власти отраслей или интересов, которые им поручено регулировать. В результате агентство, которому поручено действовать в общественных интересах, вместо этого действует в интересах отрасли, которую оно должно регулировать. Регулятивный захват происходит, когда правительственное регулирующее агентство, созданное в общественных интересах, в конечном итоге продвигает политические или коммерческие интересы тех самых людей, компаний или организаций, которые оно должно регулировать. Правительственные учреждения, подвергающиеся регулятивному захвату, называются «захваченными агентствами». Регулятивный захват стал предметом исследования с 1970-х гг. благодаря Дж. Стиглеру, ученому Чикагского университета, лауреату Нобелевской премии по экономике. Противоположностью регулятивного захвата является теория общественных интересов – идея о том, что государственное регулирование может влиять на поведение монополий в общественных интересах (Baxter, 2012).

Дизайн исследования

Наличие или отсутствие феномена «вращающейся двери» в России на региональном уровне будет изучено нами на примере Свердловской области. Выбор данного субъекта РФ обусловлен рядом причин. Во-первых, можно было бы выбрать Москву или Санкт-Петербург, но в силу формально-правовых (это города федерального значения), политических (Москва – столица государства, на территории которой располагаются федеральные органы государственной

власти) и экономических (в них находятся офисы крупнейших российских компаний и представительств зарубежных ТНК) причин они не представляют среднестатистический российский регион. В этом плане Свердловская область в большей степени, по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом, может претендовать на данный статус. Во-вторых, Средний Урал занимает высшие позиции в рейтингах социально-экономического положения регионов.

Источником данных по региональным министрам выступила «Свободная энциклопедия Урала», статья которой («Руководители исполнительных органов государственной власти Свердловской области») содержит список всех министров в хронологическом порядке, в том числе исполняющих обязанности. В итоговую базу данных попали 97 региональных руководителей отраслевых органов исполнительной власти.

Основным методом сбора данных явился биографический подход. На каждого областного министра из открытых источников составлялась справка, включающая трудовую биографию. Поиск необходимых сведений в сети Интернет о высших госслужащих Среднего Урала позволил составить доминистерскую базу данных, которая включает данные о 82 лицах (о 15 нет сведений), и постминистерскую базу (67 лиц из 79, т. к. действующие региональные министры были исключены, начальники департаментов и управлений не считались). Главный метод анализа количественных данных – описательная статистика.

Результаты исследования и обсуждение

Данные описательной статистики представлены в таблицах. В таблице 1 содержатся сведения о местах работы министров до занятия министерской должности.

Таблица 1 – Доминистерские карьеры (составлено авторами на основании собственных расчетов)

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	в единицах	%	в единицах	%	в единицах	%
Парламент						
- федеральный	0	0	0	0	0	0
- региональный	4	12,5	0	0	0	0
- муниципальный	0	0	0	0	0	0
Госслужба						
- федеральная	1	3,5	2	9	3	11,5
- региональная	10	30,5	7	30	16	61
- муниципальная	2	6,5	1	4,25	0	0
Наука и образование	4	12,5	1	4,25	0	0
Бизнес	4	12,5	8	35	2	8

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	в единицах	%	в единицах	%	в единицах	%
Бюджетное учреждение	3	6,5	1	4,25	3	11,5
Партия	5	15,5	1	4,25	0	0
Госкомпания	0	0	2	9	2	8
Итого	33	100	23	100	26	100

Из таблицы 1 видно, что среди 82 региональных министров из бизнеса пришло 14 человек (около 17%). Это второй результат; на первом месте (40%, или 33 человека) находятся выходцы из региональных органов власти. Так, И.А. Богданович до назначения министром информационных технологий и связи работал директором по управлению проектами компании «ИТ-Энергоконсалт»; А.Г. Тарасов (министр международных и внешнеэкономических связей) был советником президента Уралпромстройбанка по внешнеэкономической деятельности; В.А. Молчанов (министр промышленности и науки) – гендиректором ОАО «Каменск-Уральский завод ОЦМ»; А.Ю. Петров (министр промышленности и науки) – гендиректором завода «Российская электротехнологическая компания РЭЛТЕК» (прежнее название – Опытный завод ЦНИИМ); А.В. Карлов (министр строительства и развития инфраструктуры) – гендиректором по экономике и социальному развитию СПА «Средуралстрой»; М.М. Волков (министр строительства и развития инфраструктуры) – заместителем директора по капстроительству и инвестициям в УГМК-Холдинг; С.В. Швиндт (министр транспорта и дорожного хозяйства) – генеральным директором ОАО «Уральская грузовая перевозочная компания»; В.И. Левченко (министр по управлению государственным имуществом) – директором ООО «Рефтинское объединение «Теплит» (с 22 мая 2009 г. – ООО «Производственно-строительное объединение «Теплит»).

В таблице 2 представлены первые места работы после освобождения министерской должности.

Таблица 2 – Постминистерские карьеры (составлено авторами на основании собственных расчетов)

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	в единицах	%	в единицах	%	в единицах	%
Парламент						
- федеральный	1	3	0	0	1	7
- региональный	2	6	0	0	0	0
- муниципальный	0	0	0	0	0	0

Место работы после ухода	Э. Россель		А. Мишарин		Е. Куйвашев	
	В единицах	%	В единицах	%	В единицах	%
Госслужба						
- федеральная	1	3	3	15	1	7
- региональная	4	12	7	37	3	21
- муниципальная	0	0	1	5	4	28
Наука и образование	3	9	1	5	0	0
Бизнес	8	23	2	11	2	15
Бюджетное учреждение	4	12	2	11	1	7
Пенсия	9	26	2	11	0	0
Возбуждение уголовного дела	2	6	1	5	2	15
Итого	34	100	19	100	14	100

Как видно из таблицы 2, в бизнес ушло работать всего 12 из 67 министров (около 18%), в то время как первое место (21%, или 14 человек) занимает региональная госслужба. В частности, министр агропромышленного комплекса и продовольствия (1992–1995) А.Г. Никонов стал индивидуальным предпринимателем; министр здравоохранения Свердловской области (1998–2007) М.С. Скляр – гендиректором клиники «УГМК-Здоровье», министр международных и внешнеэкономических связей (1994–1995) И.И. Арзяков – генеральным директором ООО «АРОМИ»; министр по управлению государственным имуществом (1999–2004) В.М. Голубицкий – президентом компании «Ренова-Стройгруп»; министр промышленности и науки (2014–2016) А.В. Мисюра – гендиректор НПО автоматике имени академика Н.А. Семихатова; министр строительства и развития инфраструктуры (2013–2015) В.Н. Киселев – гендиректором ЗАО «РСГ-Академическое».

В силу того, что рассматриваемый нами феномен и практика может ассоциироваться с коррупцией, следует обратить внимание и на долю министров, в отношении которых были возбуждены уголовные дела правоохранительными органами. Из таблицы 2 можно сделать вывод, что количество таких лиц невелико, а процент варьируется от 5 до 15.

В таблице 3 представлены должности лиц, замещающих министерские посты до назначения и после освобождения.

Таблица 3 – Должности (составлено авторами на основании собственных расчетов)

Должности	Доминистерская карьера		Постминистерская карьера	
	в единицах	%	в единицах	%
Советник	1	7,1	2	17

Должности	Доминистерская карьера		Постминистерская карьера	
	в единицах	%	в единицах	%
Советник	1	7,1	2	17
Итого	14	100	12	100

Согласно таблице 3, абсолютное большинство региональных министров из бизнеса до назначения и после освобождения от должности имели статус директора/генерального директора в частных коммерческих структурах. Рассмотрев трудовые биографии министров свердловского правительства, мы можем сделать предварительный вывод о том, что трудоустройство региональных министров в коммерческие структуры на определенные должности (например, GR-менеджеров) сталкивается с рядом проблем. Для того чтобы сделать окончательный вывод, необходимо рассмотреть проблему с противоположного ракурса, а именно изучить биографии местных лоббистов и GR-менеджеров на предмет наличия у них опыта работы на государственной службе. Как было отмечено в первой части статьи, феномен «вращающихся дверей» предполагает трудоустройство бывших членов правительства и парламентариев в трех категориях компаний.

Во-первых, консалтинговые компании, которые оказывают услуги по связям с органами государственной власти. Если судить по национальному рейтингу коммуникационных компаний (рейтинг НР2К), то среди представленных 75 агентств организации, центральные офисы которых находились бы в Екатеринбурге или ином другом муниципальном образовании Свердловской области, отсутствуют².

Во-вторых, некоммерческие неправительственные организации, представляющие интересы отраслевого бизнеса, и ассоциации, отстаивающие интересы предпринимательства в целом. В Свердловской области действуют, согласно списку отраслевых союзов от регионального Министерства промышленности и науки, 15 организаций. Мониторинг деятельности ряда НКО позволил нам добавить к перечню еще четыре: Союз стройиндустрии Свердловской области, Уральская ассоциация туризма, Союз строителей Свердловской области, Гильдия строителей Урала. Анализ органов управления этих организаций и биографий их руководителей показывает, что только у одной НКО («Свердловский областной Союз промышленников и предпринимателей») есть исполнительный вице-президент, который отвечает за взаимоотношения с органами власти и не имеет опыта работы в структурах региональной власти. Необходимо отметить, что из 15 отраслевых организаций четыре на данный момент формально прекратили свое существование (НП «Союз машиностроительных предприятий Свердловской области», «Союз научных, проектных и инжиниринговых организаций Свердловской области», «Ассоциация технопарков Свердловской области» и «Союз работодателей издательско-полиграфической отрасли Свердловской области»).

В-третьих, департаменты, управления по связям с органами государственной власти и МСУ в должности начальника или заместителя директора по GR.

² Национальный рейтинг коммуникационных компаний 2019. (без даты). Взято 20 мая 2021, с <http://pracademy.ru/rejting-nr2k?year=HP2K> 2019

Из перечня системообразующих организаций, осуществляющих деятельность на территории Свердловской области, мы взяли 135 компаний (организации горно-металлургического комплекса, машиностроения, химической промышленности, лесопромышленного комплекса, легкой промышленности, строительства, агропромышленного комплекса и рознично-оптовой торговли и общественного питания)³. Анализ официальных сайтов этих коммерческих структур показал, что у 65 из 135 (48,1%) предприятий отсутствуют сведения о руководстве и менеджменте. У 61 организации (45,1%), информация по которым имеется, нет подразделения или должностного лица, отвечающего за налаживание контактов с органами государственной власти. Только у 9 из 135 (6,8%) предприятий предусмотрен в структуре управления сотрудник, как правило, в лице замдиректора, который отвечает за взаимодействие с законодательными и исполнительными органами власти. Нужно подчеркнуть, что данная сфера находится в ведении директора либо по общим вопросам (ПАО «Надеждинский металлургический завод, АО «Уралэлектромедь», ОАО «Богословское рудоуправление»), либо по общим вопросам и персоналу (например, ОАО «Среднеуральский медеплавильный завод», ОАО «Святогор», НПП «Старт» им. А.И. Яскина). Анализ трудовой биографии лиц, занимающих вышеназванные должности, показывает, что ни один из девяти GR-менеджеров не имеет опыта работы в региональных органах власти: двое были муниципальными депутатами и один работал на муниципальной службе в статусе заместителя главы города.

Необходимо сказать о сложностях трудоустройства бывших членов регионального правительства на должности GR-менеджеров. Как нам представляется, это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, руководители малого и среднего бизнеса, как правило, непосредственно идут во власть/принимают участие в политике, избираясь в муниципальные думы и региональные парламенты. Крупные компании придерживаются, как правило, несколько иной стратегии: они либо договариваются о включении в партийные списки кандидатов своих креатур в обмен на оказание финансовой (спонсорской) помощи партиям, либо «двигают» в представительные и законодательные органы менеджеров среднего звена (это характерно в большей степени для муниципальных дум). Это ограждает предпринимателей от обращения к коммуникационным агентствам, ограничивает спрос на GR-услуги. Во-вторых, отсутствие на федеральном уровне закона о лоббистской деятельности, правовой основы для легализации данного института сдерживает рост рынка лоббистских услуг в России.

Заключение

Для западных стран характерна такая практика, как «вращающиеся двери», т.е. трудоустройство бывших парламентариев и членов правительства в консалтинговые компании в качестве лоббистов и предприятия на должности GR-менеджеров. Число исследований феномена «вращающихся дверей» в России на федеральном уровне носит крайне ограниченный характер, что

³ Перечень системообразующих организаций, осуществляющих деятельность на территории Свердловской области от 8 мая 2020 г. № 01–01–51/50. (без даты). Взято 20 мая 2021, с <https://mpr.midural.ru/deyatelnost/sistemoobrazuyushchie-predpriyatiya/>

может являться одним из направлений будущих исследований. В данной статье в качестве объекта исследования была выбрана Свердловская область. Изучив трудовые биографии региональных министров, мы пришли к выводу, что коммерческие компании являются вторым по популярности местом работы как до назначения, так и после освобождения лицами министерской должности. Другое дело, что, как показал наш анализ, экс-министры трудоустраиваются директорами, а не руководителями, которые курируют GR-отделы. Этому есть два объяснения. Во-первых, имеет место ограниченное предложение. Как показал наш анализ органов управления предприятий Среднего Урала, только у 7% из них есть соответствующие структурные подразделения. Во-вторых, можно говорить и об ограниченном спросе, т. к. руководители бизнеса (особенно малого и среднего), если они решили пойти в политику, в том числе для продвижения корпоративных интересов, предпочитают не обращаться в коммуникационные агентства за GR-сопровождением, а стремятся напрямую принимать участие и лично выдвигаться в депутаты.

Важно сказать и об ограничениях исследования. Во-первых, к данным выводам мы пришли на основе выбранной нами методологии (формально-институционального подхода) и методов (анализ открытых источников) исследования. Основные положения могут быть детализированы при использовании других методов сбора данных, например, экспертных интервью в силу того, что, как отмечалось выше, лоббистская деятельность в РФ не легализована, т. е. преобладают неформальные практики. Во-вторых, другим направлением дальнейших исследований может стать изучение практики «вращающихся дверей» не на уровне региональных министров, а на уровне бюрократии среднего звена (руководителей подразделений министерств), но здесь может возникнуть проблема, связанная с отсутствием биографических данных в открытых источниках. Еще одним направлением может выступить изучение руководства консалтинговых агентств на предмет представленности выходцев из органов власти.

Таким образом, чтобы говорить об отсутствии или наличии практики «вращающихся дверей» в региональной правящей/политической элите в целом, нужно использовать более тонкие настройки, а также расширять персональную базу исследования, т. к. используемые в настоящей работе методики не позволяют на 100% выявить эту практику и сделать однозначные выводы.

References

1. Baxter, L. G. (2012). Understanding regulatory capture: An Academic perspective from the United States. In S. Pagliari (Ed.), *The making of good financial regulation* (pp. 31–39). Guildford: Guildford House Publishing Ltd.
2. Blanes i Vidaly, J., Draca, M., & Fons-Rosen, C. (2012). Revolving door lobbyists. *American Economic Review*, 102(7), 3731–3748. <https://doi.org/10.1257/aer.102.7.3731>
3. Cerrillo-i-Martínez, A. (2016). Beyond revolving doors: The prevention of conflicts of interests through regulation. *Public Integrity*, 19(4), 357–373. <https://doi.org/10.1080/10999922.2016.1225479>
4. Coen, D., & Vannoni, M. (2016). Sliding doors in Brussels: A career path

analysis of EU affairs managers. *European Journal of Political Research*, 55(4), 812–826. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12151>

5. Coen, D., & Vannoni, M. (2020). Where are the revolving doors in Brussels? Sector switching and career progression in EU business–government affairs. *The American Review of Public Administration*, 50(1), 3–17. <https://doi.org/10.1177/0275074019861360>

6. David-Barrett, E. (2011). Cabs for hire? The revolving door between government and business. Retrieved May 20, 2021, from <http://www.transparency.org.uk/publications/cabs-for-hire-fixing-the-revolving-door-between-government-and-business-2/>

7. Eggers, A. (2010). The partisan revolving door. Working paper, Harvard University. Retrieved May 20, 2021, from http://andy.egge.rs/papers/partisan_revolving_door.pdf

8. Gebhardt, M., & Saz-Carranza, A. (2018). European revolving doors: corporate boards in Germany and Spain. ESADEgeo Working paper 30. Retrieved May 20, 2021, from https://itemsweb.esade.edu/wi/esadegeo/workingpapers/17_18/201802%20WP%20Gebhardt%20%20Saz-Carranza%20-%20European%20revolving%20doors.pdf

9. LaPira, T.M., & Thomas, H.F. (2014). Revolving door lobbyists and interest representation. *Interest Groups & Advocacy*, 3(1), 4–29. <https://doi.org/10.1057/iga.2013.16>

10. Law, M.T., & Long C.X. (2012). What do revolving-door laws do? *Journal of Law and Economics*, 55(2), 421–436. <https://doi.org/10.1086/663630>

11. Lazarus, J., McKay, A., & Herbel, L. (2016). Who walks through the revolving door? Examining the lobbying activity of former members of Congress. *Interest Groups & Advocacy*, 5(1), 82–100. <https://doi.org/10.1057/iga.2015.16>

12. Niessen, A., & Ruenzi, S. (2009). Political connectedness and firm performance: Evidence from Germany. *German Economic Review*, 11(4), 441–464. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0475.2009.00482.x>

13. Silva, M. (2019). The European Union’s revolving door problem. In D. Dialer, & M. Richter (Eds.), *Lobbying in the European Union* (pp. 273–289). Springer: Cham.

14. Wirsching, E. (2018). The revolving door for political elites: An empirical analysis of the linkages between government officials’ professional background and financial regulation. Retrieved May 20, 2021, from <https://www.oecd.org/corruption/integrity-forum/academic-papers/Wirsching.pdf>

Информация об авторах

Руслан Салихович Мухаметов, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, e-mail: muhametov.ru@mail.ru

Никита Александрович Буянов, студент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: super.nick98@yandex.com

Information about the authors

Ruslan Salikhovich Mukhametov, Candidate of Political Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, e-mail: muhametov.ru@mail.ru

Nikita Alexandrovich Buyanov, student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, e-mail: super.nick98@yandex.com

МОЛДАВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ДВА ПРОЕКТА, ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Кристина Александровна Павлюк,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
cristinabuga.perso@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.05.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Павлюк К.А. Молдавская идентичность: два проекта, два пути развития страны // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 142–159. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_142

Аннотация

Цель статьи – выявить особенности формирования национальной идентичности в Республике Молдова, а также изучить общественно-политические реалии, препятствующие концептуализации единых ориентиров в общественном сознании. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в Молдове консенсуса по поводу вопроса национальной идентичности. С момента обретения собственной государственности и по сей день этот вопрос является одним из самых серьезных вызовов для развития страны. Ярким примером является тот факт, что все чаще молдавские политики используют этническую принадлежность и язык в своих партийных интересах, углубляя тем самым раскол и противоречия в обществе. К тому же, в преддверии парламентских выборов 2021 г., на фоне острого экономического кризиса, в отсутствие необходимых ресурсов для обеспечения масштабных экономических проектов с целью преодолению трудностей, вызванных пандемией COVID-19, наиболее вероятно, что вопросы идентичности и внешнеполитического вектора страны станут основополагающими. В первой части статьи обозначены наиболее знаковые вехи и периоды истории формирования молдавской идентичности в контексте изменчивых границ и геополитического соперничества соседних государств. Во второй части уделено внимание изучению двух крупных проектов

© Павлюк К.А., 2021

по формированию национальной идентичности: один касается строительства румынской национальной идентичности, другой – молдавской нации. В третьей части представлены позиции политических партий, являющихся сторонниками этих двух взаимоисключающих проектов. Сделан вывод о том, в Республике Молдова политический и культурный проекты не совпадают. Следствием этого является слабая политическая и институциональная инфраструктура для поддержки румынского культурного проекта и, с другой стороны, непоследовательность молдавского проекта, лишённого необходимой символической и культурной силы. От будущего вектора развития национально-государственной идентификации молдавского народа зависят как отношения с другими странами, так и внутривнутриполитический курс страны.

Ключевые слова:

национальная идентичность, Республика Молдова, прорумынский проект, молдавская нация, политические партии, этническая принадлежность, государственный язык.

UDC 32.019.5

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_142

MOLDOVAN IDENTITY: TWO PROJECTS, TWO WAYS OF STATE DEVELOPMENT

Cristina A. Pavliuc,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,
cristinabuga.perso@gmail.com

Article received on May 04, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Pavliuc, C.A. (2021). Moldovan Identity: Two Projects, Two Ways of State Development. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 142-159. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_142

Abstract

The purpose of this article is to identify the peculiarities of the national identity formation in the Republic of Moldova, as well as to study the socio-political realities preventing conceptualization of common guidelines in the public consciousness. The relevance of the study is due to the lack of consensus in Moldova on the issue of national identity. This issue has been one of the most serious challenges for state development since gaining its own statehood. A striking example is the fact that Moldovan politicians are increasingly using ethnicity and language in their party interests, thereby deepening the split and contradictions in society. In addition, on the eve of the 2021 parliamentary

elections, against the backdrop of an acute economic crisis, in the absence of necessary resources to ensure large-scale economic projects in order to overcome the difficulties caused by the COVID-19 pandemic, it is most likely that the issues of the identity and the foreign policy vector will become fundamental. The first part of the article outlines the most significant milestones and periods in the history of the formation of Moldovan identity in the context of the changing borders and geopolitical rivalry of neighboring states. The second part is focused on the study of two major projects on building the national identity: one is based on the Romanian national identity, and the other – on the Moldovan nation. The third part presents the positions of the political parties promoting these two mutually exclusive projects. It is concluded that the political and cultural projects in the Republic of Moldova do not coincide. The consequence of this is the weak political and institutional infrastructure to support the Romanian cultural project and, on the other hand, the inconsistency of the Moldovan project, lacking the necessary symbolic and cultural strength. Both relations with other states and the internal political course of the country depend on the future vector of development of the national-state identification of the Moldovan people.

Keywords:

national identity, Republic of Moldova, pro-Romanian project, Moldovan nation, political parties, ethnicity, state language.

Введение

С обретением в 1991 г. независимости и формированием собственной государственности, в Республике Молдова не было сформировано четкое определение титульной нации или «этнической группы большинства». И эта тема продолжает вызывать бурные дебаты как среди элит, так и среди широкой молдавской общественности. Построить общую идентичность вокруг этнической идентичности большинства населения невозможно, поскольку «титульная нация» или «этническое большинство» делятся на «румынскую» и «молдавскую» идентичности. Те, кто идентифицирует себя в качестве румын, утверждают, что молдавская идентичность – искусственная конструкция, разработанная советскими идеологами. Настоящая национальная идентичность народа – румынская. Те, кто считает себя молдаванами, заявляют обратное: в последние века возникла самостоятельная молдавская нация. Она имеет собственную идентичность, отличающуюся от русской или румынской, со своим набором исторически признанных ориентиров и символов идентичности.

Политики используют недопонимание, противоречивые взгляды и различные устремления тех или иных этнических сообществ в своих целях. Политика молдавского правительства до сих пор заключалась в том, чтобы избежать четкого и неудобного обсуждения этой проблемы или принимать меры для решения практических вопросов, которые могли бы улучшить ситуацию и заложить основу для возникновения общей идентичности граждан Республики Молдова.

В первой части работы мы обозначим наиболее знаковые вехи и периоды истории формирования молдавской идентичности в контексте изменчивых гра-

ниц и геополитического соперничества соседних государств. Во второй части особое внимание будет уделено изучению двух крупных проектов по формированию национальной идентичности: один касается строительства румынской идентичности, другой – молдавской нации. В третьей части обозначим позиции политических партий, являющихся сторонниками этих двух взаимоисключающих проектов, и определим, как молдавские политики используют разлом идентичности в качестве инструмента манипуляции.

История формирования молдавской идентичности

Рассмотрим процесс формирования молдавской идентичности в контексте изменчивых границ и геополитического соперничества соседних государств.

Республика Молдова «зажата» между Украиной и Румынией. Исторически территория современной Молдовы подвергалась влиянию ведущих региональных игроков, большую часть времени – Османской империи (XV–XVIII вв.), Российской империи (1812–1918 гг.) и Советского Союза (1940–1991 гг.). Княжество Молдова достигло своего территориального и политического апогея при Штефане чел Маре (1457–1504) вследствие длительного периода внутренней стабильности, экономического процветания и социального спокойствия. Благодаря выдающимся качествам Штефана чел Маре как государственного деятеля, дипломата и военачальника Молдавское княжество успешно противостояло более сильным соперникам – Османской империи, Польше, Венгрии, и преодолело основные внутривосточные и экономические кризисы. Государство смогло не только сохранить независимость, но и стало значительной политической силой в Восточной Европе, признанной на международной арене. Хотя Молдова долгий период и находилась под сюзеренитетом Османской империи, это не повлекло за собой серьезных культурных последствий. Турки не имели права жить в Молдове, распространять ислам или сооружать на ее территории мечети. На княжество не распространялось мусульманское законодательство, исключалась возможность набирать ясырь¹.

С 1812 по 1917 гг. восточная часть исторического Молдавского княжества (известная как Бессарабия и включающая территорию современной Молдовы) входила в состав Российской империи. Важно отметить, что в то время как западная часть Молдовы приступила к процессу формирования румынского государства и румынской национальной идентичности, Бессарабия как провинция Российской империи не участвовала в данном процессе. Изоляция жителей этого региона от Румынии и массовая русификация коренного населения – чрезвычайно важные предпосылки для изменения этнолингвистической идентичности. Впоследствии это станет одним из важнейших исторических аргументов, почему румынский проект по национальному строительству столкнулся в регионе с непреодолимыми трудностями² (см. также: Cırseu, 2020; Goşu, 2018; King, 2002).

Хотя впоследствии Бессарабия на короткий период (с 1918 по 1940 гг.) была присоединена к Румынии, это не сформировало чувство принадлежности

¹ Турция не имела права набирать пленников для своего янычарского корпуса

² Petrescu, C. (2012, August 14). *Construcția identității naționale*. Retrieved April 5, 2021, from <http://www.criticatac.ro/construcia-identitaii-naionale/>

молдаван к румынской нации. Языковая идентичность оказалась недостаточной, чтобы заставить местное население воспринимать общее историческое происхождение с румынами. Они считали себя молдаванами, а если и рассматривали какое-либо родство с другим народом, то ассоциировали себя скорее с русскими, а не румынами³.

В 1940 г. Бессарабия стала частью Советского Союза. Годом позже, во время вторжения стран Оси в СССР, Бессарабия была занята немецко-румынскими войсками и вновь присоединена к Румынии до 1944 г., когда она была освобождена Красной Армией в ходе Уманско-Ботошанской и Ясско-Кишиневской наступательных операций. В 1944 г. эта территория снова стала частью Советского Союза, что продолжалось до 1991 г.

С обретением независимости в 1991 г. и формированием собственной государственности в повестку дня был включен вопрос относительно молдавской национальной идентичности, языка и этногенеза. Основопологающим для этого процесса стало наследие прошлого. Становление государственности Молдовы, находясь в сфере интересов ряда геополитических игроков, зависело от социокультурной среды ведущих региональных государств. Различные геополитические сценарии, в которых участвовала Молдова, создали ряд основополагающих конструкций идентичности населения, которые со временем укоренились, и вокруг которых разыгрался конфликт после распада Советского Союза. Это и привело к дуальному конструированию идентичности (самоидентификации, приверженности определенному набору мнений, ценностей, исторического опыта и чувства принадлежности к тем или иным этническим сообществам).

Противостояние двух идентичностей

Обзор современной истории Республики Молдова показывает, что было два крупных проекта по формированию национальной идентичности: один касался строительства румынской идентичности (с 1918 по 1940 гг.), другой – молдавской нации (в советское время). Момент провозглашения независимости Республики Молдова стал моментом одновременного возобновления этих двух проектов идентичности.

Первый проект – «мы румыны» – основывается на том, что Молдова должна развиваться духовно и политически как единое этническое государство (Симроецу, 2016). А главным элементом, лежащим в основе национальной культуры, должен быть румынский язык как язык этнической группы большинства. С этой точки зрения молдавская нация – искусственная конструкция, разработанная советскими идеологами с тем, чтобы узаконить, оправдать и сохранить отдаление Молдовы от ее истинных корней. Согласно этому направлению, все граждане Республики Молдова, говорящие на румынском языке, независимо от их самоопределения, являются румынами.

Группа, разделяющая прорумынскую позицию, всегда играла значимую роль среди политической и интеллектуальной элиты страны. Особенно это было заметно в течение трех периодов современной истории Молдовы: в 1989–1993,

³ Ibid.

1998–2001 и 2009–2017 гг. Об этом свидетельствуют такие факты, как перевод молдавской письменности на латиницу, провозглашение румынского языка государственным, введение и сохранение в школьных и университетских программах предметов «История румын» и «Румынский язык и литература» и т. д. Важно отметить, что нынешний президент страны Майя Санду также является сторонницей этих идей. Она неоднократно отмечала, что является румынкой в душе и по паспорту (двойное гражданство в Молдове не редкость). Тем не менее президент придерживается прагматичного подхода, считая, что «воссоединение с Румынией – предмет спекуляций, разделяющих общество»⁴.

Второй проект культурно-политической идентичности – «мы молдаване» – берет свое начало в советской политике, которая подчеркивала различия между молдаванами и румынами, пытаясь создать из молдаван, проживающих в этом регионе (а также в некоторых регионах Советской Украины), нацию, отличающуюся от румын (Pușcaș & Roman, 2019). В Молдавской ССР культивировался особый сорт национализма, чтобы создать преграду на пути возможных румынских или юнионистских устремлений. Этот проект длился более 50 лет и не остался без результатов. Так, после провозглашения независимости Республики Молдова большая часть населения за пределами Прута продолжала считать себя молдаванами (King, 2002). Стоит отметить, что различные этнокультурные сообщества Молдовы также традиционно поддерживали сторонников молдавской идентичности коренного населения, опасаясь, что румынская идентичность – это шаг к объединению с Румынией. К тому же поднявшаяся в Молдове волна румынского национализма в конце 1980-х спровоцировала сепаратистскую реакцию в населенных пунктах, заселенных преимущественно гагаузами и русскоязычными жителями Гагаузии и Приднестровья (последнее фактически отделилось в результате приднестровского конфликта).

Обзор этнического состава населения Молдовы указывает на то, что большинство населения является все-таки сторонниками молдавской идентичности. По данным последней переписи населения, прошедшей в 2014 г., в Республике Молдова проживают около 2,8 млн. человек (таблица 1). Среди них 75,1 % определяют себя молдаванами и только 7,0 % считают себя румынами. Украинцы составляют 6,6 %, гагаузы – 4,6 %, русские – 4,1 %, болгары – 1,9 %, рома – 0,3 %, другие национальности, включая евреев, белорусов, поляков, армян, немцев, татар, – 0,5 %.

Таблица 1 – Общая численность и этнический состав населения Молдовы по данным переписей 2004 и 2014 гг. (Национальное бюро статистики Республики Молдова⁵)

	2004 г.	2014 г.
Общая численность населения	3383332	2804801

⁴ *Maia Sandu pentru presa rusă: „Unirea cu România, subiect de speculații care dezbină societatea”* (2019, July 31). Retrieved April 5, 2021, from <https://www.ziarulnational.md/maia-sandu-pentru-presa-rusa-unirea-cu-romania-subiect-de-speculatii-care-dezbina-societatea/>

⁵ *Recensământului Populației și al Locuințelor 2014* (n. d.). Retrieved April 5, 2021, from <https://recensamint.statistica.md/ro>

	2004 г.	2014 г.
Этническое принадлежность населения, % от общей численности населения		
Молдаване	76,1	75,1
Украинцы	8,4	6,6
Русские	6,0	4,1
Гагаузы	4,4	4,6
Румыны	2,2	7,0
Болгары	1,9	1,9
Рома	0,4	0,3
Другие этнические принадлежности	0,7	0,5

Обзор этнолингвистической статистики Молдовы дополняет эту информацию: большинство населения, примерно 55 %, определяет свой язык как молдавский, 24 % населения считает, что язык, на котором они обычно разговаривают, румынский (таблица 2). На русском в повседневной жизни разговаривают 14,5 %.

Таблица 2 – Языковая структура населения по данным переписей 2004 и 2014 гг. (Национальное бюро статистики Республики Молдова⁶)

	2004 г.	2014 г.
Общая численность населения	3383332	2804801
Язык, на котором обычно разговаривают, % от общей численности населения		
Молдавский	59,0	54,6
Украинский	3,9	2,7
Русский	16,1	14,5
Гагаузский	3,1	2,7
Румынский	16,5	24,0
Болгарский	1,1	1,0
Романи	0,0	0,2
Другие языки	0,3	0,3

Стоит отметить, что почти все граждане, чей родной язык румынский/ молдавский, также свободно говорят или по крайней мере понимают русский язык и знают русскую культуру. Есть определенные основания считать, что все этнические сообщества, вне зависимости от их этнической принадлежности, определяют себя как «русскоязычные» и не придерживаются обязательно своих этнических традиций и языка (Lavric, 2017). Прежде всего это касается гагаузов,

⁶ Ibid.

болгар, украинцев и т. д. Все нормативные акты, издаваемые центральными органами государственной власти, переводятся на русский язык.

Тем не менее характеристики языкового состава Молдовы указывают на то, что румынский проект постепенно набирает обороты. По сравнению с 2004 г. количество тех, кто придерживается мнения, что их национальный язык румынский, увеличилось примерно на 50 %, и это за счет тех, кто идентифицировал свой родной язык как молдавский. Они составляют четверть населения. Сторонниками румынского проекта культурной идентичности является преимущественно часть интеллектуальной элиты страны и среднего класса⁷. Обычные люди, как отмечает П. Негура, «совершенно откровенно и без скрытых мыслей идентифицируют себя как молдаване (или украинцы, русские, гагаузы и т. д.) и дальше думают о своих делах, несмотря на бесконечные дискуссии в «публичном пространстве» столицы о том, «кто мы и откуда». А когда у них нет возможности достойно жить дома, они уезжают в Россию или Италию, чтобы «заработать на жизнь» и содержать свою семью»⁸.

Румынский проект интеллектуальной элиты не совпадает с проектом политической элиты, которая скорее заинтересована в молдавском проекте как наиболее подходящем для обеспечения легитимности молдавской государственности. Другими словами, в Республике Молдова политический и культурный проекты не совпадают. Следствием этого является, с одной стороны, слабая политическая и институциональная инфраструктура для поддержки румынского культурного проекта, с другой – непоследовательность молдавского проекта, лишённого необходимой символической и культурной силы.

Несмотря на то, что большинство молдавских граждан объявляют себя молдаванами, молдавский проект идентичности шаток, т. к. лишен устойчивых смыслообразующих характеристик (ценностей, норм, идеалов, символов, целей и т. д.). Результаты нескольких опросов, связанных с восприятием идентичности и основными ценностями граждан Молдовы, выявили, что большинство тех, кто называют себя молдаванами, не могут четко обозначить характеристики своей социальной общности. На вопрос, чем отличаются молдаване от румын, опрошенные отвечали уклончиво или шутили⁹: «Мы, молдаване, режем на Рождество поросенка, а румыны – корову», «Мы, молдаване, произошли от Адама и Евы, а румыны – от тех младенцев, которых вскармливала волчица»¹⁰. Скучный культурно-символический арсенал сторонников промол-

⁷ Stoiciu, V. (2012, August 22). *Imperialism românesc și schizofrenie identitară în Republica Moldova*. Retrieved April 5, 2021, from <http://www.criticatac.ro/imperialism-romanesc-schizofrenie-identitar-republica-moldova/>

⁸ Negura, P. (2012, September 4). *Criza identității naționale în Republica Moldova: o problemă a maselor sau o problemă a elitelor?* Retrieved April 5, 2021, from <https://www.criticatac.ro/criza-identitii-naionale-republica-moldova-problem-maselor-sau-problem-ELITELOR/>

⁹ Stoiciu, V. (2012, August 22). *Imperialism românesc și schizofrenie identitară în Republica Moldova*. Retrieved April 5, 2021, from <http://www.criticatac.ro/imperialism-romanesc-schizofrenie-identitar-republica-moldova/>

¹⁰ По легенде основателями Рима были братья-близнецы Ромул и Рем, дети бога войны Марса и царской дочери. Тиран, захвативший власть в городе силой, решил

давских взглядов затрудняет формулирование национальной идентичности через «значимого другого», т. е. определение самобытности, национальных интересов в противовес Румынии разобщает население и создает социальную напряженность. Большинство граждан Молдовы считают, что не существует национальной идеи, которая сплотила бы население (Groza et al., 2017, p. 32). Локальные политические элиты пользуются этой ситуацией, чтобы играть на противоречиях и крайностях, раскалывая общество.

Еще одна проблема формирования общемолдавской идентичности – выбор модели развития и главного внешнеполитического вектора страны. Существуют два альтернативных сценария: 1) дальнейшее сближение с Евросоюзом на основе общих ценностей, углубления экономических и торговых отношений, усиления сотрудничества в сфере юстиции, свободы и безопасности; 2) экономическая интеграция в рамках стран СНГ и налаживание равноправного и взаимовыгодного сотрудничества со странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На сегодняшний день в Молдове отсутствует однозначное мнение по поводу выбора западного или восточного вектора развития. Согласно социологическому опросу, проведенному в марте 2021 г., 60 % респондентов заявили, что проголосовали бы за объединение Молдовы с ЕС. Однако 50 % тех же опрошенных высказались и за вступление в ЕАЭС¹¹. Это доказывает, что геополитические предпочтения нынешнего населения (ЕС против Таможенного союза во главе с Россией) также распределены почти поровну. Но несмотря на широкую популярность пророссийских взглядов в молдавском обществе, рост прорумынских и проевропейских настроений становится все более важным фактором общественно-политической жизни.

Современная статистика по трудовой миграции населения является показательным критерием, за какую из сторон народ «голосует трудом» – за Евросоюз или Таможенный союз. По данным Национального бюро статистики Республики Молдова, в 2006–2018 гг. трудовая миграция сохранялась приблизительно на одинаковом уровне, составляя около 300 тыс. человек, или около 24 % от экономически активного населения страны. В Российской Федерации трудится примерно половина, но за последние годы наблюдается динамика постепенного сокращения численности молдавских трудовых мигрантов в РФ (таблица 3).

Анализ данных о странах назначения трудовых мигрантов из Республики Молдова указывает на то, что Россия перестала привлекать их после кризиса 2015 г., который способствовал девальвации рубля и, с одной стороны, снизил спрос на строительном рынке, где активна большая часть молдаван, с другой – уменьшил доход работающих¹². Поэтому трудовые мигранты из Молдавии переориентировались на Европу.

устранить претендентов на трон и приказал выбросить их в плетеной корзине в реку Тибр. Бурное течение выпросило корзину на берег, где детей нашла и вскормила волчица.

¹¹ Petruți, D. (2021). *Barometrul socio-politic*. Retrieved April 5, 2021, from <http://imas.md/rom/studii-socio-politice>

¹² *Migrația în scop de muncă: Profilul și provocările actuale ale lucrătorilor migrați moldoveni în principalele țări de destinație* (2020). Chișinău. Retrieved April 5, 2021, from https://www.md.undp.org/content/moldova/ro/home/library/inclusive_growth/tendin_e

Таблица 3 – Динамика общего числа населения, экономически активного населения (ЭАН), трудовых мигрантов, трудовых мигрантов в РФ и их отношение в% к ЭАН (Национальное бюро статистики Республики Молдова¹³)

Год	Всего население, тыс. чел.	Экономически активное население, тыс. чел.	Трудовые эмигранты, тыс. чел.	Трудовые эмигранты в РФ, тыс. чел.	Трудовые эмигранты в РФ, % от общей численности трудовых эмигрантов
2006	3589,9	1357,2	310,1	192,5	62,08
2007	3581,1	1313,9	335,6	210,8	62,81
2008	3572,7	1302,8	309,7	191,1	61,70
2009	3567,5	1265,3	294,9	177,2	60,09
2010	3563,7	1232,0	311,0	191,9	61,70
2011	3560,4	1258,0	316,9	204,8	64,63
2012	3559,5	1215,0	328,3	223,4	68,05
2013	3557,6	1215,0	332,5	223,6	67,25
2014	2856,9	1298,8	341,9	232,8	68,09
2015	2834,5	1265,6	325,4	206,2	63,37
2016	2802,2	1272,8	319,0	184,8	57,93
2017	2755,2	1259,1	318,4	164,6	51,70
2018	2708,2	1290,7	352,7	147,7	41,88

Объем переводимых в страну денег от работающих за рубежом также доказывает эту динамику. Согласно данным Национального банка Молдовы, денежные переводы из стран Евросоюза в 2020 г. увеличились по сравнению с 2019 г. на 44,3%, а из стран СНГ уменьшились почти на 17,4%. При этом 47% денег поступили из стран ЕС (679,6 млн. долл. США) и только 15% из стран СНГ¹⁴ (216,9 млн. долл. США). Отметим, что в период с 2015 по 2020 гг. доля денежных переводов из стран СНГ и ЕС продемонстрировала очевидную отрицательную корреляцию (рисунок 1).

Тактика построения, развития и эволюции румынской идентичности в Молдове основана на продвижении и развитии румынского языка, общих культурных ценностях, а также присутствии Румынской Православной Церкви

actuale-ale-migraiei-forei-de-munc – evidene-empirice-i-.html

¹³ *Populatia de 15 ani si peste, aflata la lucru sau in cautare de lucru, in strainatate* (2019). Retrieved April 5, 2021, from https://statbank.statistica.md:443/PxWebPxWeb/pxweb/ro/30/Statistica-sociala/30-Statistica-sociala_03-FM_03-MUN2000_MUN070/MUN070200.px/

¹⁴ В структуре переводов из стран СНГ преобладают переводы из России (92,4%).

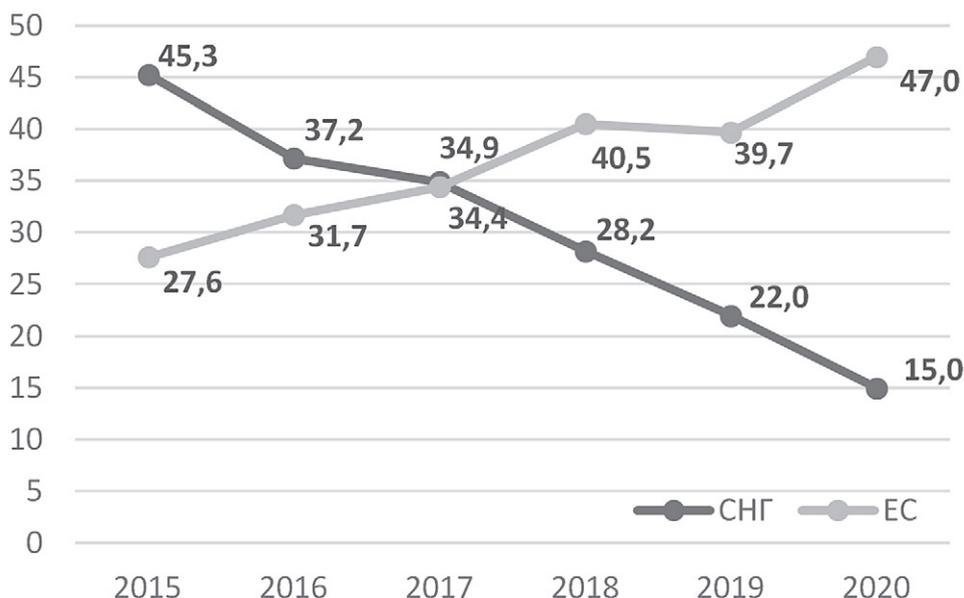

Рисунок 1 – Динамика денежных переводов в пользу физических лиц из стран ЕС и СНГ в 2015–2020 гг.,% (Национальный банк Молдовы¹⁵)

на территории страны (за счет расширения доходов и повышения ее статуса). Важно отметить, что множество этих проектов напрямую финансируются или получают организационную поддержку румынской стороны через Посольство Румынии в Республике Молдова или по линии румынского Министерства иностранных дел и Департамента по делам румынских сообществ за рубежом (так называемого «Министерства по делам румын отовсюду»). Особое внимание уделяется проектам по финансированию средств массовой информации, НПО и национальных институтов, нацеленных на продвижение прозападных ценностей. Также повышенное внимание уделяется образовательным проектам (предоставление стипендий молдавским студентам для обучения в румынских вузах), финансированию различных культурных проектов, в том числе празднования столетия Великого объединения двух стран, и т. д.¹⁶

¹⁵ *Evoluția transferurilor de mijloace bănești din străinătate efectuate în favoarea persoanelor fizice prin intermediul băncilor din Republica Moldova în anul 2020 (decontări nete)* (2021, February 2) Retrieved April 5, 2021, from <https://www.bnm.md/ro/content/evolutia-transferurilor-de-mijloace-banesti-din-strainatate-efectuate-favoarea-33>

¹⁶ *Sprijin financiar acordat Republicii Moldova* (2020). Retrieved May 5, 2021, from <https://chisinau.mae.ro/node/777>; *Strategia Națională pentru Românii de Pretutindeni pentru perioada 2017–2020* (2017, October 16). Retrieved April 5, 2021, from <http://www.mprp.gov.ro/web/strategia-privind-relatia-cu-romanii-de-pretutindeni-2/>

Альтернативным сценарием по линии сближения Молдовы с Румынией на основе общих ценностей выступает дальнейшее сближение страны с Евросоюзом. В настоящее время Республика Молдова является частью Восточного партнерства ЕС – специфического восточного измерения Европейской политики соседства, направленного на укрепление отношений между государствами-членами ЕС и шестью восточными соседями: Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Основная цель – создать необходимые условия для ускорения политической ассоциации и экономической интеграции. Тактика реализации данного подхода подразумевает сотрудничество в широком спектре вопросов, представляющих взаимный интерес: эффективное управление, соблюдение прав и свобод граждан, безопасность и правосудие, интеграция торговли, экономическое сотрудничество, социальная политика, финансовое управление, реформы государственного управления и гражданской службы, формирование гражданского общества, институциональное строительство, сокращение масштабов нищеты, устойчивое развитие и др.¹⁷

Тактика молдавского проекта основана на продвижении собственной самоидентификации и сохранении традиционного названия молдавского языка. В этом контексте особое внимание уделяется историческому нарративу (Штефан чел Маре, великое Княжество Молдова). Множество проектов культивируют позитивное эмоциональное участие в местной символической географии (Кодры, Старый Орхей, Сорока, Кишинев – «цветок из камня»), восхваляют этническую культуру, музыку и кухню Молдовы. Наряду с продвижением основных представлений о культурной идентичности и самоидентификации молдаван, сторонники данного проекта ратуют за сближение с Таможенным союзом и Единым экономическим пространством. В 2018 г. Молдова по инициативе Игоря Додона, занимавшего в то время пост президента, получила статус страны-наблюдателя в ЕАЭС¹⁸.

К сожалению, проекты участия Молдовы в указанных выше интеграционных объединениях с трудом сосуществуют вместе, т.к. европейские нормы и стандарты, необходимые для сертификации и контроля качества продукции, поставляемой на экспорт, значительно отличаются от стандартов ЕАЭС. Они касаются как качества самого продукта, так и условий его производства. Различные нормы особенно важно внедрять и соблюдать в процессе выращивания сельскохозяйственных культур¹⁹ (эта продукция составляет важнейшую часть молдавского экспорта).

¹⁷ *Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Moldova, of the other part* (2014, August 30). Retrieved April 5, 2021, from <http://dcfta.md/eng/association-agreement-between-the-republic-of-moldova-and-european-union>

¹⁸ *Президент Республики Молдова принял участие в расширенном заседании Высшего Евразийского экономического совета* (2019, 20 декабря). Взято 5 апреля 2021, с <http://www.presedinte.md/rus/presa/presedintele-republicii-moldova-a-participat-la-sedintele-largita-a-consiliului-economic-suprem-eurasiatric>

¹⁹ Агрпромышленный комплекс Молдовы не соответствует требованиям, которые выдвигает ЕС для стран, участвующих в процессе интеграции. При этом возможно или массовое банкротство сельскохозяйственных предприятий, или существенное повышение

Названные культурно-идентичные проекты создают огромные трудности на пути формирования ценностно-ориентированной государственности Молдовы. Как отмечают специалисты, от того, какой вектор развития выберет страна, в конечном счете зависят как ее отношения с другими странами и народами, так и внутривнутриполитическая, социальная и духовная жизнь, поскольку именно политическая идентификация определяет общий смысл жизни государства, служит укреплению солидарности граждан, легитимности политического порядка, задает ценностные координаты политических действий (Ильичева, Комаровский, 2020, с. 19). В обществе с дуальным проектом идентичности любая тематическая дискуссия, будь то идеологическая, политическая или экономическая, терпит неудачу, т. к. обычно переходит в конфликтную полемику об идентичности. В контексте неустойчивой национально-государственной идентичности трудно сформулировать долгосрочные цели развития страны – в той мере, в которой они должны быть определены и приняты обществом (Gagauz et al., 2016).

Разлом идентичности как инструмент манипуляции молдавских политиков

Политические партии, особенно во время избирательных кампаний, часто прибегают к раздуванию ностальгических чувств и фобий. Некоторые из них настаивают на том, что Республика Молдова является «вторым румынским государством», что «мы все румыны». Другие, напротив, акцентируют важность русского языка, обещая сделать его вторым государственным. В частности, это была одна из тем избирательной кампании ПКРМ (Коммунистической партии) в 2001 г., что помогло ей выиграть выборы, а также ПСРМ (Социалистической партии), что позволило получить наибольшее количество мест в крайне фрагментированном парламенте в 2014 г.

На сегодняшний день в Молдове открыто действуют и политические партии, выступающие за объединение с Румынией. Обзор политического спектра партий показывает, что за унионизм выступают: Альянс за объединение румын, Партия народного единства Октавиана Цыку, Либеральная партия Дорина Киртоакэ, Национал-либеральная партия Виталии Павличенко, Союз спасения Бессарабии Валериу Мунтяну, Народная румынская партия Татьяны Потынг, Зеленая экологическая партия Виталия Маринуцы, Демократия дома Василе Костюка. А в качестве латентно унионистских можно обозначить либерал-демократов во главе с Владом Филатом, народных европейцев, возглавляемых Еудженом Стурзой, Демократическую альтернативу Михая Годя, Pro Moldova Андриана Канду, Демократическую партию Павла Филипа, Европу строим дома Георге Кавкалюка, Силу народа Руслана Кодряну. 27 марта 2021 г., на 103-ю годовщину присоединения Бессарабии к Румынии, в Молдове появилась еще одна унионистская партия – филиал Альянса за объединение румын (AUR). В тот же день в парламенте провели торжественное заседание, на котором депутаты-унионисты дали волю чувствам.

цен на отечественную продукцию, которая станет недоступной среднестатистическому потребителю (Перчинская, 2013, с. 31).

Если в 2001–2009 гг. унионизм был формой антиправительственного протеста, то в 2009 г. вполне открытые унионисты пришли к власти, обещая золотые горы. Опыт показал, что к этой теме часто обращались коррумпированные чиновники, что в итоге привело к бездарному правлению, прикрывавшемуся псевдопатриотическими темами о том, что их миссия воссоединить Молдову с Румынией (Сирсеа, 2020). В результате, согласно последнему социологическому опросу, проведенному в стране в марте 2021 г., всего 36 % респондентов выступают за объединение с Румынией, тогда как 54 % высказались против²⁰.

В противоположном политическом спектре находятся те, кто использует русский язык и этническое разделение населения для достижения своих политических целей, вызывая страхи и подпитывая стереотипы. Эту тему неоднократно использовали коммунисты и социалисты. Такая эксплуатация языковой идентичности и геополитических тем для узких партийных интересов усугубляет разногласия и недопонимание в обществе. Многоплановые демаркационные линии, используемые политиками, препятствуют конструктивному диалогу, основанному на общих целях и задачах молдавского государства. Вместо того чтобы сосредоточиться на усилении социальной сплоченности и интеграции этнических общин, повышении качества преподавания национального языка и развитии лояльности к стране среди ее граждан, дискуссия в обществе фокусируется на трех вопросах поляризации: румынский язык против молдавского, румыны против молдаван, история Румынии против истории Молдавии.

Среди значительной части молдавской политической элиты наблюдалось также стремление к интеграции страны в Европейский союз как альтернативный путь воссоединения стран при сохранении независимости Молдовы. Но на этом пути существует множество препятствий. Молдова имеет особые соглашения с Евразийским экономическим союзом и не ввела никаких санкций против Москвы, от которой она зависит как в экономическом, так и в энергетическом плане. Кроме того, ситуация в Приднестровье не может быть разрешена без согласования между участниками переговоров – Молдавией, Приднестровьем, ОБСЕ, Украиной, Россией, Европейским союзом и США. Лидер Приднестровского региона Вадим Красносельский поддерживает тесные связи с Москвой и намерен сохранить ключевую роль России в разрешении кишиневско-тираспольского конфликта. Давление со стороны Украины или Европы никак не влияет на его позицию, тем более что 96,4 % россиян, проживающих в Приднестровье, проголосовали за Владимира Путина на последних президентских выборах в России. Подавляющее большинство российских пенсионеров, проживающих в Приднестровье, получают свою пенсию из России (и часто вторую из Молдовы). К тому же большая доля трудоспособного населения работает в России. Помимо экономических соображений, жители Приднестровья чувствуют близость к России и отождествляют себя скорее с ее культурным полюсом, чем с западноевропейским.

Важно отметить, что партии восточной и западной направленности в Молдове имеют разное видение окончательного урегулирования конфликта

²⁰ Petruți, D. (2021). *Barometrul socio-politic*. Retrieved April 5, 2021, from <http://imas.md/rom/studii-socio-politice>

в Приднестровском регионе. Партии восточной направленности выступают за решение приднестровской проблемы на основе федеральных принципов государственной организации, признавая, что в этом контексте культурное, этническое и лингвистическое разнообразие должно быть фундаментальной ценностью Молдовы как полиэтнического государства. Это предполагает предоставление отдельного статуса русскому языку как языку межнационального общения с целью создания условий для гарантированного участия жителей с обоих берегов Днестра в процессе государственного строительства²¹. Версия этого видения решения приднестровской проблемы была представлена в так называемом Меморандуме Козака 2003 г., который предложил Молдавии федеративное устройство. Молдавия едва не приняла этот план, но отказалась подписать его в последний момент под влиянием Запада²². Это своего рода нисходящий подход к урегулированию приднестровского конфликта, в котором все участники в переговорах признают, что территории левобережной части Днестра должен быть предоставлен особый правовой статус и делегированы государственные полномочия власти и управления с целью создания единого государства федеративного типа, конфедерации или ассиметричной федерации.

Для проевропейских партий наделение Приднестровского региона статусом равного участника ввиду формирования унитарного государства – неприемлемое решение во всех аспектах, «особенно в ситуации, когда главным гарантом урегулирования приднестровского конфликта является Россия» (Воџан, 2009, р. 8). Одним из главных мотивов, на основании которого было отказано в подписании Меморандума Козака, являлось положение о наделении Приднестровского региона правом на равный статус в процессе строительства общего государства. Другими словами, это наделяло регион равными атрибутами в формировании внутренней и внешней политики Молдовы, тем самым он приобрел бы право налагать вето на законы, принимаемые Парламентом. «Самым опасным предложением было превращение Республики Молдова в Федерацию, в которой Приднестровье сохраняло все свои структуры, получив при этом и несогласованное право вето на все реформы в области государственной организации Молдовы» (Воџан, 2009, р. 28). Принимая во внимание, что Приднестровье фактически контролируется политической элитой Российской Федерации, это обеспечит ее прямое вмешательство в политический процесс принятия решений в Молдове. Кроме того, если бы Молдова подписала Меморандум Козака, то окончательно потеряла бы поддержку и доверие со стороны Европейского союза и США и в последующем должна была бы решать конфликт исключительно вместе с Россией (Воџан, 2009, с. 27).

²¹ *Парламент Молдавии вернул русскому статус языка межнационального общения* (2020, 16 декабря). Взято 5 апреля 2021, с <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10274305>

²² *Постановление ЕСПЧ от 19 октября 2012 г. по делу «Катан и другие (Catan and others) против Молдавии и Российской Федерации»*. Взято 5 апреля 2021, с <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=307252&dst=100100#039>; *Приднестровское урегулирование* (2016, 25 марта). Взято 5 апреля 2021, с https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2190000

Дипломатические миссии США и ЕС также внесли значительный вклад в отказ от реализации Меморандума Козака в ноябре 2003 г. с целью предотвратить возможный ущерб, нанесенный российской политикой в регионе. Похоже, что интерес к Республике Молдова со стороны этих структур сводится к обеспечению политической стабильности и недопущению активизации российского военного присутствия в регионе. При этом для США и ЕС было не так важно, будет ли модель урегулирования спора основываться на федеральных или других принципах.

По мнению прозападных партий, переговорный процесс между Кишиневом и Тирасполем должен быть направлен в первую очередь на устранение барьеров для всех видов экономической деятельности и установление взаимовыгодных контактов для сближения двух берегов (в том числе в сфере образования, транспорта, телекоммуникаций и инфраструктуры, имущественных прав). Особое внимание должно быть уделено разрушению стереотипов, передаваемых через искаженную информационную систему в Приднестровском регионе путем манипулирования общественным мнением. Слишком долго в сознании приднестровского населения культивировался образ врага на правом берегу Днестра. Иными словами, в перспективе прозападных партий политика решения приднестровского конфликта должна принять форму поэтапного решения социально-экономических проблем, негативно влияющих на жизнь граждан обоих берегов Днестра. Конечная цель – создать демократически единое государство с надежной перспективой европейской интеграции, защищенное от любого повторения сепаратизма (Voçan, 2009, p. 31). Данный подход скорее носит характер снизу-вверх, или стратегии «маленьких шагов». Помимо создания условий для урегулирования конфликта, эта стратегия направлена на повышение привлекательности Республики Молдова для граждан Приднестровского региона, преодоление существующих барьеров, лишение мотивации групп, заинтересованных в сохранении статус-кво в регионе.

Заключение

Кризис идентичности, отсутствие модели развития и главного внешне-политического вектора страны являются одними из самых серьезных вызовов для развития Республики Молдова и не позволяют ее народу реализовывать общие интересы, такие как экономическое развитие и создание успешно функционирующего государства, восприимчивого к нуждам граждан. А попытки политиков использовать этническую принадлежность и язык в своих интересах еще больше углубляют раскол и противоречия в обществе. В этом контексте формирование чувства «мы, граждане Республики Молдова» затрудняется, ограничивая тем самым развитие страны.

Чтобы уменьшить пространство для маневра корыстных политиков и повысить шансы Республики Молдова стать сильным демократическим государством, правительство должно разработать и активно пропагандировать программу развития страны и институциональной модернизации. Такая более прагматическая, интеграционистская модель общества постепенно смогла бы привести к развитию гражданской идентичности молдаван, что в свою очередь повысило бы лояльность граждан к государству.

Список литературы

1. Ильичева, Л.Е., Комаровский, В.С. (Ред.). (2020). *Россия в XXI веке*. М.: Аспект-пресс.
2. Перчинская, Н.П. (2013). Издержки и выгоды от интеграции Молдовы в ЕС и ЕврАзЭС. *Инновации*, (9), 28–35.
3. Boțan, I. (2009). *Reglementarea transnistreană: O soluție europeană*. Chisinau: ARC.
4. Cimpoeșu, D. (2016). Scurtă istorie critică a relațiilor bilaterale dintre România și Republica Moldova (1991–2016). *PLURAL. History, Culture, Society*, 4(2), 156–167. https://doi.org/10.37710/plural.v4i2_8
5. Cupcea, R. (2020). Cu sau fără coronavirus, Republica Moldova este un stat eșuat. *Revista de Științe Politice și Relații Internaționale*, 17(2), 98–106.
6. Gagauz, O., Stratan, A., Buciuceanu-Vrabie, M., Penina, O., Ciubotaru, V., & Cheianu-Andrei, D. (2016). *Analiza situației populației în Republica Moldova*. Chisinau: Fondul ONU pentru Populație în Republica Moldova.
7. Goșu, A. (2018). The time of the oligarch. Relations between Romania and the Republic of Moldova (2009–2018). *Studia Politica. Romanian Political Science Review*, 18(3), 393–421.
8. Groza, I., Jopp M., & Pistrinciu V. (2017). *Consolidarea coeziunii sociale și a unei identități comune în Republica Moldova: Probleme cheie și recomandări practice*. Chisinau: German Federal Foreign Office in the Republic of Moldova.
9. King, C. (2002). *Moldovenii: România, Rusia și politica culturală*. Chisinau: ARC.
10. Lavric, A. (2017). Dificultățile integrării comunității rusofone din Republica Moldova: consecințe asupra securității naționale. *Relații internaționale. Plus*, (1), 81–91.
11. Pușcaș, V., & Roman A. (2019). Consolidarea statalității Republicii moldova în contextul actelor juridice–660 de ani de la întemeierea Țării Moldovei. *Vector European*, (1), 23–27.

References

1. Boțan, I. (2009). *Reglementarea transnistreană: O soluție europeană*. Chisinau: ARC.
2. Cimpoeșu, D. (2016). Scurtă istorie critică a relațiilor bilaterale dintre România și Republica Moldova (1991–2016). *PLURAL. History, Culture, Society*, 4(2), 156–167. https://doi.org/10.37710/plural.v4i2_8
3. Cupcea, R. (2020). Cu sau fără coronavirus, Republica Moldova este un stat eșuat. *Revista de Științe Politice și Relații Internaționale*, 17(2), 98–106.
4. Gagauz, O., Stratan, A., Buciuceanu-Vrabie, M., Penina, O., Ciubotaru, V., & Cheianu-Andrei, D. (2016). *Analiza situației populației în Republica Moldova*. Chisinau: Fondul ONU pentru Populație în Republica Moldova.
5. Goșu, A. (2018). The time of the oligarch. Relations between Romania and the Republic of Moldova (2009–2018). *Studia Politica. Romanian Political Science Review*, 18(3), 393–421.

6. Groza, I., Jopp M., & Pistrinciuc V. (2017). *Consolidarea coeziunii sociale și a unei identități comune în Republica Moldova: Probleme cheie și recomandări practice*. Chisinau: German Federal Foreign Office in the Republic of Moldova.
7. Ilyicheva, L. E., & Komarovskiy, V. S. (Eds.). (2020). *Rossiya v XXI veke* [Russia in the 21st century]. Moscow: Aspect-press.
8. King, C. (2002). *Moldovenii: România, Rusia și politica culturală*. Chisinau: ARC.
9. Lavric, A. (2017). Dificultățile integrării comunității rusofone din Republica Moldova: consecințe asupra securității naționale. *Relații internaționale. Plus*, (1), 81–91.
10. Perchinskaya, N.P. (2013). Izderzhki i vygody ot integracii Moldovy v ES i EvrAzE'S. [The costs and benefits of integration the Republic of Moldova into EU and EEC]. *Innovacii*, (9), 28–35.
11. Pușcaș, V., & Roman A. (2019). Consolidarea statalității Republicii moldova în contextul actelor juridice–660 de ani de la întemeierea Țării Moldovei. *Vector European*, (1), 23–27.

Информация об авторе

Кристина Александровна Павлюк, кандидат экономических наук, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6511-4004>, e-mail: cristinabuga.perso@gmail.com

Information about the author

Cristina Alexandrovna Pavliuc, Candidate of Economical Sciences, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6511-4004>, e-mail: cristinabuga.perso@gmail.com

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ВИДЕОБЛОГОВ В РОССИЙСКОМ СЕГМЕНТЕ YOUTUBE*

Вероника Юлдашевна Грушевская,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
v.iu.grushevskaja@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 03.03.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Грушевская В.Ю. Дискурсивные особенности молодежных видеоблогов в российском сегменте YouTube // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 160–175. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_160

Аннотация

Статья посвящена исследованию дискурсивных особенностей молодежных видеоблогов в российском сегменте YouTube. Целью работы является выявление и систематизация взаимосвязей между различными уровнями дискурса: особенностями функционирования медиасреды видеоблогов, их жанровой системой, стилистикой и мотивацией медиапотребления. Для достижения данной цели на основе вторичного анализа данных, полученных с помощью сервисов веб-аналитики, определен перечень российских YouTube-каналов, имеющих высокие показатели виртуальной активности аудитории. Основное внимание уделено поведению аудитории, получившей значительную долю контроля над процедурами производства дискурса в социальных медиа. На основе систематизации наработок социально-гуманитарной науки в области изучения цифровой коммуникации выделены наиболее характерные дискурсивные особенности молодежных видеоблогов: преобладание развлекательных и коммерциализированных практик; мотивация медиапотребления,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20–011–00683.

© Грушевская В.Ю., 2021

связанная с поиском наименее энергоемких способов психологической разрядки и получения информации; доминирование эмоционального контента; выпадение аналитических и диалогических элементов; технологии продвижения, основанные на искусственной сенсационности и провокациях. Посредством функционального анализа, помимо доминирующей развлекательной функции видеоблогов, раскрыта способность сетевого дискурса видеоблогов отвечать целому ряду запросов, связанных с идентификацией социального статуса. Выявлено противоречие между высоким социальным статусом видеоблогеров среди современной молодежи и специфическими особенностями медийной среды. Отмечены некоторые эффекты сетевых коммуникаций: хайп-продвижение, феномен постправды, эффект «эхокамеры». Систематизация различных уровней дискурса видеоблогов позволяет установить, что вызывающее беспокойство общественности противоречие между высоким социальным статусом известных видеоблогеров и возможным негативным влиянием их контента на представления о мире, ценности, цели и поведение молодых людей во многом обусловлено условиями интерактивной, ориентированной на максимизацию релевантности и монетизацию медиасреды. Статья адресована специалистам в области социальных и гуманитарных исследований, занимающимся вопросами дискурс-анализа и междисциплинарного изучения коммуникативных процессов в современных социальных медиа.

Ключевые слова:

видеоблог, YouTube, интернет-коммуникация, социальная сеть, молодежная аудитория, лидер мнений, инфлюенсер, новые медиа, дискурс, медиапотребление.

UDC 316.7

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_160

DISCURSIVE FEATURES OF YOUTH VIDEO BLOGS IN THE RUSSIAN SEGMENT OF YOUTUBE

Veronica Yu. Grushevskaya,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
v.iu.grushevskaya@urfu.ru

Article received on March 3, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Grushevskaya, V.Yu. (2021). Discursive Features of Youth Video Blogs in the Russian Segment of YouTube. *Scientific journal "Discourse-P", 18(3)*, 160–175. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_160

Abstract

The article studies discursive features of youth video blogs in the Russian segment of YouTube. The aim of the work is to identify and systematize the relationships between different levels of discourse: the peculiarities of functioning of the video blogs media environment, the genre system, stylistics, and motivation of media consumption. To achieve this aim, based on the secondary analysis of data obtained using web analytics services, a list of Russian YouTube channels with high indicators of virtual audience activity has been determined. The main focus of the work is on the behavior of the audience, which has received a significant share of control over procedures and discourse production in social media. Based on systemizing achievements of social and humanitarian science in the field of digital communication, the most characteristic discursive features of youth video blogging are identified: the predominance of entertainment and commercialized practices; the motivation of media consumption associated with the search for the least energy-intensive ways of psychological relaxation and information acquisition; the dominance of emotional content; loss of analytical and dialogical elements; promotion technologies based on artificial sensationalism and provocations. With the help of functional analysis, in addition to the dominant entertainment function of video blogs, the ability of the network discourse of video blogs to respond to a number of requests related to the identification of social status is revealed. A contradiction is found out between the high social status of video bloggers among modern youth and the specific features of the media environment. Some effects of network communications are noted: hype promotion, the post-truth phenomenon, the “echo chamber” effect. The systematization of various levels of vlogging discourse makes it possible to conclude that the contradiction of public concern between the high social status of popular video bloggers and the possible negative impact of their content on worldview, values, goals and behavior of young people is largely due to the nature of the media environment, which is interactive, focused on maximizing relevance and monetization. The article is addressed to specialists in the field of social and humanitarian studies dealing with issues of discourse analysis and interdisciplinary study of communicative processes in modern social media.

Keywords:

video blog, YouTube, internet communication, social network, youth audience, opinion leader, influencer, new media, discourse, media consumption.

Введение

Актуальность исследования обусловлена ростом доли видеоблогов в структуре медиапотребления российской молодежи. Согласно данным отчета о состоянии цифровой сферы Global Digital 2021, самой популярной социальной площадкой в России является YouTube – этой сетью пользуются 85% интернет-пользователей в возрасте от 16 до 64 лет, при этом россияне младших возрастов используют видеохостинг особенно активно. Для сравнения: ВКонтакте попу-

лярен у 78 % интернет-пользователей¹. При этом содержание YouTube-каналов нередко оценивается обществом неоднозначно, критика связана с отсутствием процедур проверки достоверности транслируемой информации, провокационным характером некоторых сюжетов, демонстрацией моделей девиантного поведения и возможным негативным влиянием контента видеоблогов на образ реальности и видение будущего молодых людей. Однако для построения эффективной стратегии противодействия негативному влиянию видеоблогов в настоящее время недостаточно информации о природе их популярности и принципах организации дискурса.

Основные подходы к решению проблемы исследования разработаны в рамках теории влияния средств массовой коммуникации (СМК) на общественное мнение. Е. Катц и П. Лазарсфельд описали процесс «двухступенчатого потока коммуникации», согласно которому роль посредников между СМК и членами микрогрупп выполняют лидеры мнений, которые адаптируют информацию с учетом уровня образования и интересов своей группы и передают свои собственные интерпретации событий (Katz & Lazarsfeld, 1955). Теория П. Лазарсфельда была развита Р. Мертоном, выделившим типы лидеров мнения: локальный и космополитический, мономорфный и полиморфный (Merton, 1968).

В современных исследованиях прослеживается определенное противоречие между интуитивным пониманием важной роли видеоблогов в формировании картины мира и ценностей входящего в жизнь поколения и отсутствием систематизации принципов и эффектов такого влияния. Так, Дж. Берджесс и Дж. Грин рассматривают видеоблоги как актуальную форму социальных медиа и отмечают, что данный канал занял центральное место в борьбе за власть и контроль в новой медиасреде (Burgess & Green, 2009). Ф. Бенсон анализирует видео на YouTube как сложные, многоавторизованные, мультимодальные тексты, динамически возникающие из процессов текстуально-опосредованного социального взаимодействия (Benson, 2017). Л. Шифман обращает внимание на факторы популярности видеоблогов: простоту, эмоциональность и неофициальность стиля, которые снижают дистанцию между зрителями и авторами и вызывают доверие (Shifman, 2012). Жанровая структура видеоблогов проанализирована в работах И.А. Текутьевой (2016), В.А. Лущикова и М.В. Терских (2018). Объектом изучения становятся механизмы распространения видеороликов, связанные как с определенными «вирусными» особенностями внутренней структуры, так и с внешними индикаторами социального влияния, например, рейтингом и статистикой (Spart et al., 2017). Исследователями также изучается психологический контекст пользовательского опыта с учетом степени активности участников (Khan, 2017). Исследования В. Вестенберг², Е.В. Михайловой (2018) и целый ряд других подтверждают эффективность использования видеоблогов для формирования позитивного восприятия брендов.

¹ *Digital 2021: The Russian Federation* (2021, February 11). Retrieved February 20, 2021, from <https://datareportal.com/reports/digital-2021-russian-federation>

² Westenberg, W. (2016). *The influence of Youtubers on teenagers: A descriptive research about the role Youtubers play in the life of their teenage viewers* [Master thesis]. Retrieved February 20, 2021, from https://essay.utwente.nl/71094/1/Westenberg_MA_BMS.pdf

Внимание отечественных исследователей уже привлекли популярные в русскоязычном сегменте YouTube видеоблогеры, освещающие актуальные общественно-политические вопросы: Алексей Навальный (Петрова, 2019; Гигаури и др., 2019); Дмитрий Иванов, известный как kamikadze_d (Дементьева, 2017), Анатолий Шарий (Долгов, 2016); Николай Соболев (Загидуллина, 2018), Юрий Дудь (Ефанов, 2018; Подосокорский, 2018).

С появлением видеоблогов молодежь получила технологическую возможность формировать собственное дискурсивное пространство в цифровой среде. Некоторые ее особенности – доступность и простота публикации, использование широкого спектра технологий продвижения, своеобразная жанровая структура, относительная свобода самовыражения и т. д. – делают влияние видеоблогеров непохожим на влияние классических лидеров мнений и селебрити: видеоблогеры имеют широкий охват аудитории, однако сама коммуникация носит более опосредованный и условный характер.

Целью данной работы является выявление и систематизация взаимосвязей между различными уровнями дискурса: особенностями функционирования медиасреды видеоблогов, их жанровой системой, стилистикой и мотивацией медиапотребления.

В основе исследования лежит систематизация и обобщение представлений современной социально-гуманитарной науки о сущностных особенностях видеоблогов как феномена интернетизации общества. Структурно-функциональный подход позволяет выявлять внутренние связи, существующие между тематикой, стилистикой, жанровыми особенностями и мотивацией медиапотребления и распространения видеоблогов. Для описания активности аудитории используется вторичный анализ данных, полученных с помощью социологического опроса молодежи и сервисов веб-аналитики. Данные веб-аналитики получены с помощью сервисов YouTube, Google Trends, Yandex WordStat, Whatstat.

Результаты исследования

При описании дискурсивных процессов в Интернете в целом и видеоблогах в частности особое внимание следует уделять поведению аудитории. Это связано с тем, что пользователь YouTube, вводящий поисковые запросы и выбирающий между многочисленными каналами, получает значительную долю контроля над процедурами селекции дискурса. Аудитория принимает участие и в производстве дискурса, оставляя комментарии, и в его развитии и распространении, влияя на репутацию, видимость и продвижение канала через систему виртуальной активности. Таким образом, целостный анализ дискурсивных особенностей видеоблогов предполагает понимание контекста медиапотребления и учет мотивации пользователей.

В первую очередь необходимо определить перечень российских YouTube-каналов, привлекающих наибольшее внимание и интерес аудитории. Рейтинги популярности регулярно публикуют профильные ресурсы, такие как официальный блог Google³ или Brand Analytics⁴. Для изучения поведения аудитории мы

³ YouTube представляет: самые популярные видео 2020 (2020, 7 декабря). Взято 20 февраля 2021, с <https://russia.googleblog.com/2020/12/youtube-2020.html>

⁴ Top-20 русскоязычных YouTube-блогеров, июнь 2020. Тотальный летсплей,

использовали открытые статистические данные YouTube-каналов, содержащие ряд метрик: количество подписчиков соответствующего канала по данным YouTube и количество просмотров по данным сервиса Whatstat.ru. Исключив из списка детские каналы, мы получили список проектов, имеющих высокие показатели виртуальной активности (таблица 1).

Таблица 1 – Открытые данные об активности аудитории российских YouTube-каналов (Whatstat.ru, 2021)

Каналы	Подписчики, млн.	Просмотры, млрд.
A4	30,8	8
Ивангай	17,7	3,7
HiMan	16,4	1,7
Marmok	15,8	2,7
TheBrianMaps	15,3	3,6
Поззи	10,9	5,4
EdisonPts	10,9	3,9
Kuplinov ► Play	10,7	4,4
Lady Diana	10,3	5,3
Дима Масленников	10,3	1,4
MORGENSHTERN	10	1,3
Little Big	6,7	2,5
вДудь	6,7	1,4
Алексей Навальный	6,5	1,2
BadComedian	Скрыто	1,2

Проблема общедоступных статистических данных заключается в том, что они могут стать объектом манипуляций. Поэтому мы обратились к дополнительным источникам данных: сервисам Yandex WordStat и Google Trends, собирающим информацию о количестве поисковых запросов. По данным Yandex WordStat, свыше 1 млн. показов в месяц за 2020 г. в среднем выводилось только по запросам «Моргенштерн» и «Навальный».

Сервис Google Trends позволяет сравнить данные по пяти темам или запросам, выбрать регион, период, а также сравнить статистику веб-поиска в Google с поиском только в YouTube. Мы сравнили в сервисе Google Trends поисковые запросы за 2020 г., содержащие имена некоторых видеоблогеров из представленного выше списка (Алексей Навальный, Моргенштерн, Поззи, Куплинов, Дудь). В веб-поиске Google по России доминируют показы по запросам «Моргенштерн» (44%) и «Алексей Навальный» (37%), что свидетельствует о том, что интерес к этим персонам связан с включением их активности в бо-

но челленджеры не сдаются (2020, 13 июля). Взято 20 февраля 2021, с <https://br-analytics.ru/blog/top-20-youtube-june-2020/>

лее широкие контексты, информацию об их деятельности пользователи ищут на разных веб-ресурсах. Аналогичную картину можно наблюдать по запросу «Литл Биг».

Поиск только в YouTube демонстрирует достаточно равномерное распределение уровня интереса к выбранным каналам (рисунок 1).

Доля от общего количества (5) поисковых запросов в YouTube в России

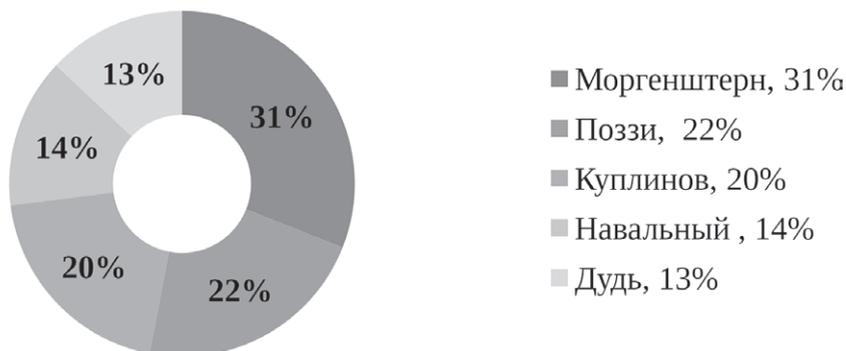

Рисунок 1 – Поисковые запросы в YouTube за 2020 г. (Google Trends, 2021)

Относительно высокая частотность в поиске YouTube таких запросов, как «Поззи», «Куплинов», «Мармок», «Дудь», «Ивангай», «Дима Масленников», свидетельствует о том, что интерес к ним связан преимущественно с их видеоблогами.

Как видим, подростковый и молодежный контент на YouTube неоднороден, интерес пользователей вызывают как развлекательные и музыкальные каналы, так и каналы общественно-политической направленности.

Для понимания характера дискурсивных процессов нужно изучить релевантность контента, т.е. его способность удовлетворять информационные и социально-психологические запросы пользователей. Исследователи медиапотребления (Khan, 2017; Дмитриева, 2013) к числу индивидуальных потребностей, мотивирующих активность в социальных сетях, относят потребности в досуговых развлечениях, отвлечении, игре, информационной связи с окружающим миром, самоидентификации, самоутверждении.

Функцию развлечения и отвлечения хорошо выполняют такие жанры видеоблогов, как летсплеи, челленджи, юмористические обзоры, подборки комических эпизодов, пранки, экстрим, разрушения, шоу с распаковкой, переозвучки, пародии и т.д. Юмористический контент позволяет с минимальными затратами получить позитивные эмоции и психологическую разрядку, поднимает самооценку зрителя, помогает отвлечься, психологически изолироваться от будничной обстановки и повседневных обязанностей.

Одним из самых популярных развлекательных жанров на YouTube является летсплей, в нем работают Marmok, Pozzi, Kuplinov Play, EdisonPts,

TheBrianMaps, в этом жанре снимал свои первые ролики Ивангай. Летсплей привлекает большую аудиторию поклонников компьютерных игр. Игровой сюжет в таких видеороликах сопровождается эмоциональными комментариями в разговорном стиле. Стилистически сниженные речевые обороты формируют образ неформальной коммуникации, ассоциируются с живым общением и совместными развлечениями со сверстниками.

В развлекательных видеоблогах обнаруживается много аффективного юмора, в таких случаях существенным элементом самопрезентации становится клоунада и эпатаж. Так, герои челленджей ставят себя в смешное положение, получая взамен просмотры и подписчиков (A4, HiMan). Исследователи, описывающие дискурсивные особенности челленджей (Петренко, 2017; Khasawneh et al., 2020), отмечают, что участники ради одобрения виртуальной референтной группы, роста числа просмотров и развития канала готовы выполнять опасные и зачастую унижительные задания.

Видеоблоги собирают аудиторию с общими запросами и интересами. Представленные в видеоблогах сведения, мнения и реакции адаптируются к стилю общения и социально-культурному контексту собранного сообщества. Комментарии и виртуальная статистика под роликом дополняют образ социальной реакции сообщества на обсуждаемое явление. Сегментированные аудитории, адаптированная подача информации, гибкость жанровой системы и моделей самопрезентации, своеобразные принципы формирования репутации, а также относительная простота и свобода публикации – все это не только формирует специфическую культуру видеоблогинга, но и делает видеоблоги привлекательной рекламной площадкой и превращает успешные каналы в бизнес-проекты. Videоблоги дают погруженной в цифровую среду молодежи примеры успешной адаптации, самоутверждения и ведения бизнеса в цифровой медиасреде. Опрос старшеклассников Москвы, проведенный в 2018 г., показал, что творческие занятия, такие как «блогер товаров», «интернет-тренер», «ютубер-рекламщик» вошли в число популярных среди старшеклассников профессий (Краснов, 2018, с. 31). Резонансные выпуски популярных видеоблогеров становятся значимым и обсуждаемым явлением в медиа. Наблюдается определенное противоречие между высоким социальным статусом видеоблогеров среди современной молодежи и специфическими особенностями медийной среды, в которой они преуспевают.

Перспективы монетизации накладывают определенный отпечаток на характер контента. Так, тематические блоги (автоблоги, техноблоги, футблоги, тревелблоги и т. д.) предполагают рассказы об актуальных потребительских практиках, товарах и услугах, а каналы, посвященные знаменитостям, могут использоваться для продвижения «роскошных», «стильных» и «эмоциональных» брендов.

Преобладающие механизмы монетизации обеспечивают доминирование дискурсов консьюмеризма и молодежных поп-культур. В самопрезентации видеоблогеров, снимающих музыкальные видеоклипы или работающих в жанрах «бьюти», «лайфстайл», «тревел», «распаковки» и т. п., модели поведения высокостатусных членов микрогрупп соединяются с гламурными моделями поведения селебрити (Lady Diana, MORGENSHTERN). В работах О. И. Пименовой (2018) и О. Ф. Русаковой (2009) раскрыты универсальные содержательные черты гламура: идеализация; знаково-символическая природа

и ритуализм; ориентация на «другого» (референтные группы, являющиеся источником идеальных образцов для подражания, и окружающее сообщество «зрителей», чье внимание надо привлечь и получить признание или зависть); статусная природа, которая проявляется главным образом через демонстративное потребление и гедонизм как базовую ценностную установку; simultaneity и иллюзорность в поведенческих практиках. В видеоблогах можно найти демонстрации модных трендов, обсуждение событий, связанных с успехом и высоким общественным статусом (жизнь знаменитостей, истории успеха, желательно, легкого), «статусный» реквизит и декорации. При этом конфликт между реальным положением зрителя и идеализированными потребительскими стандартами имеет определенные дисфункциональные последствия. Так, психологи отмечают, что для молодых людей характерно переживание внутриличностного конфликта, связанного с расхождением между Я-реальным и Я-идеальным («могу» и «хочу») (Сиврикова и др., 2017).

Видеоблоги, затрагивающие социальные проблемы (Sobolev, Данила Поперечный), транслируют эмоциональные реакции и личные мнения авторов и гостей шоу. Стилистика молодежных видеоблогов содержит черты, характерные, с одной стороны, для развлекательных юмористических шоу, с другой – сетевых дискуссий на повышенных тонах. Она предполагает разговорный стиль общения, яркие образы, провокации, постиронию, сарказм и сатиру. Шоу и политика сливаются в единое целое, становится сложно определить, что перед нами: проект шоу-бизнеса, использующий скандальные информационные поводы для провоцирования большего общественного резонанса, или выражение политической позиции в развлекательной форме. Политизированный компонент обеспечивает такому дискурсивному проекту необходимый драматургический конфликт, придает ценность и актуальность, обеспечивает продвижение, вовлекает в полемику пользователей на других каналах и платформах.

Исследователями уже описаны некоторые тактики и инструменты манипуляции в видеоблогах, освещающих общественно-политические темы. М.В. Петрова (2019) рассмотрела тактики манипуляции на материале политических видеоблогов, обзорающих события, в которых непосредственное участие принимал А. Навальный, и выделила следующие характеристики манипулятивной интенции: сокрытие истинной цели воздействия; применение некооперативных речевых стратегий и тактик (например, связанных с проявлением речевой агрессии, бездоказательными обвинениями, замалчиванием информации); специализированные речевые приемы (логические уловки, приемы сокрытия информации, «нагруженный язык» и др.).

Некоторые примеры манипуляции общественным мнением, дезинформации и пропаганды в видеоблогах получили широкий общественный резонанс. Так, пранкер Евгений Вольнов в 2018 г. после пожара в «Зимней вишне» провел стрим «Угораем с Кемерово», а также спровоцировал волну распространения недостоверных сведений о числе жертв пожара, поддержанную рядом других популярных у молодежи видеоблогеров. Основатели канала Nexta (Степан Путило и Роман Протасевич) в интервью Юрию Дудю рассказывали о пропагандистских целях канала, публикации непроверенной информации и осознанном применении жесткой риторики.

Отдельно стоит отметить, что на жанровую систему, тематику и стилистику видеоблогов влияют не только запросы аудитории, но и принципы распространения и продвижения в социальных сетях. В видеоблогах используются различные методы привлечения внимания, от обычного акцентирования особой важности информации с помощью интонации, мимики, жестикюляции до создания впечатления сенсационности с помощью запретных или нежелательных тем, которые не находят отражения в официальных СМИ. Ютуберы широко используют взаимный пиар, делая совместные выпуски. Для распространения контента посредством запуска волны сообщений в других СМИ могут использоваться провокации. Практики успешного целенаправленного стимулирования интереса аудитории к какому-либо явлению или событию исследователи медиадискурса нередко описывают, используя слово из молодежного сленга «хайп». Д. А. Самарин (2019) пишет, что «его значение в основном связывается с желанием создать вокруг какого-либо лица или события ажиотаж, имеющий навязчивый и рекламный характер» (с. 83). Автор отмечает краткосрочность хайп-проектов, их целенаправленность, способность отражать системные запросы массовой аудитории, намеренное помещение в хайп-проекты идей, распространение которых может привести к значимым последствиям.

Таким образом, мы видим, что принципы релевантности, продвижения контента и монетизации оказывают существенное влияние на жанровую систему, тематику и стилистику каналов, а также транслируемые образы реальности, эмоциональные реакции, модели самопрезентации и поведения. В научной литературе описаны некоторые эффекты такого рода коммуникаций, характерные для социальных сетей и применимые к дискурсу видеоблогов.

Транслируемые в видеоблогах мнения резонируют с личными убеждениями подписчиков и культивируются как в комментариях к видеороликам, так и в других социальных сетях и мессенджерах, где общаются члены сообществ. В такой ситуации наиболее значимым убеждающим фактором становится коллективное согласие, эмоции и поддержка референтного сообщества. Такая коммуникативная ситуация формирует благоприятные условия для появления феномена постправды. А. Ю. Гарбузняк (2019) определяет постправду как «коммуникативный процесс, порождающий нарратив с упомянутыми свойствами: отдельные факты и аналитические выводы обладают в нем меньшей убеждающей силой, чем готовые интерпретации, предлагающие более или менее целостную картину мира, которая резонирует с уже существующими личными убеждениями граждан. Факты, не вписывающиеся в нарратив постправды, отвергаются» (с. 186).

Подписчики канала, объединившиеся на основе общих интересов или информационно-психологических потребностей, формируют дискурс, способный эмоционально подпитывать и усиливать общие ценности. В профильных исследованиях для определения замкнутой коммуникативной ситуации, «при которой любая система убеждений, отвязываясь от соответствия фактам, усиливается благодаря поддержке сетевых единомышленников», используется термин «эхокамера» (Поцелуев, Подшибякина, 2018). От участников публичных дискуссий, разворачивающихся внутри и вокруг резонансных видеороликов, зачастую не требуется глубокого понимания обсуждаемой темы и знания фактов.

Кроме того, в свободном от нормативных ограничений цифровом пространстве нередко различные формы цифровой агрессии: троллинг, хейтерство,

флейминг, кибербуллинг. В таких случаях имидж выстраивается на основе форм доминирования, характерных для деструктивного лидерства. Для таких видеоблогов характерно использование обсценной лексики, распространение жаргонизмов, сленгизмов, просторечий. При этом неформальная, эмоциональная, открыто субъективная стилистика видеоблога позволяет «навешивать ярлыки», использовать оскорбительные эпитеты, метафоры, а драматургическое напряжение, порождаемое обостренными противоречиями, усиливает эстетическую привлекательность контента. Распространенные в видеоблогах практики провокации и троллинга, хейтинга и высмеивания порождают очередные инфоповоды, становятся источниками новых волн споров и обсуждений скандального поведения микроселебрити, а значит, ведут к увеличению количества просмотров. В таком контексте коммуникации скандальная репутация, обеспечивающая большее количество упоминаний в медиа, может оказаться более выигрышной стратегией продвижения, чем позитивный имидж.

Заключение

На основе вторичного анализа данных были выявлены наиболее существенные особенности функционирования медиасреды видеоблогов, в частности:

- интерактивность сервисов, приводящая к усилению влияния аудитории;

- организация информационного пространства на принципах максимизации релевантности;

- возможность объединять вокруг канала людей, имеющих общие информационные и социально-психологические запросы;

- перспективы монетизации проектов.

Представленная совокупность факторов оказывает определенное влияние на жанровые, стилистические и миромоделирующие параметры контента и дискурсивные особенности видеоблогов, в частности, побуждает авторов:

- преподносить информацию в доступной, развлекательной и неформальной манере;

- создавать ролики, способные удовлетворять самые разные информационные и социально-психологические запросы аудитории;

- обращаться к тематикам, сюжетам и жанрам, которые мало представлены или отсутствуют в традиционных СМИ;

- открыто выражать мнения и эмоциональные реакции;

- намеренно инициировать волны распространения информации в медийном пространстве, используя естественные социально-психологические реакции аудитории.

Список литературы

1. Гарбузняк, А.Ю. (2019). Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе. *Знание. Понимание. Умение*, (1), 184–192. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.14>
2. Гигаури, Д.И., Гуторов, В.А., Ширинянц, А.А. (2019). YouTube-

блогеры как лидеры общественного мнения молодежи: новые технологии формирования идентичности в виртуальном пространстве. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (3), 51–58.

3. Дементьева, К.В. (2017). Медиаплощадки в Интернете как способ выражения общественного мнения молодежи. *Журналистский ежегодник*, (6), 9–12.

4. Дмитриева, Ю.Н. (2013). Психологические детерминанты самоутверждения личности в социальных сетях. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, (12), 283–287.

5. Долгов, М.И. (2016). «Новые медиа» и СМИ: сравнение возможности влияния на индивидуальное и общественное сознание (на примере канала видеохостинга YouTube «Анатолий Шарий»). *Инновационная наука*, (2–5), 172–175.

6. Ефанов, А.А. (2018). «Хайпы» в современном поле медиа. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, (1), 63–69.

7. Загидуллина, А.Р. (2018). Преодоление парасоциальности: лидеры YouTube как генераторы гражданской журналистики (на примере каналов SOBOLEV и Philip DeFranco). *Знак: проблемное поле медиаобразования*, (2), 17–22.

8. Краснов, А.Ю. (2018). Престиж профессии и современные трудовые предпочтения россиян. *Общество: социология, психология, педагогика*, (9), 29–33. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.9.5>

9. Лущиков, В.А., Терских, М.В. (2018). Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*, 4(14), 57–75.

10. Михайлова, Е.В. (2018). Beauty blogging на YouTube как новая медиасреда, опосредующая потребление. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, (1), 75–79.

11. Петренко, М.С. (2017). Видео челлендж и видеоблоги как инструменты манипуляции. В И.В. Архипова (Ред.), *Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития* (с. 189–194). Новосибирск: НГПУ.

12. Петрова, М.В. (2019). Тактики речевой контрманипуляции в российских политических видеоблогах. *Вопросы теории и практики журналистики*, 8(3), 625–639. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(3\).625-639](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(3).625-639)

13. Пименова, О.И. (2018). Гламур: попытка социологической концептуализации понятия в интернет-эпоху. В *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования* (с. 721–732). Екатеринбург: УрФУ.

14. Подсокорский, Н.Н. (2018). «Лицо с экрана». В чем секрет популярности ток-шоу «вДудь»? *Наука телевидения*, 14(3), 151–166. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-151-166>

15. Поцелуев, С.П., Подшибякина Т.А. (2018). О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер». *Научная мысль Кавказа*, (2), 29–34.

16. Русакова, О.Ф. (2009). Дискурс глобальной глэм-культуры. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (1), 21–26.

17. Самарин, Д. А. (2019). Хайп как современный медиафакт в пространстве языка и культуры: за и против. *Вестник Череповецкого государственного университета*, (4), 83–90. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-4-91-8>
18. Сиврикова, Н. В., Жеребкина, В. Ф., Постникова, М. И. (2017). Взаимосвязь проявлений внутриличностного конфликта и стиля медиапотребления студентов. *Российский психологический журнал*, 14(3), 70–87. <https://doi.org/10.21702/рпж.2017.3.4>
19. Текутьева, И. А. (2016). Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга. *Медиасреда*, (11), 107–113.
20. Чебунина, О. А. (2019). Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи. *Гуманитарий Юга России*, 8(1), 229–241. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.1.18>
21. Benson, P. (2017). *The discourse of YouTube: Multimodal text in a global context*. New York: Routledge.
22. Burgess, J. & Green, J. (2009). *YouTube: Online video and participatory culture*. Cambridge: Polity Press.
23. Katz, E., & Lazarsfeld, P. F. (1955). *Personal Influence. The part played by people in the flow of mass communication*. New York: Free Press.
24. Khan, M. L. (2017). Social media engagement: What motivates user participation and consumption on YouTube? *Computers in Human Behavior*, 66, 236–247. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.09.024>
25. Khasawneh, A., Madathi, I. C., Dixon, E., Wiśniewski, P., Zinzow, H., & Roth, R. (2020). Examining the self-harm and suicide contagion effects of the blue whale challenge on YouTube and Twitter: Qualitative study. *JMIR Mental Health*, 7(6). <https://doi.org/10.2196/15973>
26. Merton, R. K. (1968). *Social theory and social structure*. New York: Free Press.
27. Shifman, L. (2012). An anatomy of a YouTube meme. *New Media & Society*, 14(2), 187–203. <https://doi.org/10.1177/1461444811412160>
28. Spartz, J. T., Su, L. Y., Griffin, R., Brossard, D. & Dunwoody, S. (2017) YouTube, social norms and perceived salience of climate change in the American mind. *Environmental Communication*, 11(1), 1–16. <https://doi.org/10.1080/17524032.2015.1047887>

References

1. Benson, P. (2017). *The discourse of YouTube: Multimodal text in a global context*. New York: Routledge.
2. Burgess, J. & Green, J. (2009). *YouTube: Online video and participatory culture*. Cambridge: Polity Press.
3. Chebunina, O. A. (2019). Virtual'nyj social'nyj kapital v processe internet-socializacii molodezhi [Virtual social capital in the process of Internet socialization of young people]. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 8(1), 229–241. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.1.18>
4. Dementieva, K. V. (2017). Mediaploshhadki v Internete kak sposob vyrazhenija obshhestvennogo mnenija molodezhi [Media platforms on the Internet

as a way of expressing the public opinion of youth]. *Zhurnalistskij ezhegodnik*, (6), 9–12.

5. Dmitriyeva, Yu.N. (2013). Psixologicheskie determinanty samoutverzhdeniya lichnosti v social'nyx setyax [Psychological determinants of self-affirmation of personality in social networks]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (12), 283–287.

6. Dolgov, M.I. (2016). “Novye media” i SMI: sravnenie vozmozhnosti vlijanija na individual'noe i obshhestvennoe soznanie (na primere kanala videohostinga YouTube “Anatolij Sharij”) [New media and mass media: Comparison of the possibilities of influencing individual and public consciousness (by the example of the Anatoly Shariy YouTube video hosting channel)]. *Innovacionnaja nauka*, (2–5), 172–175.

7. Efanov, A.A. (2018). “Xajpy” v sovremennom pole media [“HYIPs” in the modern media field]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (1), 63–69.

8. Garbuznyak, A. Yu. (2019). Fenomen postpravdy: deval'vaciya fakta v medijnom diskurse [Post-truth phenomenon: Devaluation of fact in media discourse]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (1), 184–192. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.14>

9. Gigauri, D.I., Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2019). YouTube-blogery kak lidery obshhestvennogo mnenija molodjozhi: novye tehnologii formirovaniya identichnosti v virtual'nom prostranstve [YouTube bloggers as leaders of public opinion of youth: New technologies of identity formation in virtual space]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, (3), 51–58.

10. Katz, E., & Lazarsfeld, P.F. (1955). *Personal Influence. The part played by people in the flow of mass communication*. New York: Free Press.

11. Khan, M.L. (2017). Social media engagement: What motivates user participation and consumption on YouTube? *Computers in Human Behavior*, 66, 236–247. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.09.024>

12. Khasawneh, A., Madathi, I C., Dixon, E., Wiśniewski, P., Zinzow, H., & Roth, R. (2020). Examining the self-harm and suicide contagion effects of the blue whale challenge on YouTube and Twitter: Qualitative study. *JMIR Mental Health*, 7(6). <https://doi.org/10.2196/15973>

13. Krasnov, A. Yu. (2018). Prestizh professii i sovremennye trudovye predpochtenija rossijan [The occupational prestige and modern labor preferences of the Russians]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*, (9), 29–33. <https://doi.org/10.24158/spp.2018.9.5>

14. Lushhikov, V.A., & Terskikh, M.V. (2018). Zhanrovo-tematicheskie i yazykovye osobennosti videoblogov [Video blogging genre, thematic and linguistic properties]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshhestvennye nauki*, 4(14), 57–75.

15. Merton, R.K. (1968). *Social theory and social structure*. New York: Free Press.

16. Mikhailova, E.V. (2018). Beauty blogging na YouTube kak novaja mediasreda, oposredujushhaja potreblenie [Beauty blogging on YouTube as a new consumption-mediating media environment]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki*, (1), 75–79.

17. Petrenko, M.S. (2017). Video chellendzh i videoblogi kak instrumenty manipulyacii [Video challenge and video blogs as manipulation tools].

In I. V. Arkhipova (Ed.), *Sovremennoe kommunikacionnoe prostranstvo: analiz sostoyaniya i tendencii razvitiya* (pp. 189–194). Novosibirsk: NGPU.

18. Petrova, M. V. (2019). Taktiki rechevoj kontrmanipulyacii v rossijskix politicheskix videoblogax [The tactics of verbal countermanipulation in Russian political video blogs]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 8(3), 625–639. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(3\).625-639](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(3).625-639)

19. Pimenova, O. I. (2018). Glamur: popytka sociologicheskoy konceptualizacii ponyatiya v internet-e'poxu [Glamor: Attempt of sociological conceptualization of the concept in the Internet-epoch]. In *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt e'mpiricheskogo issledovaniya* (pp. 721–732). Ekaterinburg: UrFU.

20. Podosokorsky, N. N. (2018). “Lico s jekrana”. V chem sekret populjarnosti tok-show “vDud”? [“A face from the screen”. Where in lies the secret of the popularity of the talk show “vDud”?]. *Nauka televidenija*, 14(3), 151–166. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-151-166>

21. Potseluev, S. P., & Podshibyakina, T. A. (2018). O faktorax politicheskoy radikalizacii v setevoy kommunikacii posredstvom “e'xokamer” [On the factors of political radicalization in network communication through “echo chambers”]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, (2), 29–34.

22. Rusakova, O. F. (2009). Diskurs global'noj gle'm-kul'tury [Discourse of global glam-culture]. *Nauchnyj zhurnal “Diskurs-Pi”*, (1), 21–26.

23. Samarin, D. A. (2019). Hajp kak sovremennyy mediafakt v prostranstve jazyka i kul'tury: za i protiv [Hype as a modern media fact in the space of language and culture: Pros and cons]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, (4), 83–90. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-4-91-8>

24. Shifman, L. (2012). An anatomy of a YouTube meme. *New Media & Society*, 14(2), 187–203. <https://doi.org/10.1177/1461444811412160>

25. Sivrikova, N. V., Zherebkina, V. F., & Postnikova, M. I. (2017). Vzaimosvyaz' proyavlenij vnurilichnostnogo konflikta i stilya mediapotrebleniya studentov [The association between manifestations of intrapersonal conflict and the style of media consumption among students]. *Rossijskij psixologicheskij zhurnal*, 14(3), 70–87. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.3.4>

26. Spartz, J. T., Su, L. Y., Griffin, R., Brossard, D. & Dunwoody, S. (2017) YouTube, social norms and perceived salience of climate change in the American mind. *Environmental Communication*, 11(1), 1–16. <https://doi.org/10.1080/17524032.2015.1047887>

27. Tekutyeva, I. A. (2016). Zhanrovo-tematicheskaya klassifikaciya videobloginga [Genre-thematic classification of video blogging]. *Mediasreda*, (11), 107–113.

28. Zagidullina, A. R. (2018). Preodolenie parasocial'nosti: lidery YouTube kak generatory grazhdanskoj zhurnalistiki (na primere kanalov SOBOLEV i Philip DeFranco) [Overcoming parasociality: YouTube leaders as generators of citizen journalism (on the example of SOBOLEV and Philip DeFranco channels)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (2), 17–22.

Информация об авторе

Вероника Юлдашевна Грушевская, кандидат филологических наук, доцент, Институт экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6985-6638>, e-mail: v.iu.grushevskaja@urfu.ru

Information about the author

Veronica Yuldashevna Grushevskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Graduate School of Economics and Management of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6985-6638>, e-mail: v.iu.grushevskaja@urfu.ru

УДК 32.019.51+316.77

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_176

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Рецензия на монографию: Володенков С.В.
Интернет-коммуникации в глобальном пространстве
современного политического управления: навстречу
цифровому обществу. М.: Проспект, 2021. 416 с.

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.07.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Интернет-технологии в политической коммуникации: вызовы и возможности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 176-185. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_176

© Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., 2021

Аннотация

На пороге цифрового общества многие социальные институты и субъекты вынуждены трансформироваться под влиянием процессов медиатизации, виртуализации, роста больших объемов данных и цифровых технологий, а также интегрироваться в новую социальную реальность, где стираются границы между реальным и виртуальным. Настоящая статья посвящена аналитическому обзору монографии российского политолога С.В. Володенкова «Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу». Проведенный анализ позволяет выделить в рецензируемой работе три проблемно-тематических блока. Во-первых, это проблемы, связанные с рассмотрением теоретических аспектов изучения политической коммуникации и политического коммуникативного пространства. Во-вторых, тематика, освещающая феномен политического управления и его особенности в контексте современного интернет-пространства. В-третьих, вопросы, характеризующие стратегии, акторов, ресурсы, технологии и способы информационно-коммуникационного воздействия на общественное сознание, систему ценностей человека в политическом коммуникационном пространстве. При подготовке рецензии на монографию применялись: аналитический метод, категориальный анализ, методы вторичного анализа данных и сравнительный анализ. Автор рецензируемой работы опирается на статистические, социологические и аналитические данные, свидетельствующие об интенсивности процесса цифровизации социума, преобладании в обществе массовых интернет-коммуникаций, распространении информационных ресурсов в политической практике. В монографии предпринята успешная попытка анализа процесса применения интернет-технологий в сфере политических коммуникаций. Выделены и проанализированы основные интернет-технологии, направленные на манипуляцию общественным мнением. Показана практика использования технологий политической пропаганды и методов информационной агрессии в арабских и других странах, а также в политических кампаниях кандидатов в президенты США. Работа будет интересна широкому кругу читателей, поскольку затрагивает становление цифрового общества, на пороге которого находится современная цивилизация.

Ключевые слова:

интернет-технологии, цифровое общество, общественное сознание, СМИ, политическая коммуникация, медиатизация, интернет-коммуникация.

UDC 32.019.51+316.77

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_176

INTERNET TECHNOLOGIES IN POLITICAL COMMUNICATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Monograph review: Volodenkov, S. V. (2021). *Internet communications in the global space of contemporary political governance: Towards the digital society*. Moscow: Prospekt.

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Article received on July 26, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Rusakova, O.F., Gribovod, E.G. (2021). Internet Technologies in Political Communication: Challenges and Opportunities. *Scientific journal "Discourse-P"*, 18(3), 176–185. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_176

Abstract

On the threshold of a digital society, many social institutions and actors are forced to transform under the influence of mediatization, virtualization, big data expansion and digital technologies, as well as they have to integrate into a new social reality, where the boundaries between the real and the virtual are blurred. This article is an analytical review of the monograph by the Russian political scientist Sergey V. Volodenkov "Internet communications in the global space of contemporary political governance: Towards the digital society". The conducted analysis makes it possible to distinguish three problem-thematic blocks in the reviewed work. The first of them is related to the study of theoretical aspects of political communication and political communicative space. The second block covers the phenomenon of political governance and its features in the context of the modern Internet space. The third describes the issues characterizing strategies, actors, resources, technologies and methods of information and communication impact on public conscience,

on the human value system in the political communication space. Analytical method, categorical analysis, methods of secondary data analysis, and comparative analysis were used to prepare the review of the monograph. The author of the reviewed work relies on statistical, sociological and analytical data indicating the intensity of digitalization of society, the predominance of mass Internet communications in society, the spread of information resources in political practice. The monograph makes a successful attempt to analyze the process of using Internet technologies in the field of political communications. Main Internet technologies aimed at manipulating public opinion are identified and analyzed. The book shows the practice of using technologies of political propaganda and information aggression in Arab and other countries, as well as in the political campaigns of US presidential candidates. The work is certain to be of interest to a wide range of readers, since it addresses the formation of a digital society, on the threshold of which the modern civilization is.

Keywords:

Internet technologies, digital society, public conscience, mass media, political communication, mediatization, Internet communication.

Введение

Информационные технологии прочно интегрируются в разные области и сферы современного общества. Сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка в мире, затянувшийся экономический кризис и локдауны как результат пандемии новой коронавирусной инфекции (2019-нCoV) актуализируют вопросы внедрения, применения и эффективности информационно-коммуникационных технологий. Однако оценка последствий и возможностей процессов цифровизации (Bunz, 2014) и медиатизации (Непп, 2020) в эпоху постгуманизма (Грибовод, 2020) и общества постправды (Русакова, Русаков, 2019) – важная, но труднодостижимая задача.

Современная академическая наука стремится оперативно реагировать и разрабатывать актуальный теоретико-методологический инструментарий новых направлений исследований, справляться с назревшими понятийными коллизиями и пр. Большинство работ, посвященных изучению особенностей современного информационного общества (Дьякова, Трахтенберг, 2019; Евстафьев, 2021), носят междисциплинарный характер. Так, анализ влияния массмедиа на экстремальные формы политического процесса (вооруженные конфликты, войны, террористические атаки, цветные революции и др.) проведен в работе Н.С. Лабуша и А.С. Пую (2019). Феномен «мультимедийного перенасыщения» становится одной из особенностей эпохи коммуникационного изобилия (Кин, 2015, с. 15), влияя в том числе на архитектуру медиапространств и медиамodelей глобального и локального характера. Появление новых акторов (субъектов) массовой коммуникации (инфлюенсеры, блогеры и др.) существенно трансформирует структуру и модели распределения власти, порождает гибридные формы массмедийного воздействия и таргетирования.

Результаты исследования

Одной из успешных попыток описать и структурировать многоплановый процесс применения в глобальном обществе информационных технологий, а именно интернет-технологий, оказывающих существенное трансформационное воздействие на сферу политики и политических коммуникаций, является, на наш взгляд, монография «Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу», написанная Сергеем Владимировичем Володенковым, доктором политических наук, профессором факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

Условно содержание данной работы можно разделить на три основных тематических блока.

Во-первых, главы, раскрывающие теоретические аспекты развития феномена политической коммуникации, процесса медиатизации и виртуализации сферы публичной политики, а также разделы, описывающие характеристики функционирования современного коммуникационного процесса в политическом пространстве и политического коммуникативного пространства.

Автор рассматривает Интернет как «современное пространство политической коммуникации», обладающее особым статусом, поскольку оно отличается от политической среды, конструируемой традиционными СМИ, а также как пространство информационного противостояния, где появляются и могут косвенно оказывать воздействие на аудиторию «новые формы сетевой пропаганды». Интернет-технологии, по мнению С. В. Володенкова, формируют особую символическую среду, обладающую мощным ресурсом сетевой пропаганды, под воздействием которой формируются востребованные субъектами власти ценности и образы окружающего мира. Кроме того, отмечается, что интернет-среда становится месторождением симулякров, технологически заряженных манипулятивными свойствами, рассчитанными на благожелательный отклик массового пользователя (Володенков, 2021, с. 4–5).

Кроме того, С. В. Володенков выделяет следующие важные характеристики современного интернет-пространства: «горизонтальные коммуникации» как каркас для создания новых форм воздействия на общественное мнение, эффект «умная толпа», феномены «виртуальная масса» и «киберсимулякры» и др. По его мнению, современное политическое управление осуществляется с помощью коммуникационных инструментов, которые обладают рядом специфических черт, а именно: «мультимедийностью, экстерриториальностью, высоким уровнем доверия к горизонтальным коммуникациям, наличием возможностей широкомасштабного применения симулякров, падением значения непосредственно контента сообщений и возрастанием значимости пользовательских оценок данного контента» (Володенков, 2021, с. 6–7).

В монографии проведен подробный анализ особенностей и значимых тенденций, характеризующих сетевые ресурсы, конструирующие коммуникационное и политическое пространство в Интернете. Среди них – экстерриториальность, мультимедийность, оперативность, интерактивность, таргетированность, структурированность аудитории, «горизонтальность» коммуникации, пользовательская генерация контента, влияние пользовательских оценок на восприятие сообщений, визуализированные форматы подачи информации,

экстемпоральность, высокий мобилизационный потенциал, влияние сетевых ресурсов и процессов в Интернете на традиционное политическое пространство, нелIMITированность (Володенков, 2021, с. 58–91).

Несомненным достоинством монографии является комплексный анализ феномена «политическая коммуникация» и разработка авторского определения применительно к современному информационному обществу. Подчеркнем, что в своем исследовании автор опирается на большой пласт работ, раскрывающих сущность и особенности феномена политической коммуникации, в том числе на исследования корифеев теории массовой коммуникации и пропаганды, политической коммуникации: Г. Лассуэлла, П. Лазарсфельда, У. Липпмана, Н. Лумана, Г. Маркузе и др. В своей монографии автор обращается к рассмотрению феномена «пост-информационного (коммуникационного) общества» (Володенков, 2021, с. 93), где коммуникации становятся важным ресурсом и вектором, формирующим общественно-политическое устройство стран и взаимодействие населения и власти (с. 92–105).

Во-вторых, главы, посвященные рассмотрению феномена политического управления и анализу особенностей данного процесса применительно к современному интернет-пространству. Так, автор выявляет новый аспект – «коммуникационная имитация» – в сфере политического управления в цифровом пространстве (Володенков, 2021, с. 131). В одной из глав подробно рассматривается несколько сценариев развития интернет-пространства, а также связанные с этим возможные социально-политические последствия. Кроме того, при анализе традиционной модели представительной демократии автор исследует возможности и риски альтернативных форматов взаимодействия общества и власти в условиях трансформации и развития интернет-коммуникаций, а именно: модели прямой демократии, демократии соучастия, совместного действия и экспертной демократии.

В работе отмечается, что политическое управление зависит от коммуникационной среды (Володенков, 2021, с. 31). Кроме того, и субъект, и объект политического управления оперируют набором информационно-коммуникационных средств как для «ценностно смыслового транзита», так и для получения, обработки информации, необходимой для восприятия социальной и политической действительности. Одной из особенностей современного коммуникационного пространства политики является его контекстуальность. Согласимся с автором, что информационные технологии, в первую очередь коммуникативные (установка повестки дня, фрейминг, прайминг), формируют медиадискурсы – ценностные и смысловые контексты и дискурсы, которые применяются при политическом управлении. Автор подчеркивает, что «объективная реальность» – это медиареальность (формируемая из моделей), которая становится доминирующей, т. к. в современном обществе основным источником информации являются СМИ (с. 41). Особая роль в формировании представлений о социальной и политической реальности и ее репрезентации отводится «киберсимулякрам» и цифровым технологиям (например, голограммам). Кроме того, С. В. Володенков указывает на глобальную тенденцию виртуализации политического пространства посредством интернет-технологий, которые, в отличие от традиционных медиатехнологий, более диверсифицированы (с. 48–50). Сетевые сообщества, по мнению автора, выступают в качестве «нового (информационного) класса», в котором

блогеры как представители «информационной буржуазии» могут оказывать влияние на политические системы стран, рассматриваться как властный ресурс и субъект политического управления (с. 130).

В работе поднимаются важные вопросы: определение и оценка «реальных границ виртуального пространства» стран, а также соотношение идентичностей территориальной и виртуальной в контексте системы национальной идентичности и внутренней политики стран (Володенков, 2021, с. 51–52). Как отмечает автор монографии, одной из характерных особенностей воздействия интернет-коммуникации на политическое управление становится нивелирование национальной специфики политического пространства и потеря контроля над ним (с. 106–107).

В-третьих, главы, описывающие методы и технологии информационно-коммуникационного воздействия на систему ценностей, смыслов и общественное сознание (методы скрытого, манипулятивного влияния, а также агитация, пропаганда, политическая реклама, PR и др.), применяемые как традиционными СМИ, так и новыми медиа в политическом коммуникационном пространстве. На примере цветных революций в арабских странах и на Украине, массовых акций протеста в Гонконге, Боливии и др., а также политических кампаний кандидатов в президенты США исследованы технологии и инструменты интернет-коммуникаций.

Необходимо отметить, что С.В. Володенков, опираясь на разнообразные статистические и аналитические данные, графически показывает изменения аудитории Интернета, распределение пользователей между разными платформами и сервисами, распространение мобильной коммуникации, а также другие важные количественные параметры цифровизации социума. Рассматривая цифровое неравенство как одну из потенциальных угроз цифрового общества, С.В. Володенков предлагает новый аспект в рассмотрении данной проблемы. Исследователь показывает, что при изучении данного феномена вектор смещается от неравномерного доступа населения к средствам и каналам информации к разному уровню доступа к большим данным и инструментам и навыкам работы с большими массивами данных (с. 148).

Большое внимание читателей может привлечь анализ механизмов применения интернет-технологий в политической практике. С.В. Володенков на примере основных информационных каналов и ресурсов (Twitter, YouTube, Instagram и др.), применяемых в предвыборных кампаниях Д. Трампа, Б. Обамы, Х. Клинтон и других кандидатов в президенты США, рассмотрел основные способы коммуникации с целевой аудиторией, акцентируя внимание именно на цифровой коммуникации. Кроме того, автор отмечает, что формирование лояльности к кандидату как медиаперсоне и проводимой им политической деятельности осуществляется через современные каналы коммуникации – мобильные (приложения на смартфонах) и социальные медиа (например, Facebook) (Володенков, 2021, с. 151–228).

Заключение

В заключение подчеркнем, что С.В. Володенков комплексно и теоретически аргументированно подошел к решению поставленной задачи – рассмотрению

разнообразных аспектов становления цифрового общества в контексте функционирования интернет-технологий политической коммуникации. В дополнение к сказанному отметим, что тенденция соседства «коммуникационного изобилия» и «коммуникационной бедности» – важный факт, который вносит значительные коррективы в социальные процессы общества, к примеру, при реализации национальных программ предоставления государственных и муниципальных услуг населению (см.: Трахтенберг, 2019). Цифровые границы или «цифровое неравенство», рост цифровой грамотности населения и поддержание информационной безопасности – это лишь небольшой пласт задач, которые должны решать современные политические акторы, в том числе через инструментарий современных информационных средств коммуникации.

Монография вносит значительный теоретический и практический вклад в развитие политической коммуникативистики и социологии коммуникации. Одним из ее достоинств является присутствие значительного массива иллюстративных материалов, в том числе репрезентующих социологические и статистические данные. Книга будет интересна и полезна политологам, журналистам, социологам, специалистам по PR и SMM, а также студентам, аспирантам и преподавателям высших учебных заведений и научных организаций.

В качестве перспективного направления при развитии выбранной автором темы выскажем ему пожелание направить свои дальнейшие исследовательские усилия на разработку проблемы образования в сетевом пространстве симулятивных новообразований, обладающих мощным потенциалом суггестивного воздействия. В частности, предметом специального рассмотрения могли бы стать такие феномены, как постправда и постистория, которые широко внедряются в массовое сознание посредством сетевой пропаганды (Русакова, Русаков, 2019, с. 10–27), а также технологии deerfake и др. Также в плане рекомендаций автору можно предложить более детально раскрыть существующие модели массового потребления информации в сфере публичной политики и политического управления, которым посвящена отдельная глава в монографии. Надеемся, что данная работа будет продолжена автором.

Список литературы

1. Володенков, С.В. (2021). *Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: навстречу цифровому обществу*. М.: Проспект.
2. Грибовод, Е.Г. (2020). Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (4), 133–150. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>
3. Дьякова, Е.Г., Трахтенберг, А.Д. (2019). *Повестка дня и информационное общество: социологические очерки*. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый.
4. Евстафьев, Д.Г. (2021). Кризис современного информационного общества как отражение кризиса глобального мира. *Свободная мысль*, (1), 163–176.
5. Кин, Дж. (2015). *Демократия и декаденс медиа*. М.: Высшая школа экономики.

6. Лабуш, Н.С., Пую, А.С. (2019). *Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм*. СПб.: Санкт-Петербургский университет.

7. Русакова, О.Ф., Русаков, В.М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (2), 10–27. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>

8. Трахтенберг, А.Д. (2019). Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (4), 108–118. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10407>

9. Bunz, M. (2014). *The silent revolution: How digitalization transforms knowledge, work, journalism and politics without making too much noise*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137373502>

10. Hepp, A. (2020). *Deep mediatization*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351064903>

References

1. Bunz, M. (2014). *The silent revolution: How digitalization transforms knowledge, work, journalism and politics without making too much noise*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137373502>

2. Dyakova, E. G., & Trakhtenberg, A. D. (2019). *Povestka dnya i informatsionnoye obshchestvo: sotsiologicheskiye ocherki* [Agenda-setting and information society: Sociological essays]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

3. Evstafiev, D.G. (2021). Krizis sovremennogo informacionnogo obshhestva kak otrazhenie krizisa global'nogo mira [Crisis of a modern information society as reflection of crisis of the global world]. *Svobodnaya mysl'*, (1), 163–176.

4. Gribovod, E.G. (2020). Étapy stanovleniia postgumanizma. K postanovke problemy [Phase of the formation of the posthumanism. To the statement of a problem]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (4), 133–150. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>

5. Hepp, A. (2020). *Deep mediatization*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351064903>

6. Keane, J. (2015). *Demokratiia i dekadens mediax* [Democracy and media decadence]. Moscow: Vysshaya shkola e'konomiki.

7. Labush, N.S., & Puyu, A.S. (2019). *Mediatizatsiia ékstremaal'nykh form politicheskogo protsesssa: voïna, revoliutsiia, terrorizm* [Mediatization of extreme forms of the political process: War, revolution, terrorism]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet.

8. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiia politiki postpamiati [Post-truth discourse as a media technology of the politics of postmemory]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (2), 10–27. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>

9. Trakhtenberg, A.D. (2019). Kitajskaya sistema social'nogo kredita: vzglyad snaruzhi i iznutri [China's social credit system: Look inside and out]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (4), 108–118. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10407>

10. Volodenkov, S. V. (2021). *Internet-kommunikatsii v global'nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniia: navstrechu tsifrovomu obshchestvu* [Internet communications in the global space of contemporary political governance: Towards the digital society]. Moscow: Prospekt.

Информация об авторах

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Information about the authors

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_186

ОБЗОР СТАТЬИ М. ФЛИГЕЛЯ И З. КРИЗА «МЯГКАЯ СИЛА ПО-ПЕКИНСКИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, ОТЛИЧНАЯ ОТ АМЕРИКАНСКОЙ»

Валерия Максимовна Тумакова,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
valtumakova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.05.2021, принята к публикации 15.09.2021

Для цитирования: Тумакова В.М. Обзор статьи М. Флигеля и З. Криза «Мягкая сила по-пекински: концептуализация, отличная от американской» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 186–194. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_186

Аннотация

Настоящая работа представляет собой аналитический обзор статьи «Мягкая сила по-пекински: концептуализация, отличная от американской» (Beijing-style soft power: A different conceptualisation to the American coinage), опубликованной в 2020 г. в журнале China Report. Авторы статьи – чешские исследователи Михал Флигель (Michal Fliegel) и Зденюк Криз (Zdeněk Kříž) – сравнивают китайскую концепцию с американской моделью. Это дает им основание утверждать, что китайские академики и политические деятели теоретизируют мягкую силу по-своему. Основным методом исследования выступает сочетание компонентных и дискурсивных методик, что позволяет в полной мере отразить уникальную концепцию мягкой силы Китая. Также используются структурно-функциональный, исторический и компаративистский подходы. Исследуемая проблематика проанализирована чешскими авторами в полном объеме, референсы их статьи отсылают к трудам ученых-пионеров в данной области (как западных, так и китайских). В ходе исследования получены следующие научные результаты: проведен исторический анализ трансформационных процессов

© Тумакова В.М., 2021

в китайской концепции мягкой силы; предложена периодизация этих процессов; проиллюстрировано, как мягкая сила Китая основывается на древней философии и основных социалистических ценностях, которые пропагандируются правительством; охарактеризован современный вектор политической синтагмы мягкой силы Китая в сравнении с американской парадигмой. По мнению чешских ученых, в отличие от США, где мягкая сила в основном развивается свободно, в Китае она сильно централизована. Делается вывод о том, что КНР как восходящая держава больше концентрируется на создании внутренней мягкой силы, рассматривая ее главным образом как средство социального развития, что определяет существенные отличия от американской модели.

Ключевые слова:

мягкая сила, Китай, США, концептуализация, синтагма, парадигма, дискурсивный анализ, международные отношения.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_186

REVIEW OF THE ARTICLE BY M. FLIEGEL AND Z. KŘÍŽ “BEIJING-STYLE SOFT POWER: A DIFFERENT CONCEPTUALISATION TO THE AMERICAN COINAGE”

Valeria M. Tumakova,

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N.Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
valtumakova@gmail.com

Article received on May 31, 2021, accepted on September 15, 2021

For citation: Tumakova, V.M. (2021). Review of the Article by M. Fliegel and Z. Kříž “Beijing-Style Soft Power: A Different Conceptualisation to the American Coinage”. *Scientific journal “Discourse-P”*, 18(3), 186–194. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_186

Abstract

This study presents an analytical review of the article “Beijing-style soft power: A different conceptualisation to the American coinage”, published in 2020 by the China Report. The authors of the article – Czech researchers Michal Fliegel and Zdenyuk Kříž – compare the Chinese concept with the American model. This gives them a reason to argue that soft power is theorized by Chinese academics and policymakers in their own way. The main research method is a combination of component and discursive methods, which allows us

to fully reflect the unique concept of China's soft power. Structural-functional, historical and comparative approaches are also applied. The studied issue is thoroughly analyzed by the Czech authors, the references of their article include the works of pioneer scientists in this field (both Western and Chinese). In the course of the study, the following scientific results are obtained: a historical analysis of transformation processes in the Chinese concept of soft power is carried out; the periodization of these processes is proposed; it is illustrated how China's soft power is based on ancient philosophy and basic socialist values promoted by the government; the modern vector of the political syntagma of China's soft power is characterized in comparison with the US paradigm. According to the Czech scientists, unlike in America, where soft power mainly develops freely, in China, it is highly centralized. It is concluded that the PRC, as a rising power, concentrates more on building domestic soft power, considering it primarily as a means of social development, which determines its significant differences from the American model.

Keywords:

soft power, China, USA, conceptualization, syntagma, paradigm, discourse analysis, international relations.

Введение

Настоящая работа представляет собой аналитический обзор статьи «Мягкая сила по-пекински: концептуализация, отличная от американской» (Beijing-style soft power: A different conceptualisation to the American coinage), опубликованной в 2020 г. в журнале *China Report*. Ее авторами являются чешские исследователи Михал Флигель (Michal Fliegel) и Зденюк Криз (Zdeněk Kříž).

Прежде чем перейти к обзору основных положений данной статьи, отметим, что тема мягкой силы в целом и мягкой силы Китая в частности достаточно востребована в современном научном дискурсе. Это доказывают и референсы статьи чешских авторов, которые отсылают к трудам ученых-пионеров в данной области. Что касается отечественных исследований, то они также проводятся (см., например: Русакова, Грибовод, 2019; Русакова, Ковба, 2019; Русакова, 2015). Есть исследования, направленные на сравнение стратегий мягкой силы России и Китая (Будаев, 2016; Ни, Кучинская, 2017; Владимирова и др., 2020), России и государств Центральной Азии. При этом большинство российских исследований выполнены преимущественно в парадигме Россия vs США, Китай, Индия и направлены на рассмотрение именно *российской позиции* в политике экспорта мягкой силы. В этой связи анализ работы М. Флигеля и З. Криза, рассматривающих концепцию мягкой силы Китая в исторической ретроспективе и на современном этапе, а также сравнивающих ее с американской моделью, представляется актуальным и значимым.

Результаты исследования

Основным методом исследования в анализируемой работе выступает сочетание компонентных и дискурсивных методик, что позволяет в полной мере

отразить уникальную концепцию мягкой силы Китая. Также используются структурно-функциональный, исторический и компаративистский подходы. Так, например, важным этапом структурно-функционального подхода является понимание того, что Китай как восходящая держава концентрируется на создании внутренней мягкой силы, прежде всего через синтез социалистических ценностей и древней философии. Эти векторы, в свою очередь, отображаются для внешнего мира.

Согласно М. Флигелю и З. Кризу, Пекин использует несколько смысловых каналов (в том числе через официальные СМИ), чтобы наиболее полно рассказать о китайской истории, культуре, политике и т. д., и создает международные платформы, чтобы представить себя ответственным глобальным игроком: «...когда речь идет о мягкой силе, основное внимание уделяется культурной составляющей, которая на самом деле понимается в Китае гораздо шире, чем на Западе. Она включает в себя управление примером и добродетелью. По сути, можно сказать, что в китайском понимании культура уже включает в себя основные столпы мягкой силы, перечисленные Дж. Найем. Руководство Китая осознало, что сегодня благоприятный национальный и международный имидж важен для построения сильной страны. Мягкая сила и социалистическая культура, по сути, сливаются и приобретают стратегическое значение для Пекина» (Fliegel & Kříž, 2020, p. 2).

Чешские авторы особо подчеркивают, что измерение мягкой силы – непростая задача, поскольку это нематериальное явление (Fliegel & Kříž, 2020, p. 12). Тем не менее исследования в этом направлении ведутся. В качестве примеров приводятся наработки китайских и западных авторов, а также более сложные индексы, в частности, Global Indicators Database американского исследовательского центра Пью (Pew Research Center). Опросы общественного мнения в разных странах показывают, что Китай имеет относительно позитивный имидж в Африке и Южной Америке, однако в Азии мнения неоднозначны, тогда как в Европе и Северной Америке они остаются низкими (p. 12).

Среди основных тезисов анализируемой работы мы особо выделим два. Во-первых, утверждение, что «американская мягкая сила диффузна по своей природе, а китайская – жестко централизована». Другими словами, в отличие от Соединенных Штатов, где «мягкая сила в значительной степени развивается децентрализованно и свободно», в Китае она жестко структурирована синтагматически (линейно) с четким вектором директивы (Fliegel & Kříž, 2020, p. 2). Во-вторых, «китайские ученые-теоретики видят мягкую силу главным образом как средство социального развития» (p. 6).

Говоря о понятийно-категориальном аппарате статьи, отметим, что большинство терминов представлено в междисциплинарном ключе. Это обусловлено тем, что исследование проведено на стыке разных дисциплин – науки о международных отношениях, социологии, когнитивной лингвистики, семиотики и др. Об этом свидетельствует наличие в тексте таких терминов, как «концептуализация» и «концепт», «фрейм», «проекции» и «проекционный смысл», «акторы» и т. д.

Два важнейших для исследования понятия – «концепт» (и, как следствие, «концептуализация») и «фрейм» – помогают наглядно продемонстрировать, как некое образование репрезентирует ментальность китайского народа, отраженную

в языке. Оперирование термином «концепт» позволяет говорить о дискретности ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека, обладающей относительно упорядоченной внутренней структурой и представляющей собой результат познавательной деятельности личности и общества, несущего комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении (в данном случае о процессах воздействия мягкой силы на внутреннюю политику Китая), а также об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету. Фреймовый подход к концептуализации позволяет авторам выстроить в смысловые цепочки эксплицированные смыслы и интенции, которые как раз и формируют уникальную форму китайской мягкой силы, точнее, приоритет развития так называемой социалистической культуры, которая в конечном итоге работает в обоих направлениях.

В качестве методологии исследования М. Флигель и З. Криз предлагают методы, которые в общем виде могут быть обозначены как компонентный и дискурсивный анализ. Это позволяет многомерно представить процессы внутри Китая и, как следствие, сравнить их с американскими механизмами воздействия мягкой силы.

Одно из основополагающих положений работы заключается том, что «КНР – это высокоцентрализованная страна под руководством Коммунистической партии Китая (КПК), функционирующая по принципу «сверху вниз». Политика Пекина строго соблюдается вплоть до нижних чинов» (Fliegel & Kříž, 2020, p. 2). Именно из-за этого любая интеракция мягкой силы контролируется высшими должностными лицами. Здесь авторы делают вывод о том, что с западной точки зрения, точнее, с американской, «это явление можно назвать пропагандой, однако Пекин воздерживается от использования этого термина, возможно, из-за его негативной коннотации» (p. 11).

Проводя параллели, авторы утверждают, что «американская мягкая сила действует в основном по восходящей, когда действующие лица осуществляют свою работу более-менее без правительственных ограничений» (p. 3); значительную роль играют, например, неправительственные организации, гражданское общество и индустрия культуры. Отмечается, что именно «американский образ жизни распространяется по всему миру через различные медиа, кино, музыку и книги» (Fliegel & Kříž, 2020, p. 4). Это возможно вследствие того, что в отличие от Китая на Западе культурная политика четко не регламентирована: «Художники могут свободно выражать взгляды, которые могут противоречить позициям правительства»; «Свобода акторов мягкой силы в обращении к глобальной аудитории является основой привлекательности Америки» (p. 4). Также чешские исследователи отмечают одну интересную особенность: американская культура часто пользуется любовью народов других стран, в то время как внешняя политика США нередко вызывает неприязнь, следствием чего является широкое распространение концептуальной биграммы «любовь-ненависть».

Говоря о генезисе и развитии мягкой силы Китая, авторы делают акцент на том, что она «формировалась столетиями, задолго до появления этого термина на Западе» (Fliegel & Kříž, 2020, p. 5–6). Соответствующие идеи упоминаются в текстах таких известных мыслителей, как Конфуций, Сунь-цзы и Мэн-цзы. Они задолго до Дж. Найя (Nye, 2004) выдвигали различные способы «подавать

пример». Их философия есть некий костяк китайского цивилизационного государства (Hayden, 2012). Так, в имперские времена «цель Китая заключалась не в том, чтобы доминировать над другими государствами с помощью силы, а скорее в том, чтобы быть центром сферы влияния, за которой последуют другие» (Fliegel & Kříž, 2020, p. 7). Китайская Республика, которая пришла на смену павшей династии Цин, также использовала некоторые механизмы, схожие с тем, что сегодня понимается под мягкой силой, чтобы заручиться поддержкой Запада во Второй японо-китайской войне. Между тем, внутри страны, где шла гражданская война, все большую силу набирали коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, который дал ряд интервью американскому репортеру Эдгару Сноу, представив свою партию миру и став тем самым известным на Западе. После образования Китайской Народной Республики был выбран иной вектор – обращение «вовнутрь». Основываясь на этом, чешские авторы заключают, что «во время восстановления социалистической духовной цивилизации главной целью партии было подтверждение своего лидирующего положения в обществе» (p. 8). Тем не менее этот шаг также можно рассматривать как проекцию мягкой силы на домашнюю аудиторию (население). Постепенное открытие Китая миру, связанное с именем Дэн Сяопина и проводимой им политикой реформ и открытости, начинается в конце 1970-х гг. Однако долгое время основным фокусом была экономика. Только в 2000-е гг. китайское руководство начинает говорить о важности мягкой силы, как внешней, так и внутренней, однако основной упор все же делается на внутреннюю политику. В настоящее время Китай предлагает много усилий по распространению своей мягкой силы, которую председатель КНР Си Цзиньпин называет неотъемлемой частью китайской мечты о великом возрождении китайской нации.

М. Флигель и З. Криз пишут о том, что параллельно в Китае развиваются теоретические школы мягкой силы, среди которых две являются основными. Первую школу, которая получает больше всего внимания не только академического сообщества, но и правительства, можно интерпретировать как культурную (некоторые исследователи (Courmont, 2015) называют ее Шанхайской). Основные представители школы – социологи – полагают, что в основе привлекательности Китая лежит его богатый культурно-исторический бэкграунд. Так, влиятельный китайский ученый Юй Синьтянь утверждает, что под мягкой силой понимаются идеи, принципы, институты и политика (p. 8). Все это в конечном итоге так или иначе относится к сфере культуры. Другой представитель школы Янь Яньчан говорит о ведущей роли марксизма в культурной составляющей мягкой силы, которая ведет людей к социализму. Он рассматривает идеологию как «неотъемлемую часть национальной культуры, в которой именно социалистическая система ценностей укрепляет сплоченность и привлекательность» (p. 9).

Вторая школа мягкой силы Китая, пользующаяся меньшей популярностью, называется политической. Ее наиболее известным представителем является Янь Сюэтуан, который концентрируется на изучении мягкой силы во внешней и внутренней политике. Во внутренней сфере он подчеркивает «необходимость хорошей правовой системы, идеологии и моральных принципов, которые работают как во внутреннем, так и во внешнем направлении». При этом ученый считает, что «мягкая сила Китая зависит от способности правительства гармонизировать собственное общество» (Fliegel & Kříž, 2020, p. 9).

Заключение

Подводя итог, среди очевидных плюсов работы М. Флигеля и З. Криза выделим нестандартный подход к проблеме репрезентации китайской синтагмы мягкой силы как инструмента выстраивания в первую очередь внутренней политики. Исследование вносит значимый вклад в разработку проблематики отличий мягкой силы Китая и США. Плюсом является анализ концепта «сила» внутри фрейма национальных устоев Китая, выделение особенностей мягкой силы в рамках национальной идентичности. Авторами глубоко проанализирован генезис и семантическое ядро китайской мягкой силы. Отметим междисциплинарность исследования, которое к тому же хорошо структурировано, учитывает значимые для анализируемого явления факторы, а выбранная авторами методология отвечает поставленным задачам. Но и минус работы чешских ученых, на наш взгляд, достаточно очевиден: присутствует некая размытость формулировок именно в контексте международных отношений, из-за чего ощущается крен в сторону междисциплинарного подхода с уклоном в социологию и когнитивно-региональные исследования.

Однако если говорить в целом, статья «Мягкая сила по-пекински: концептуализация, отличная от американской» М. Флигеля и З. Криза дает иллюстрацию того, как китайское видение мягкой силы отличается от западного. Оно основывается на древней философии и основных социалистических ценностях, которые пропагандируются правительством. Китайские теоретики рассматривают мягкую силу главным образом как средство социального развития, что определяет ее существенные отличия от американской модели.

Список литературы

1. Будаев, А.В. (2016). Сравнительный анализ «мягкой силы» во внешней политике России и Китая. *Политика и общество*, (7), 948–959. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.7.15644>
2. Владимирова, Д.А., Журбей, Е.В., Карповская, А.А. (2020). «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, (1), 123–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/123-137>
3. Ни Ц., Кучинская, Т.Н. (2017). Культурный брендинг в репрезентативных практиках китайской мягкой силы. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (3–4), 115–120. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.115120>
4. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). *Soft power: теория, ресурсы, дискурс*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».
5. Русакова, О.Ф., Грибовод, Е.Г. (2019). Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы». *Международные процессы*, 17(1), 62–72. <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.1.56.4>
6. Русакова, О.Ф., Ковба, Д.М. (2019). Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (1), 37–50. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.3750>

7. Courmont, B. (2015). Soft power debates in China. Retrieved March 10, 2021, from http://www.academic-foresights.com/Soft_Power_Debates_in_China.html
8. Fliegel, M., & Kříž, Z. (2020). Beijing-style soft power: A different conceptualisation to the American coinage. *China Report*, 56(1), 1–18. <https://doi.org/10.1177/0009445519895615>
9. Hayden, C. (2012). *The rhetoric of soft power: Public diplomacy in global context*. Washington DC: Lexington Books.
10. Nye, J. (2004). *Soft Power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.

References

1. Budaev, A. V. (2016). Sravnitel'nyj analiz "myagkoj sily" vo vneshnej politike Rossii i Kitaya [Comparative analysis of the "soft power" in foreign policies of Russia and China]. *Politika i obshchestvo*, (7), 948–959. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.7.15644>
2. Courmont, B. (2015). Soft power debates in China. Retrieved March 10, 2021, from http://www.academic-foresights.com/Soft_Power_Debates_in_China.html
3. Fliegel, M., & Kříž, Z. (2020). Beijing-style soft power: A different conceptualisation to the American coinage. *China Report*, 56(1), 1–18. <https://doi.org/10.1177/0009445519895615>
4. Hayden, C. (2012). *The rhetoric of soft power: Public diplomacy in global context*. Washington DC: Lexington Books.
5. Ni, J., & Kuchinskaya, T. N. (2017). Kul'turnyj brending v reprezentativnyx praktikax kitajskoj myagkoj sily [Cultural branding in representative practices of China's soft power]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (3–4), 115–120. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.115120>
6. Nye, J. (2004). *Soft Power: The means to success in world politics*. New York: PublicAffairs.
7. Rusakova, O. F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".
8. Rusakova, O. F., & Gribovod, E. G. (2019). Informacionno-kommunikativnye komponenty "myagkoj sily" [Information components of soft power: Communicative aspects]. *Mezhdunarodnye processy*, 17(1), 62–72. <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.1.56.4>
9. Rusakova, O. F., & Kovba, D. M. (2019). Issledovaniya myagkoj sily v rossijskoj politicheskoj nauke: analiz problemno-tematicheskix polej [Soft power studies in the Russian political science: Analysis of problematic-topic fields]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (1), 37–50. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2019.34.1.3750>
10. Vladimirova, D. A., Zhurbey, E. V., & Karpovskaya, A. A. (2020). "Myagkaya sila" vo vneshnej politike Rossii i Kitaya: osobennosti nacional'nyx strategij ["Soft power" in foreign policies of Russia and China: Features of national strategies]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, (1), 123–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-1/123-137>

Информация об авторе

Валерия Максимовна Тумакова, магистрант, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5850-4418>, e-mail: valtumakova@gmail.com

Information about the author

Valeria Maksimovna Tumakova, Master degree student, Ural Institute of Humanities of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5850-4418>, e-mail: valtumakova@gmail.com

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Нye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
4. **Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. В аннотации должна быть отражена следующая информация: цель, методы исследования (теоретико-методологическая и эмпирическая основа исследования), полученные в ходе исследования результаты, основные выводы.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
13. **Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, фамилия, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

<p>Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи</p>	<p>Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i>, 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1</p>	<p>Bezhtentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i>, 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1</p>
--	---	--

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

<p>Художественные книги</p>	<p>Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i>. М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i>. New York: Literary Classics of the United States.</p>
<p>Законы, акты (курсивом выделяется название закона)</p>	<p><i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-О3) ст. 5 (Россия)</i>. Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/</p>
<p>Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)</p>	<p>Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i>. Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328</p>
<p>Новость (курсивом выделяется заголовок новости)</p>	<p><i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/</p>
<p>Новость (курсивом выделяется заголовок новости)</p>	<p><i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574</p>

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in "Discourse-P" scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a "quoted text" (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).

Requirements to the Articles
Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the purpose of the study; research methods; major findings of the analysis or trends detected; and the brief summary of scientific contribution and conclusions.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.

Requirements to the Articles
Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China, 6</i> (1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov